

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО Пермский государственный национальный исследовательский университет
ООО «Учебный центр “Информатика”»

ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: СОВРЕМЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**Часть 1. Философия и культурология,
филология, лингвистика, современные иностранные языки,
история и музейное дело, политология, экономические науки,
социально-экономическая география, сервис и туризм**

Материалы заочной всероссийской с международным участием
научно-практической конференции
(25–30 декабря 2012 г.)

Пермь 2013

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008
ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Научные редакторы – к. филос. н. *К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур*

Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук: материалы заочной всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. студ., асп., молодых ученых, педагогов и преподавателей (25–30 декабря 2012 г.): в 4 ч. / науч. ред. К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – Ч. 1. Философия и культурология, филология, лингвистика, современные иностранные языки, история и музейное дело, политология, экономические науки, социально-экономическая география, сервис и туризм. – 212 с.

ISBN 978-5-7944-2058-6 (ч.1)
ISBN 978-5-7944-2057-9

Представлены материалы заочной всероссийской с международным участием научно-практической конференции (25–30 декабря 2012 г.) «Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В конференции приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Владивостока, Хабаровска, Магадана, республики Хакасия, Ульяновска, Оренбурга, Якутска, Красноярска, Дзержинска, Краснодарского края, Перми и Пермского края. Международное участие представлено учеными из Объединенных Арабских Эмиратов и Украины.

В сборник включены статьи, посвященные решению актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания – философии, культурологии, психологии, педагогики, филологии, юриспруденции и др.

Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008
ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Печатается по решению оргкомитета конференции

Организационный комитет конференции:

Канд. филос. наук, ст. преп. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА, ст. преп. каф. прикладной математики и информатики, докторант каф. философии ФГБОУ ВПО ПГНИУ *К.В. Патырбаева (г. Пермь)*; к. культурологии, зав. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА *Л.Л. Леонова (г. Пермь)*; д. филос. н., проф. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА *Кукьян В.Н. (г. Пермь)*; ст. преп. каф. спец. психологии ФГБОУ ВПО ДВГГУ *Е.Ю. Мазур (г. Хабаровск)*; д-р физ.-мат. наук, проф., зав. каф. прикл. матем. и информ. *С.В. Русаков (г. Пермь)*; педагог-психолог высшей квалификационной категории *М.И. Патырбаева (г. Пермь)*

ISBN 978-5-7944-2058-6 (ч.1)
ISBN 978-5-7944-2057-9

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2013

**Часть 1. Философия и культурология,
филология, лингвистика, современные иностранные языки,
история и музейное дело, политология,
экономические науки, социально-экономическая география,
сервис и туризм**

Направление «ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ»

Арташкина Т.А.

*Д-р филос. н., профессор кафедры культурологии и искусствоведения
Школы искусства, культуры и спорта
Дальневосточного федерального университета
г. Владивосток, Россия*

**СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В КУЛЬТУРЕ**

Словосочетание «массовая культура» есть название социального феномена, существование которого, как правило, не подвергается сомнению. В данном словосочетании, по крайней мере, одно понятие – «культура» – является категорией. Для категорий уже не существует более общего, родового понятия, и, вместе с тем, это понятие обладает минимальным содержанием, фиксируя минимум признаков охватываемых данным понятием предметов.

И. Валлерстайн, пытаясь анализировать социокультурные проявления феномена глобальной культуры в современном мире, отчетливо понимал категориальную принадлежность понятия «культура»: «Как всем известно, “культура” является одним из наиболее двусмысленных, наиболее спорных слов/понятий в лексиконе общественной науки. Нет ни малейшего согласия по поводу того, что это слово означает или подразумевает» [1]. Когда в 1952 г. американские культурологи А. Крёбер и К. Клакхон опубликовали список из 164 определений слова «культура», выяснилось, что в большинстве случаев оно употребляется наряду с термином «цивилизация». По мысли А. Вебера, культура и цивилизация – это два тесно связанных, но различных феномена. Понимание того, что культура – это не весь искусственно создаваемый человеком мир и что к культуре необходимо относить лишь собственно «человеческое» в цивилизации, а именно все то, что имеет разумное основание и может быть применено с пользой в жизненной практике, приходит в эпоху Просвещения. Следовательно, культура возникает вместе с появлением мышления как механизма творчества, позволяющего людям «осмысливать не только окружающий мир, жизненный и исторический опыт множества людей, но и энергетические импульсы,

идущие от круга вечно воспроизводящихся и возникающих вновь потребностей личного, группового и общественного масштаба» [6, с. 10].

Другой термин, присутствующий в имени «массовая культура» – «массовая» («массовый») – если следовать И. Валлерстайну, также является одним из наиболее спорных понятий в общем лексиконе. Анализируя эпистемологические истоки и варианты словоупотребления понятия «массы», Г.Ю. Чернов акцентирует внимание на следующих вариантах значений этого понятия, отражаемых в разных научных подходах к анализу социально-массовых явлений: «количественность»; «однородность»; «перемешивание» (стирание различий, редукция личностей до состояния частиц толпы, «человека-массы»); «хаос» (новейший «хаос» кануна бифуркации, перехода к новому состоянию социального или его полному распаду); «неэлитарность, типичность» [11, с. 49]. Тот же Г.Ю. Чернов предупреждает об опасности смысловой эклектики в употреблении понятия/слова «массы» и его производных. При этом важно не переусердствовать в умножении семантических модусов понятия «массы».

В нашем контексте понятие «массовый» эксплицируется двумя концептами: «массовый» – много, «массовый» – без особенностей, обезличенный, единообразный.

Появление массовой культуры, с одной стороны, демократизировало сферу культуры, с другой – способствовало проникновению в эту сферу коммерческих и политических интересов, погони за прибылью. В целом, массовая культура есть производство культурных ценностей, рассчитанных на массовое потребление. В конечном счете, к формированию массовой культуры привели научно-технический прогресс и активное развитие средств массовой коммуникации.

Компьютеризация была обусловлена потребностями науки и техники и, прежде всего, необходимостью передачи машине операций по вычислению и различным видам монотонного труда, чтобы освободить человека от нетворческой деятельности. Однако могущество информационного воздействия на огромные массы людей породило новые угрозы и межцивилизационные противоречия. И наиболее разрушительным последствием информатизации общества следует признать информационные войны с применением современных информационных и социальных технологий.

Г.Г. Почепцов определяет информационную войну как коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями (см.: [8]). Тот же Г.Г. Почепцов уточняет, что он акцентирует содержательные, а не технические аспекты этого явления. При этом слово «коммуникативный» подчеркивает особый статус аудитории как объекта воздействия, поскольку успешное воздействие может опираться только на интересы, ценности и идеалы целевой аудитории. В данном случае речь идет о необходимости разговаривать с ней на одном языке в прямом и переносном смысле этого

слова. Целями такого воздействия на массовое сознание является внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре.

Информационные войны в военной сфере и в области политики и экономики являются объектом и предметом изучения многих исследователей. Информационные войны в культуре оказались если не за пределами, то, по крайней мере, на периферии исследовательских интересов. Информационная война в культуре также направлена на изменение определенных структур индивидуального и повседневного сознания. И достигается это, прежде всего, путем манипулирования.

Манипулирование есть наиболее распространенный метод воздействия на общество в различных сферах человеческой деятельности. Немецкий ученый Густав Фарбер пишет по этому поводу следующее: «Фокусники пользуются трюками. Но в наши дни трюки используют также и политические, хозяйственно-политические, культурно-политические манипуляторы. В этом смысле фокусники и менеджеры манипуляции не так уж далеки друг от друга. Но фокусник работает для игры, развлечения, обмана как самоцели. А манипуляторы современного управления, независимо от сферы, действуют вполне серьезно, с откровенной или замаскированной целеустремленностью. Ибо они создают власть. ... Даже так называемые нравственные принципы зачастую являются результатом манипуляции в целях сохранения власти меньшинства» (цит. по: [3, с. 76]).

В настоящее время идеология, пропаганда, искусство, религия, реклама, наука и т.д. используют манипуляцию в своих целях. Особую значимость в качестве средств манипуляции в конце XX столетия приобрели средства массовой информации, информационные технологии и такая социальная технология, как связи с общественностью (пиар).

Слово «пиар» – это русская транскрипция двух английских букв PR, являющихся начальными буквами английского словосочетания «public relations» («публик релейшнз»; public relations – связи с общественностью). Термин «public relations» («связи с общественностью») пришел в Россию из англосаксонского словаря в начале реформ в 1990-е гг. и успел прочно закрепиться не только в нашем лексиконе, но и в практике. Публик релейшнз, или пиар, занимают все более значительное место в рыночной деятельности российских компаний, хотя в массовом сознании этот вид социальных технологий прочно закрепился за сферой политической деятельности. Первый (до институциональный) период развития отечественных пиар датируется, как правило, 1988-1991 гг., когда выделяются субъекты конкретной профессиональной сферы и возникают определенные отношения между ними и обществом. Здесь наблюдается сочетание особенностей агитации и пропаганды советского периода с зарубежными методиками PR-технологий. Второй период (1991-1994 гг.) – период первичной институционализации отечественных пиар, стадия формирования начальной организации субъектов. Одновременно появляются центры региональной PR-

активности. И, наконец, третий период – вторичная институционализация, принятие первой Декларации профессиональных и этических принципов в этой области; российские PR становятся полноценной частью международных. Аналогичную периодизацию можно наблюдать и в истории рекламы. Конкретные этапы развития пропаганды также совпадают с указанными этапами развития пиара.

Отыскивая истоки всех этих социальных технологий в истории Российского государства, авторы, как правило, ссылаются на одни и те же примеры, даже в политической сфере. Другими словами, в иные исторические эпохи протопиар неотделим от проторекламы, собственно рекламы (особенно от политической рекламы) и пропаганды. Пример тому – советские годы, когда протопиар, политическая реклама и советская пропаганда не разграничивались. Совпадение соответствующих этапов генезиса конкретных социальных технологий детерминировано, прежде всего, тем, что их демаркация крайне затруднительна из-за совпадения их целей и конкретных методик. Как правило, такая демаркация легко фундируется по сферам применения технологий: в массовом сознании пиар репрезентируется для поддержания имиджа, реклама чаще всего относится к сфере торговли, а пропаганда наблюдается в политике. Понятно, что и в литературе, и в практике делаются попытки демаркации пиара, пропаганды и рекламы.

В обычной жизни людей захлестывают факты, теории и рекомендации по любому поводу, которые предъявляются в устном, печатном или транслированном через средства массовой информации виде. Окружить себя завесой тайны либо хранить гордое молчание – теперь этого не может себе позволить ни одна промышленная группа, общественная или культурная организация. Управление массами не может осуществляться без ряда изобретений и усовершенствований экономической, политической и социальной технологии. Именно исторический контекст способствует фундированию конкретных пиар-технологий. Протопиар затрагивает такие аспекты человеческой деятельности, как все виды искусства, политика, экономика, система общественных отношений, что позволяет современным пиар-специалистам искать в прошлом интересные примеры креативных ходов, которые используются ими для современных пиар-коммуникаций.

Уже упомянутый Г.Г. Почепцов начинает свою книгу «Паблик релейшнз для профессионалов» следующим эпиграфом: «Двое смотрят вниз. Один видит лужу, другой звезды. Александр Довженко» [9]. Действительно, в одном и том же объекте мы можем увидеть самые разные характеристики. Вопрос только в том, что именно мы захотим в нем увидеть. Сам же объект, как правило, является настолько многогранным, что позволяет обнаружить в нем и то, и другое, и третье. Поэтому задачей паблик релейшнз как раз и является помещение объекта нужной стороной и в нужное время.

В современной России выделяются четыре основных направления использования публичных релейшнз в качестве инструмента информационных войн в культуре.

Первое направление. В настоящее время связи с общественностью активно включены в процесс производства духовных ценностей. Благодаря им формируются такие духовные образования, как стереотипы, традиции, своего рода неписанные законы. Именно здесь проявляется комплексная природа PR, которые взаимодействуют как с обыденным, так и со специфическим сознанием, интегрируют в своей структуре элементы общественной психологии, идеологии, культуры и т.д.

Общая социокультурная ситуация в России 1990-х гг. характеризуется не только приобретениями, но и явными потерями, которые понесла отечественная культура, особенно в первый период реформирования российского общества. Наблюдаемые уже в те (и последующие) годы инверсии советской культуры носят прямой и обратный характер. Прямые инверсии фундированы обнаружением мифологем в советской культуре, являющихся порождением технологий протопиара. Эти технологии ничем не отличаются от современных технологий формирования имиджа (политического имиджа советских руководителей или имиджа советского человека). Обратные инверсии, напротив, репрезентированы современными пиар-технологиями, позволяющими формировать имидж конкретных представителей советской эпохи с последующей его трансляцией в общественное сознание. Зачастую при разработке и, особенно, при использовании обратных инверсий в социальной практике обнаруживается непозволительный прием доказательства и опровержения, называемый в формальной логике «двойственностью оценок (двойной бухгалтерией или готтентотской моралью)». Это уловка психологического воздействия, в соответствии с которой одно и то же положение считается верным, если оно согласуется с интересами данного человека или группы людей; и оно же считается неверным, если противоречит интересам человека или той же группы.

Второе направление. Эмоциональная сфера индивидуальной психики формируется в процессе развития культуры под воздействием норм и идеалов общественного сознания. Рациональное мышление, как форма психической деятельности, также проявляется, как способность смотреть на мир «глазами общества», через призму выработанных им абстракций и понятий. С материалистической точки зрения сознание выступает как особая форма отражения, регуляции и управления отношением людей к окружающей действительности, к самим себе и своим способам общения, которые возникают и развиваются на основе практической преобразовательной деятельности.

В настоящее время выделяются две особые категории сознания: сознание повседневное и сознание элитарное. Е. Золотухина-Аболина характеризует их как достаточно размытые, но вместе с тем реальные

образования [2]. Под повседневным, или массовым, сознанием надо понимать тип и способ мировосприятия большинства людей. Та же Е. Золотухина-Аболина отмечает, что повседневное сознание обладает рядом выразительных черт: строится вокруг субъекта, опирается на «здравый смысл», подчиняется нормам и правилам, сложившимся в обществе. Оно коммуникативно направлено. Без повседневного сознания невозможно адаптироваться и жить в реальном мире. Элитарное сознание выступает как специализированное групповое сознание так называемых творцов высокой культуры – философов, литераторов, художников, идеологов, чье внимание сконцентрировано на функционировании и развертывании духовной жизни как таковой. Прерогативой элиты всегда была относительно свободная игра мнений, представлений, суждений. Элитарное сознание является особым видом сознания, так как порождается немногими и представляет собой некую духовную лабораторию человечества [2].

В течение долгого времени, вплоть до середины XX в., повседневное и элитарное сознание функционировали в определенном, исторически сложившемся режиме. Однако в прошлые века не существовало оружия, благодаря которому основные характеристики повседневного сознания могли бы быть расшатаны. В XX столетии ситуация радикально переменялась.

Постмодернизм является признаком эпохи начавшихся изменений, вызванных бурным развитием информационных технологий и разнообразных средств массовых коммуникаций. Можно выделить специфические особенности современных технологий, которые наиболее адекватно отражают влияние постмодернизма на индивидуальное сознание:

- Способ, каким передается сообщение, определяет не только восприятие этого сообщения, но и в дальнейшем накладывает отпечаток на мироощущение индивида. Мозаичность есть неотъемлемый способ конструирования информационного кадра.
- При монтажном построении видеоклипа не создается нового образа или смысла, а воспроизводится заданная модель сообщения.
- На смену линейному способу мышления, установившемуся после изобретения печатного станка, приходит более глобальное восприятие через образы телевидения и другие электронные медиумы. Информационные технологии «работают» с текстами, но последние передаются уже не столько словесно, сколько с помощью образов.
- Информационные технологии действуют как симулякр электронных образов, т.е. таких образов, которые репрезентируют что-то, несуществующее на самом деле.
- Электронная технология позволяет с необычайной легкостью трансформировать различные кинокадры. Многократная запись, обратное движение видеопленки, спецэффекты, придающие изображению «рваный характер» – все это дает режиссеру неограниченные возможности для игры с пространством, для смены планов и дистанций.

Спецэффекты, умноженные на соответствующее содержание, порождают эффект присутствия в реальном мире. Поэтому не случайно уход от традиций реализма в искусстве становится очередным средством формирования специфической виртуальной реальности, которая способна существенно деформировать индивидуальную картину мира.

В 1967 г. Юлия Кристева ввела понятие интертекстуальности, ставшее впоследствии одной из основных характеристик постмодернизма [5]. Интертекстуальность информационных технологий заключается в том, что они генерируют не линейно-вербальные тексты, а аудио-визуальные знаки, которые тоже являются текстами, но уже воспринимаемыми особым, тактильным образом. Именно за счет интертекстуальности визуальных образов, создаваемых с помощью современных средств массовой коммуникации, в современном обществе наблюдается активный процесс мифологизации индивидуальной картины мира, а, следовательно, и индивидуального сознания.

Третье направление. Массовое искусство откровенно предназначено для массовых продаж. Поэтому в каждом его продукте можно найти встроенную в него рекламу, с помощью которой эксплицируются образцы деятельности или поведения. Реклама в интересах рынка настойчиво навязывает аудитории свои ценности, активно формирует массовое сознание, распространяя и закрепляя нравственный кодекс и жизненную организацию ее заказчиков. Четкие рамки, за которыми начинает работать система общественной самозащиты, до сих пор не определены. Здесь главное оружие – миф.

В эпоху массовой культуры становится возможным сосуществование традиционных высоких форм искусства и его омассовленных версий. Одним из направлений в артистическом менеджменте является создание новых «звезд». Сложность отбора исполнителей заключается в том, что с усилением коммерциализации искусства, особенно в музыкальном шоу-бизнесе, на концертных площадках, в программах радио и телевидения появилось большое количество исполнителей, продукция которых не всегда бывает качественной. Однако при наличии финансовых средств и современной аппаратуры можно, например, изготовить качественную фонограмму с исполнителями, не обладающими ни исполнительским мастерством, ни вокальными данными.

«Современная реальность позволяет наблюдать, как мифологизированность становится характерной чертой сознания современного массового человека, как все его мышление становится насквозь пропитанным и структурированным с помощью определенного числа исходных мифологем. Но в отличие от естественных мифов, возникавших прежде в культуре на определенном этапе ее существования для объяснения и «связывания» воедино действительности, факты и явления которой еще не могли быть освоены и описаны рационально и требовали для этого привлечения неких воображаемых конструкций, современные социальные

мифы конструируются искусственно и вполне осознанно: их цель – пересоздание образа действительности в нужном “конструкторам” мифа направлении» [10].

Четвертое направление. Одна из основных функций PR-деятельности направлена на создание и поддержание положительного имиджа определенной личности или организации среди слоев и групп общественности, являющихся внешними по отношению к постоянному окружению этой личности или организации. Имидж относят к таким социальным реальностям, как человек, группа людей или организация (например, имидж артиста, членов правительства, страны) и результатам их деятельности (взглядам, теориям и т.д.). Понятие имиджа имеет ряд близких по значению слов: мнение, рейтинг, репутация, образ, отношение, известность, слава, популярность, престиж, авторитет и т.п. Проблема имиджа в западных странах и, главным образом, в США становится актуальной с 1950-х гг. В 1960-х гг. в Америке и Европе отмечен рост числа исторических, социологических, философских и психологических исследований имиджа. В отечественной науке до конца 1980-х гг. близкие по данной направленности исследования проводились в рамках психологии пропаганды, массовых коммуникаций, социального познания.

Исторически имидж относится к феномену влияния на широкие массы. В таком контексте имидж есть способ психологического воздействия на мотивацию поведения, механизм управления массовым и индивидуальным сознанием http://www.effcon.ru/im_res.htm - edn8. Некоторые исследователи обращают особое внимание на «иллюзорность имиджа», отмечая разрыв между имиджем и реальностью http://www.effcon.ru/im_res.htm - edn21. В общественном сознании все более закрепляется представление об имидже как об определенной ценности, от которой зависит успешность деятельности человека или организации.

Несмотря на то, что Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] гарантируется неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (статья 3), война компроматов уже давно стала реальностью.

Обычно считается, что ключевые категории идеологии индустриального общества – категории свободы и прогресса – имманентно присущи человеку. Однако, как отмечает С.Г. Кара-Мурза, идея свободы в ее нынешнем понимании возникла недавно [4, с. 3]. Демифологизация данного понятия неизбежно выводит на передний план понятие ответственности с требованием открытого изложения всех видимых ограничений и сфер неопределенности при принятии существенных решений. В современных условиях, когда информационные войны в той или иной форме охватывают все сферы жизнедеятельности человека, проблема ответственности должна выйти за четко очерченные границы дискуссий и должна охватывать всю сферу человеческой жизнедеятельности, включая гуманитарную область,

сферу культуры и обыденное сознание. И поэтому основополагающими принципами любой системы этики должны стать следующие принципы:

- при выборе средств деятельности и их оценке обязательным условием является экстраполяция в будущее последствий этой деятельности с последующей нравственной оценкой последствий;
- абсолютной свободы не бывает;
- не навреди;
- не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе.

Литература

1. Валлерстайн И. Глобальная культура – спасение, угроза или миф? [Электронный ресурс] // Журнал «Полис» – «Политические исследования». URL: <http://www.politstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm> (дата обращения 27.09.2012).
2. Золотухина-Аболина Е. Постмодернизм = распад сознания? // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 185-192.
3. Илюшин И.А. Введение в Public Relations: учеб. пособие. Владивосток, 2000.
4. Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 3-15.
5. Маньковская Т. Интертекстуальность // Современный философский словарь. М., 1996. С. 128-129.
6. Минюшев Ф.И. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. М., 2004.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 28.07.2012) [принят Гос. думой ФС РФ 08.07.2006] // БД КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.12.2012).
8. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000.
9. Почепцов Г.Г. Паблик релейшнз для профессионалов. М., 2005.
10. Самохвалова В.И. Информационные войны: культура против человека [Электронный ресурс] // Полигнозис. 2002. № 1 (17). URL: <http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=175> (дата обращения: 02.12.2012).
11. Чернов Г.Ю. Социальная «масса»: этимологический и семантико-философский анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 44-50.

Долгих А. Г.

К. филос. н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московского городского педагогического университета г. Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Начало третьего тысячелетия сделало тему образования еще более актуальной. Мир становится все сложнее и опаснее для человека. Возникает необходимость не столько в его изменении (человечество изменяет мир давно и не в лучшую сторону), сколько в постепенном, осмотрительном преобразовательном улучшении. Но прежде мир необходимо понять. Это связано во многом с образованием.

2. Планетарное влияние человека на мир идет гораздо быстрее, чем изменение самого человека. Имеет место несоответствие, человеку становится все труднее вписаться в современный природный мир.

3. Человек перешел к созданию сложных технических систем и изучению сложных научных проблем. Это требуют компетентности и осторожности в обращении, поскольку ошибки грозят глобальными негативными последствиями. НТП привел к нарушению равновесия между природной и технической средой человека, экспансии техники, доминированию технократических тенденций в образовании. Сложилась ситуация, когда человека, во имя которого совершается прогресс, необходимо защищать от его (прогресса) негативных последствий.

4. Рубеж XX – XXI веков показал, что человечество столкнулось не только с серьезным экологическим кризисом, проблемами бедности, терроризма, демографическими трудностями, но и с кризисом в образовании. Стихийное развитие цивилизации закончилось. Нас становится слишком много, а Земля в размерах не увеличивается. Поэтому в будущем человек, если он хочет выжить, должен научиться жить по возможностям. Необходимо освободиться от эгоистических интересов, ввести в практику человеческих деяний «культурный ограничитель». Образование должно помогать решать такие проблемы, но, кажется, оно к этому не готово.

5. Назначение образования, так же как и науки – помочь человеку более грамотно вписаться в действительность. Чтобы образование эффективнее решало эту проблему, необходимо хорошо знать, что оно само представляет из себя, его возможности. Это предполагает системный анализ и здесь без философии не обойтись. Долгое время она владела монополией на комплексный анализ явлений и может дать системную картину образования.

6. Философия образования – молодое направление в философии. Считается, что термин был введен в научный оборот В. В. Розановым в 1899 году, а как направление сложилось в 40 – годах XX столетия в США. Однако, до сегодняшнего дня существуют разногласия в понимании статуса философии образования. Будем придерживаться точки зрения: это направление относится к сфере философии и выделяет мировоззренческо-теоретические, аксиологические, праксиологические основы в системе образования.

7. Философский подход настаивает на недопустимости отрыва образования от конкретных, насущных проблем жизни. Образование должно замыкаться на реальности. Без философского подхода мы не сможем выстроить правильную политику в сфере образования.

8. Наука есть прежде всего цех по производству нового знания. Образование – процесс передачи знаний и опыта. Существует точка зрения, что кризис в образовании наступает тогда, когда идет активное формирование новой научной картины мира в связи с открытиями в науке; развитие науки опережает возможности образования. Для того, чтобы такое разногласие не было слишком сильным, образование должно опираться не только на солидный научный фундамент, но и на философский.

9. Переходный период в истории России еще не закончен. Мы от одного ценностного берега отстали, а к другому – привыкаем. Между (социализмом) и современным этапом (попытками создать рыночную экономику и развить демократические начала в таких условиях) дистанция огромного размера. Ценностное пространство меняется.

10. Этот период усугубляется еще одним не простым переходом России к информационному обществу. Информации становится все больше, а смысла все меньше. Поэтому перед образованием стоит задача создавать, культивировать условия для нацеленности человека к постижению смысла. Это – первое. Второе. Если ориентироваться на развитые страны, то одной из задач модернизации их систем образования является разворот на потребности глобального информационного общества.

11. Опора на аксиологический подход позволяет рассматривать культуру как мир ценностей, а они, в свою очередь, являются одним из механизмов взаимодействия личности и общества. Мы выстраиваем свое отношение к человеку по тем ценностям, которые он исповедует.

12. Наше общество перестраивается, а, в связи с этим, ведутся поиски и в образовательной деятельности. Представляется, что одним из перспективных направлений в философии образования является дальнейшая разработка теории развивающегося обучения.

13. Сейчас специалисты говорят о необходимости перехода от традиционного типа образования к гуманистическому. У прежней системы образования было много хорошего, но были и недостатки: нивелировка, элементы патернализма, огромная роль административного управления, гипертрофированность формального образования. Сегодняшний день с необходимостью требует осторожного развития и осмотрительного введения новшеств в систему образования. Гипертрофированная, форсированная модернизация грозит большими бедами.

14. Недостатки традиционного образования пытаются преодолеть. Создают образовательные проекты, целью которых является «компетентный человек». В этом образе ударение делается на личности. Образование в системе «воспитание – образование» должно помогать выработке личной позиции на основе присвоенных ценностей и приобретенных смыслов. Классическая система образования делала акцент на человеке знающем. Сегодня необходимо не только знать, но и понимать. Поэтому методы обучения будут смещаться в сторону личности, приоритета личной мотивации, умения учиться самостоятельно. Конечно, современное образование должно быть гуманитаризированным и гуманизированным.

15. Формула «широкая культура + специалист в чем-то» была известна еще на рубеже XVIII–XIX веков. Затем она стала медленно разрушаться, а требования к образованию только растут. Сегодня перед образованием стоят новые задачи: научить человека учиться, развить в нем чувство острой нехватки знаний, культивировать неистребимую тягу ко всему новому (только новое должно быть лучше старого). Лет двадцать назад появилось новое

требование – «образование длиною в жизнь» и, в связи с этим, актуализируется регулярная переподготовка, переобучение. Здесь уместно напомнить и о его социальных функциях: усиление возможностей адаптации людей к изменяющейся среде и увеличение числа граждан, которые могут обходиться без социальной поддержки государства.

16. Подходы к реализации таких задач только разрабатываются. Ясно, что это будет стоить больших трудов и затрат.

17. В заключении хотелось бы отметить две важные черты конца XX века: новое отношение к личности и роль знаний как основного производственного фактора. А это означает, что основным агентом общества и его созидательной деятельности становится личность, личностные начала начинают играть ведущую роль в общественной жизни, резко возрастает значение творческих начал в труде, возникает необходимость в обновлении системы образования. Выигрывать в конкурентной борьбе будет тот, у кого лучше образование.

Литература

1. Философия социально – гуманитарных наук. М., Академический проект. 2006.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М.: Логос. 2003.

Рахлеева Н.Н.

*К. истор. н., доцент кафедры всемирной истории и этнологии
Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия*

ПРОШЛОЕ ЭТНОСОВ В ИСТОРИИ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Техногенная цивилизация породила новый тип человека в условиях всеобщего образования, тип человека, который не мог появиться в традиционном обществе. К примеру, традиционное якутское общество, как все общества традиций, выделяло шаманов как людей с особым статусом. Шаман был предопределен именно небесами как имеющий возможность нести бремя этого предназначенного свыше статуса, выделенный небожителями, что подтверждалось небесными знаками как особая предрасположенность его к благословенному занятию и кроме всего прочего и по физическим генетическим признакам готового к этой миссии. Чудесный дар шамана давал возможность иметь некую особую способность слышать и видеть, понимать то, что дано немногим. Обладание этим даром преподносилось в виде тайны природы и бога, но никоим образом как плод желания, стремления, стараний человека, в этом случае одобрительный кивок однозначно был в сторону избранничества, на особую связь с миром начала, метафизический взгляд на аристократию. Принятие и понимание мистики этого сана в традиционном обществе очевидна, но и в нем принцип действия или земной практицизм и вера в принципы Неба тоже могли находиться в конфликте, например, в крестьянской среде в годы засухи принцип Земли мог победить принцип

Неба. Когда пришли к власти большевики, как предвестники форсированной индустриализации, борьба со старой культурой шла методами не только прямого устрашения, но очень часто методом противопоставления старой, как бы отжившей культуры новой, потому имеющей право на жизнь, культуре. Хотя она шла в разрез всем принципам бытия, тем не менее, противопоставление по схеме “молодой” – “старый” легло на благодатную почву. Везде, где шла такая пропаганда, в крестьянском сознании она встречала даже одобрение, принятие по причине циклического понимания природы. Старое умирает, чтоб дать жизнь молодому, как старые ветки убирают, старую траву сжигают, старый скот не нужен хозяйству, этот практицизм крестьянской культуры нашел свою схожесть в диком противопоставлении бытия в угаре революционности тех лет. По причине мировоззренческих установлений старые по возрасту люди подвергались остракизму, особенно, если вступали с критикой существующей власти, устами молодых как носителей новой культуры, новой эпохи утверждалась, говорила пропаганда. Постепенно противопоставление молодых старым по мировоззренческим принципам сыграло свою роль в разрушении традиционной структуры общества, где немаловажную роль сыграла как раз власть, отстраняя от руководящих постов людей толковых по природе, людьми, имеющими формально образование. Характерно для этой ситуации исчезновение наречения “оьонньор - старик”, как уважительно якуты старой культуры могли нарекать нередко и человека молодого по биологическому возрасту, обыкновенно старше тридцати-сорока лет, если человек проявлял мудрость в принятии сложных управленческих решений и особенно, если превосходил остальных по моральным качествам, включая людей и старше себя. Такое наречение окончательно исчезло из лексикона современных якутов по причине отсутствия таких принципов определения и выделения такой породы людей. Первое отступление от традиционных принципов в формировании социальной иерархии в якутском обществе было сделано, то есть сепарация элиты в виде положительной селекции, а именно как обязательное предъявление к человеку уважаемому наличие набора необходимых качеств, присущих благородному, правдивому и честному человеку. Такое противопоставление нового старому рьяно было применено в практике борьбы с шаманством, Васильева Н.Д. по этому поводу пишет: “Особо отметим негативные последствия противопоставления в процессе искоренения шаманства молодого поколения старшему. Данное обстоятельство способствовало распаду целостного культурного опыта народа “[1, С.33]. С исчезновением традиции шаманства исчез центр традиционной культуры. Именно шаманы удерживали вечные принципы порядка в традиционном обществе. Как справедливо отмечает Васильева: ”Шаман играл роль хранителя традиционных морально-этических представлений, тесно переплетавшихся с религиозными верованиями

якутов. Шаманы были не только хранителями и ретрансляторами традиционного мировоззрения саха, но и выполняли функцию своеобразных индикаторов культуры, социальной психологии. Таким образом, шаманство охватывало весь комплекс духовной жизни якутского общества”[2, С.26]. Ильяхов П.Н. приводит убедительные факты репрессий против северных шаманов, как лишение избирательных прав, в итоге шаманы не могли получить охотничьи, земельные угодья, были отчуждены от всех источников существования. Детей шаманов не брали в интернаты, не отправляли учиться, порой отлучали от общества, иногда могли казнить без суда и следствия, как обыкновенно применялись меры против врагов народа, каковыми объявлялись шаманы.[3, С.94]. В результате “в 1920-1935гг. антирелигиозная пропаганда, культурно-просветительская и идеологическая работа, судебно-административные меры почти полностью уничтожили шаманов в Якутии”.[4, С. 96]. Возрождение концепции шаманства на аутентичной основе именно как духовную традицию в мировоззрении людей иногда представляется довольно проблематичным. Прежде всего, в силу различия прагматичного материалистического мировоззрения людей индустриального общества в условиях всеобщего образования с доминированием в мировоззрении людей, особенно в практике советской школы принципа опыта и счисления. Эпоха форсированной советской индустриализации окончательно сформировала тип человека-демиурга. Тем не менее, в русле общей философской доктрины шаманство требует более внимательного отношения. Хотя массовое сознание больше подвержено внушению и принятию тотальной идеи и ему порой трудно расстаться со своими стереотипами. Убедить, что ”шаманство устанавливает незыблемый Закон Небес, требующий от верующих жить в гармонии и равновесии со Вселенной, соблюдая во всем сакральную меру и нравственную чистоту” [5, С.42] представляется довольно трудным именно из-за засилья другого типа миропонимания, возвращенного, широко представленным социальным институтом индустриального общества, как школа.

Традиционный уклад жизни крестьян России, как русских, так и других народов не вписывался в концепции понимания тогдашней экономической доктрины. Сколько копий было сломано на страницах публицистики переходного периода по поводу модернизации экономики. Эволюционный ход развития общества к техногенному развитию был ускорен применением силы именно советским государством в реализации экономической доктрины. Никто не спорит по поводу эффективности и результативности этой реализации, но человеческое бытие не исчисляется реализацией только экономической доктрины в материалистическом понимании. Основное насилие диктата воли государства было направлено против крестьянства, крестьянство именно в понимании людей культуры Земли, в охвате не только русского крестьянства, но и,

например, включая, якутских коневодов, оленеводов, скотоводов. Как напоминание противоречия принятых технократическим государством мер и их разрушительности для всех естественно созданных природой этнических историко-культурных ландшафтов являются деревни, где выживают последние крестьяне некогда одной из мощных крестьянских культур Земли. По соседству заброшенные дворянские усадьбы пока ещё стоят немymi свидетелями настоящей культуры этих земель и напоминают ту основу, на которой возникла эта цивилизация. Несмотря на уже достаточное количество богатых людей в России не один олигарх не удосужился реставрировать ни одну дворянскую усадьбу России, а они не так помпезны, как в Европе, не требуют большое количество средств, речь идет уже об измененном сознании, о неготовности к таким преобразованиям со стороны сегодняшней бизнес элиты. О каком восстановлении памятников культуры можно говорить, если центры этой культуры как дворянские усадьбы находятся в таком состоянии? В результате мер советского государства, особенно коллективизации, был разрушен многовековой уклад жизни всех народов Евразии. Если якуты до коллективизации жили в якутских семейных фермерских усадьбах, раскинутых по всей Якутии, то в годы коллективизации пришлось им тоже смириться с идеей всеобщего хозяйства. Для якутского традиционного миропонимания прошлое, традиционное в первую очередь связаны с семейным хуторком, зимником, представляющим обыкновенно открытую полянку, окруженную лесом и летником, местом летнего выпаса, заготовки сена. Якутский алаас - особый культурный ландшафт, в нем истоки этнической культуры якутов, В годы коллективизации, покидая свои семейные хуторки, якуты испытали тот же культурный шок, что и все крестьяне Евразии. Чувство тревоги, ужаса и потери они испытывали и тогда, когда копателями как археологами, так и геологами был снят некий покров Земли, нарушение тайны бытия, которая удерживает миры. Носители традиции противились не только археологическим раскопкам, чувствуя всю опасность для живой традиции, но и масштаба и разбросанности интерпретации прошлого. Их опасения были направлены не на конкретно деятельность людей от науки, а связаны были с изъятием прошлого из их жизни, мистики места, снятия покрова тайны, в связи с этим угрозы потери покровительства духов, а также тревоги из-за беспокойства души ушедших, страха их гнева и мести. Они составляли с ними один континуум. Для ученых раскопка остается процедурой сбора научного источника, представляющей для науки только операцию. В ней нет мистической связи с сакральным миропониманием, лопата в руках археолога или геолога, как скальпель хирурга, вскрывает покров этой тайны. Культура всегда локальна в своем существовании и проявлении, любое обобществление её уничтожает, при унификации проявляется закономерность исчезновения смысла культурных традиций, сопричастности человека с культурной традицией, происходит снятие

тайны связи человека с конкретным местом, уничтожается мистика места. Эта закономерность очевидна во всех случаях. После коллективизации начала усиливаться урбанизация, в основном города появлялись, как придатки промышленности, что характерно в целом для истории Советского Союза. Якутия не была исключением. Сопоставляя переписи населения с 1939-1959гг. Игнатьева В.Б. пишет: “Таким образом, отличительной особенностью периода между переписями 1939 и 1959гг. является изменение ускоренными, по сравнению с прежними историческими периодами, темпами численности и национального состава населения Якутской АССР. Важную роль в этих процессах играли развитие промышленности в республике и возникновение многочисленных городских поселений”[6,С.46].

В итоге все народы Евразии уже давно находятся в одновременном пребывании со всеми народами в индустриальном мире, благодаря той же форсированной государственной политике советского государства, ни один народ в Советском Союзе не мог быть законсервирован в своем начальном бытии. Советская Арктика даже больше других территорий подверглась воздействию всех технических средств, которые на тот момент были созданы. Что касается демографического показателя в Якутии, такого колоссального потока пришлого населения за очень короткий период возможна не испытала ни одна культура. Демографический факт, приведенный в монографии Игнатьевой В.Б., полностью подтверждает сложность ситуации для сохранения этнической культуры в неизменном виде: ” В целом за рассматриваемый период (1959-1989гг.) миграционный оборот Якутской АССР составил 4091,1тыс. чел. “ [7,С. 59-60]. Характеризуя данную демографическую обстановку в 1959-1989гг., Игнатьева привела дополнительные факты, ясно показывающие механически образовавшееся демографическое явление: ”До 90-х годов текущего столетия среднегодовые темпы прироста населения Якутии были значительно выше среднесоюзных и среднероссийских. Если в период с 1959 по 1989г. население СССР увеличилось на 37,3%, РСФСР на 25,4, Дальнего Востока - на 82,7, то Якутской АССР - на 121,9%, а среднегодовые темпы прироста составили: СССР-1.2%, РСФСР - 0,9, на Дальнем Востоке - 2,8 и в Якутии - 4,1%. Необходимо отметить, что темпы прироста населения Якутии резко возросли именно в этот 30-летний период, так как раньше они были во много раз меньше: за период 1897-1926гг. - 0,2%, 1926-1959гг. - 2,1%“ [8,С.27]. По демографическим показателям мощное нашествие инонационального населения очевидно. Какая этническая культура выдержит такое превосходящее в разы инонациональное нашествие за очень короткий отрезок времени? При этом процесс представлял строго регулируемый государством, с определенной доктриной направляемый процесс. Доктрина была сугубо экономической: “Необычайно быстрый рост населения Якутии связывается с реализацией экономической доктрины ускоренного промышленного освоения её

природных ресурсов, сопровождавшейся широкомасштабными "трудовыми" миграциями из других регионов СССР. В 60 -70-е годы данный процесс принял такой характер, что его можно считать самым выдающимся демографическим явлением в истории народонаселения Саха (Якутии) XX столетия. "[9, С.27]. После мощного антропогенного воздействия на хрупкую природу Севера в Якутии впервые появились экологические проблемы, которые до сих пор не устранены. Ссылаясь на архив департамента рыбного хозяйства, Иванов Б.В. пишет: "В реках Омолой и Хрома запасы рыбы в результате деятельности Депутатского ГОКа снизились до критического состояния. По оценке экспертов, восстановление рыбных запасов в ближайшие годы здесь невозможно"[10, С.128]. Экологические проблемы - результат деятельности техногенной цивилизации, индустриализация шла ускоренно, но как это ускорение впоследствии отразилось на духовной жизни коренных жителей и самих покорителей пока не является предметом широкого обсуждения. Следует упомянуть и о варварском нависании уголовной ссылки, с характерным для неё непризнанием любых внутренних ограничений, ярко дано в описании Серошевского. Емельянов И.С., разбирая рассказ В.Л. Серошевского "Хаайыылаах"- "Заклученный", определенно приходит к выводу, что

"Серошевский убедительно показывает бремя, которое приходилось нести местному населению, страдающему от притеснений уголовников, несправедливость "закона", согласно которому даже якутский князь бессилён перед наглым хайлаком"[11, С.60]. Надо сказать, что применение сугубо экономической доктрины как получения материальной прибыли или избавления с точки зрения идеологии государства от нежелательного населения уже активно внедрялась российским правительством с истории образования Московского государства. Нужна ли героизация, приписывание неких мессианских черт "покорителям", в целом концепции применения покорения, которая в прошлые века подавалась властями как некое отвоевание территорий, рек под электростанции, тайги и тундры для извлечения природных ресурсов. Тип покорителя природы в современном обществе, не устарел ли? Кстати, народнические идеи, идеалистически окрашенные в мировоззрении первых революционеров, в условиях Севера резко менялись. Вот что пишет по этому поводу Емельянов И.С., характеризуя творчество знаменитого бытописателя жизни якутов, ссыльного из Польши, Серошевского В.Л. и писателя В.Г. Короленко: "Характерно, что именно в Якутии писатели-ссылные зачастую отказывались от народнических иллюзий, от утопического взгляда на возможность скорого и сравнительно легкого преобразования российской жизни." [12, С.138]. Автор к этому выводу добавляет, что писатели не только испытали переоценку в прежних народнических идеалах, но уже не приписывали народу особую мудрость и скрытую в глубинах народного сознания правду. Крах своих ожиданий,

которые не обязательно измерялись материально, могли испытать очень многие и в советском периоде. Советское государство, как любое государство индустриального века внедряло в массы ценности исключительно материального характера. В бытность СССР в особой форме, только ему присущей идеологии формировалось материалистическое сознание советских граждан. Мотивация переезда трудовой миграции на Север была в основном нацелена на материальные ценности, а сейчас бизнес элиты уже и на прямое обогащение, таким образом, она продолжает оставаться одной из сильных стимуляций в нашем обществе. Как однажды несколько цинично в одном из теледебатов рассуждая об эпохе переходного периода, один из отцов постсоветской приватизации, в какой-то степени точно охарактеризовал её, по его мнению, переход к так называемой новой экономике не был бы таким стремительным, скачкообразным, если бы не материалистическая мотивация советских граждан.

На нынешней стадии существования государства и как во времена форсированной индустриализации в СССР, осуществленной двумя волнами в сочетании с тоталитарным политическим режимом, применяется та же старая тактика. Все еще жива экономическая доктрина добывания и извлечения полезных ископаемых без приложения к ней концепции сохранения культур и языков. Следует ли забывать, что все российские народы на своих этнических территориях, представляют постоянное коренное население и по этой причине являются представителями великой материнской культуры Земли как органического начала единства Человека и Матери - Земли именно в крестьянском мировосприятии, ну если хотите, в аграрном понимании этого слова.

Прежде чем начинать новое освоение территорий Дальнего Востока может все - таки надо задуматься над другой концепцией, концепция прошлых веков разрушительно для самого человека. Нужно учесть закономерность изменения этнической культуры, когда в ходе промышленного освоения создается исключительно население-демос, то нарушается примордиальная связь этноса и Природы, принципы гармонии Земли и Неба. В современных условиях надо искать тот оптимальный вариант, который был бы приемлем и для государства в целом, а мы граждане одного государства, и для этносов, как хранителей священной связи человека с исконными землями, а возрождение духовной традиции самими этносами есть условие сохранения разнообразия мира культуры.

1. Васильева Н.Д. Шаманство в Якутии в 1920-1930-е гг.- С.26-33 // Наука в Якутии: Достижения и проблемы. Сборник статей молодых ученых Академии наук РС (Я).- Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.- 154с.

2. Там же. - С.26

3. Ильяхов П.Н. Репрессии против северных шаманов. - С.88-97 // Историко-социальные исследования: региональные проблемы. - Новосибирск, 1998.-104с.

4. Там же. - С.96
5. Анжиганова Л.В. Эволюция религиозных представлений хакасов. - С.42-47 // Северо-Восточный Гуманитарный вестник № 1(4).-Якутск, 2012.-104с.
6. Игнатъева В.Б. Национальный состав Якутии (этно-статистическое исследование).- Якутск, 1994.-144с.
7. Цитир. по кн.: Игнатъева В.Б. Национальный состав Якутии (этно-статистическое исследование).- Якутск, 1994.-144с.
8. Игнатъева В.Б. Республика Саха (Якутия): Ретроспектива этнополитической истории.- Новосибирск, 1999.-143с.
9. Там же. - С.27
10. Иванов Б.В. Традиционные отрасли Арктического хозяйствования в условиях перехода к рыночным отношениям.- С.126-131 // Наука в Якутии: Достижения и проблемы. Сборник статей молодых ученых Академии наук РС (Я).- Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.- 154с.
11. Емельянов И.С. В.Л. Серошевский - автор “Якутских рассказов”.- С.55-63 // Там же. - С.60
12. Емельянов И.С. Якутские произведения В.Л. Серошевского в контексте творчества писателей ссыльных конца XIX века.- С.126-138 // Ссылные поляки в Якутии: итоги, задачи, исследование пребывания. Сборник научных трудов. - Якутск, 1999.-168с.

Комарова Л.А.

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, социологии и политологии
Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
e-mail: Parislk@mail.ru*

СЧАСТЬЕ И СТРАДАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются два философских понятия: «счастье» и «страдание», излагаются различные понимания этих понятий. Исходя из анализа философских трудов выдающихся мыслителей разных эпох, автор обосновывает вывод о том, что счастье всегда оттеняется страданием и эти понятия дополняют друг друга.

Ключевые слова: человек; счастье; удовольствие; благо; радость; полнота бытия; философия; человеческая природа; страдание; удары судьбы; мучения; внутренняя гармония.

*Счастье целиком без примеси
страданий не бывает.*

Шекспир.

Человек всегда стремился к счастью. Человек всегда думал о счастье. Человеку удавалось быть счастливым. Но счастье – это настолько глубокое, настолько интимное переживание, что никакие общие схемы, никакие размышления не приближают нас к пониманию этого явления. И потому для каждого, кто задумывается о счастье, оно открывается в своей неизведанности и вечной новизне так, будто никто еще и не касался этой проблемы. Всякого, кто взялся за нее уже можно назвать счастливым. В наши-то времена размышлять о счастье! Но именно в трудные времена, в эпоху тревог, опасностей, нестабильности в экономике, в политике, в

культуре, нужно и должно размышлять о счастье. Как неразрывно связаны друг с другом электричество и магнетизм, так счастье тесно связано со страданием. В чем заключается сущность счастья? Почему полнота счастья познается после перенесенного страдания? Какова же взаимосвязь счастья и страдания? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Понятие «счастье» имеет многоаспектное, трудно поддающееся систематизации содержание. Польский исследователь В. Татаркевич, написавший фундаментальный труд «О счастье», выделил 4 основные значения этого понятия: 1) благосклонность судьбы, удача; 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворения жизнью [8, с. 26]. В. Татаркевич указывает, что эти четыре значения являются наиболее распространенными, но ни одно из них по отдельности, ни все вместе не исчерпывают смысл понятия счастья. Кроме того, по каждому пункту можно найти контраргумент, доказывающий, что счастье не обязательно есть, например, удача или положительный баланс жизни. Можно привести иные понимания понятия счастья. В эллинистической философии на первый план ставилась антропологическая проблематика, а вопросы онтологические и гносеологические занимали подчиненное по отношению к ней положение. Главный вопрос философской мысли этого времени – как быть счастливым, как обрести внутри себя уверенность и благо, когда во внешнем мире ничего подобного найти уже невозможно. Счастье по-гречески звучит как эвдемония, поэтому философия эллинизма может быть названа эвдемонистической (ищущей счастье). Эвдемонисты утверждают, что счастье есть обладание высшими благами. Так на вопрос Диотимы: «Что будет с человеком, овладевшим благом?», Сократ отвечает: «Он будет счастлив» [4, с. 134]. Эвдемонисты доказывали, что каждый человек – хозяин своей судьбы и кузнец своего счастья. На нас никто не влияет, кроме нас самих. Судьба – это результат своих собственных действий, поступков и усилий и бояться ее, значит бояться себя самих. Гедонизм (от греч. Удовольствие) понимает под счастьем удовольствие. По Эпикуру, удовольствие должно быть разумным: надо уметь и отказаться иной раз от чего-то соблазнительного и претерпеть, если нужно, какое-нибудь страдание. Во-первых, удовольствия делятся по Эпикуру на три вида: 1) естественные и необходимые; 2) естественные, но не необходимые; 3) неестественные и не необходимые. Из этих трех групп надо выбирать только первую, как считал Эпикур, удовольствия же второго и третьего вида следует отбросить как совершенно пустые и бессмысленные. Счастье заключается не в том, что вне нас, а в нас самих. Счастье – не в вещах, а в нашем отношении к ним. Значит, если кто-то хочет быть счастливым, то он запросто может им быть, надо только открыть источник счастья в себе самом. Эпикур предлагает человеку довольствоваться малым и при этом испытывать не страдание от недостатка, а удовольствие от самого наличия. Получать удовольствие от небольшого – вот действительно жизненное искусство, говорит Эпикур [4, с. 138].

Моралисты говорят, что счастье в добродетельном поведении. И наконец, психологически счастье воспринимается как чувство удовлетворения жизнью.

Видимо человечество все время было столь несчастливо, что даже не смогло выяснить, что такое счастье. Немецкий мыслитель А. Шопенгауэр (1788-1860), например, считал счастье понятием отрицательным, а именно, счастье, по А. Шопенгауэру, есть отсутствие страданий. Многим известно изречение Тургенева: «Счастье, как и здоровье: когда его не замечаешь, значит оно есть» [1, с. 35]. Все тот же А. Шопенгауэр, мрачно заметил: «Есть одна для всех врожденная ошибка – это убеждение, будто мы рождены для счастья» [10, с. 99]. Не знаю, читал ли Салтыков-Щедрин А. Шопенгауэра, но как бы ответом звучит его реплика: «Человек так уж устроен, что и на счастье-то как будто неохотно и недоверчиво смотрит, так что и счастье ему надо навязывать» [1, с. 66]. И совсем уж полным контрастом звучит фраза Людвиг Фейербаха: «Где нет стремления к счастью, там нет и стремления вообще. Стремление к счастью – это стремление стремлений» [4, с. 247].

Наиболее известным из ходячих определений является такое: «Счастье это, когда тебя понимают». Само слово «счастье» трактуется как «соучастие» (в общем деле, в общей судьбе). Слово «счастье» происходит от «сейчас», т.е. оно – «сейчасстье». Человек счастливый живет здесь и сейчас, радостно переживая данный конкретный момент жизни, неважно вызвана ли эта радость происходящими событиями, или каким-то воспоминанием, или же предвкушением будущего. Таким образом, под счастьем можно понимать устойчивое эмоциональное состояние (кратковременную радость нельзя назвать счастьем), в котором доминирующей эмоцией является радость. Иные эмоции отнюдь не подавляются и не запрещаются. Счастливый может позволить себе любые чувства – даже печаль, грусть, страдание подобно тому, как в сладкую кашу добавляют щепотку соли. Именно тем и ценно счастье, что в нем доступны любые чувства, переживания, эмоции.

Счастье, в нашем понимании, есть ощущение полноты бытия.

Человек, ставший счастливым подобен человеку, который взглянул на небо после дождя и увидел радугу, но увидел ее так, как увидел Ной, выйдя из ковчега; увидел не как набор цветов спектра, а как символ Божественного завета и великой надежды на продолжительное счастье.

Счастье есть переживание радости бытия в онтологическом аспекте.

И древние мудрецы и поздние, а иные и поныне утверждают, что счастье достижимо для того, кто, исследовав свою природу, будет ей следовать.

Итак, следование своей природе гарантирует счастье. Всякая вещь следует своей природе, и ни одно явление не происходит без достаточной причины. Все, что в нас заложено природой, воспитанием и образованием останется лишь возможностью и никогда не станет действительностью без достаточной причины. И если в нашей природе заложена способность быть счастливыми (а это так, ибо никто бы тогда и не был бы счастлив; даже

разговоров бы не было), то проявится она лишь при наличии достаточной причины.

Причиной для счастья всегда является достижение какой-либо цели. Но каковы эти цели? А priori их установить невозможно, ибо только по достижении цели становится ясным, способна ли она приносить счастье или нет. Единственным априорным суждением по данному вопросу может быть лишь одно: «Целью, достижение которой делает счастливым, является счастье» [6, с. 79]. Или цитируя Козьму Пруткува: «Хочешь быть счастливым – будь им». Вывод прост: не привязывайте свое счастье к чему-то конкретному, оно может прийти оттуда, откуда не ждали.

Без обретения полноты счастья, человек остается недосказанным, недосиявшим.

Счастье — это воцарившиеся по праву Красота, Уравновешенность и Гармония. Какими бы напряженными усилиями ни выстраивалось счастье, само по себе оно всегда переживается как абсолютное расслабление, как слияние с космическим потоком живого бытия, как предоставление всего себя мудрости движущих сил вселенной. Лишь научившийся созидать и выстраивать человек может по достоинству оценить творческую мудрость природы и научиться не мешать действию природных законов развития существования [7, с. 37].

История философии изобилует примерами того, как несчастье, личная трагедия или горе толкали человека на путь философии. В беде становишься философом поневоле. Счастливый человек тоже будет заниматься философией, если имеет к тому склонность, но будет делать это как-то иначе.

Пожалуй, он усомнится в обычном для многих философов мнении, что жизнь есть страдание, возразив: «Если ваша жизнь – страдания, значит, вы живете как-то не так. Страдание и вообще всякая боль есть лишь симптом болезни или неправильного образа жизни. И если не всякую болезнь можно устранить, то от многих страданий вполне можно избавиться: от телесных болей – отдыхом и лечением, а от душевных силой воли и здравым размышлением (можно и наоборот). Зачем терпеть плохую жизнь, если можно жить лучше? А если вы согласны терпеть, тогда и не жалуйтесь». Как говорил Заратустра: «Жизнь - источник радости» [5, с. 24]. Почему жизнь человека сопряжена страданиями? Неужели путь к счастью невозможен без познания страданий? Анализ философской литературы показал, что нет.

В «Энциклопедическом философском словаре» понятие «страдание» рассматривается как: «... состояние болезни, горечи, печали, страха, тревоги. Страдание в философии чаще всего рассматривается в двух аспектах: как необходимый удел человека, поскольку он подвержен болезням, старению, смерти; как единственно возможный путь к преображению, к совершенствованию личности. Человек, считал Ф.М. Достоевский, должен быть глубоко несчастлив, тогда он будет счастлив. Только страдание раскрывает человеческую природу; пройдя через испытание свободой, через страдание, через наказание, человек раскрывается в бездонной сложности

своего бытия, раскрывается иррациональный характер его природы. Эти же идеи получили развитие в философии Ф. Ницше, который полагал, что в каждом человеке живут тварь и творец, в каждом есть глина, грязь, бессмыслица, хаос, человек страдает по необходимости и должен страдать, чтобы из твари стать творцом, закалить, сформовать и «обжечь» себя, добиться твердости молота» [9, с. 287].

Интерес к страданию как человеческому переживанию в философии не утрачивается, а, наоборот, возрастает. О страдании размышляют не только представители экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, В. Франкл), но и «новые правые» во Франции (А. Глюксман), многие модернисты (Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан). Такие видные русские философы как: Ф.М. Достоевский, Н.А.Бердяев, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский и др. не раз в своих научных трудах обращались к анализу счастья и страдания. За последние годы анализом целого спектра человеческих экзистенциалов занимались современные философы: Р.Г. Апресян, М.В. Балабаева, В.С. Барулин, В.Д. Губин, П.С. Гуревич, В.М. Розин и др.

Страдание как неизменный феномен человеческой жизни оказалось в сфере внимания философов с давних времен. Классики философской мысли – Аристотель, Платон, Эпикур, Сенека – внесли весомый вклад в толкование этого аспекта человеческого бытия. По мнению Аристотеля, ужас и сожаление – важнейшие аффекты, которые при трагическом катарсисе смягчаются или вообще устраняются. Страдание рождает трагическую личность, незаслуженно попадающую в положение несчастных. Страх ощущается зрителем, пострадавший равен или подобен ему самому, потому что он сам может столкнуться с подобным несчастьем. Античные философы не ставили вопрос о правомерности страдания. Предполагалось, что оно обусловлено роком, не испытывающим интереса к конкретной личности [4, с. 102].

Н.А. Бердяеву принадлежит чрезвычайно продуктивная попытка осмыслить страдание человека через его эмоциональное состояние, которое порождается трудностями, превышающими его физические, душевные и духовные возможности.

Н.А. Бердяев указывает на тот факт, что страдание – это глубинное состояние человека [2, с. 65]. В отличие от счастья, страдание постоянно преследует человека, принуждая его к преодолению препятствий, жизненных неудач. В страдании происходит радикальное преобразование человека. Переживая страдания, человек способен обнаружить величие духа. Н.А. Бердяев в своих философских трудах показывает, что страдание выступает противовесом наслаждения, радости, удовлетворения, комфорта, счастья и блаженства. Лики страдания многообразны – от обычной повседневной боли, до тонких духовных состояний, инициированных несовершенством человеческой природы, вероломными ударами судьбы. Страдания могут носить кратковременный характер: было мучительно больно, но удалось справиться с обидой, несправедливостью, депрессией. Но порой мучения

оказываются продолжительными, окрашивают едва ли не всю жизнь. Человек страдает и не видит конца этим терзаниям. Но и здесь есть развилка. Один борется за удачу безнадежного дела, другой впадает в ступор. Такой человек как можно глубже уходит в свои страдания, и они окрашивают повседневность и весь мир человека, все аспекты его бытия. В этом случае человек способен уйти в одиночество или, наоборот, предъявить свои мучения всему миру, потребовать от него сочувствия, настроить его на свой тоскливый камертон. Русский философ отмечает, что фиксация на страданиях может разрывать социальные связи, разъединять людей, поскольку большая часть из них не склонна выражать сочувствие. Страдания, если рассматривать их в логическом завершении, близки смерти. Тот, кто мучается, теряет вкус к жизни, поневоле ждет освобождения от страданий даже через смерть. Страдания – путеводная нить в небытие. Но, невозможно прожить жизнь без мучений и терзаний. Ее полнота ощущается в минуты скорби, страдания. Они органично входят в существо жизни.

Анализ научной литературы (М.В. Балабаевой, В. Франкла «Философское истолкование смысла страдания», Н.А. Бердяев «О назначении человека», Ф.М. Достоевского «Записки из подполья», Я.В. Парусимовой «Страдание как философская категория», «И.В. Сидоренко «Антропология счастья», В.А. Ягафаровой «Страдание» и др.) показал, что страдание – это норма жизни, естественное состояние души, неотъемлемая грань человеческой жизни. Сколь бы ни были болезненны страдания, они играют положительную роль в нашей жизни. Тот, кто страдал, обогатил свой внутренний мир. Наслаждение, радость, счастье оттеняются страданием. Без него и счастье было бы неполным, неглубоким. Победа слаще после поражений, любовь – после ожиданий и разочарований, полнота счастья – после несчастий и страданий.

Чтобы счастье стало нормой жизни – необходимо избавление от страданий. А их несоизмеримо больше, чем радости. Догадываетесь почему? Очень просто. Есть какой-либо вопрос, на него существует единственно правильный ответ, а ошибок превеликое множество. Есть множество различных жизненных ситуаций и одно правильное решение, а неправильных – сколько угодно. Когда даёте неправильный ответ, вы страдаете. Поэтому так много причин для страданий. Чем меньше человек защищен, тем больше ему приходится страдать.

Одной из важнейших причин для страданий, по мнению Я.В. Парусимовой, является бесцельная жизнь [6, с. 92]. Человеку очень трудно чувствовать себя счастливым, если он не понимает зачем живет. Он для себя обосновал, что счастья в личной жизни быть не может (один раз пробовал, обманули) – личная жизнь закрыта. Друзья нехорошее слово сказали – друзья отпадают. Карьера – один раз попробовал устроиться, не приняли – на карьере крест. Развитие – один раз разогнался, дальше трёх метров не улетел – всё, спортсмен из меня не выйдет, жить незачем. Что ожидает такого человека? Депрессии, всевозможные мании, психические заболевания.

Сознание человека, интеллект не знают для чего работать. Нет достойной цели, о которой нужно думать, анализировать ситуации, планировать. Человек уходит в мир иллюзий или бьётся от бессилия, потому что не может найти выход. Все источники энергии, которые есть в человеке, работают только тогда, когда понятно, зачем работать, в каком направлении думать, для чего давать силу человеку.

Предлагаем вам проанализировать философскую притчу «Мудрец и несчастный человек» [1, с.101], в которой вы найдете ответ на вопрос: «Как стать счастливым?».

Как-то шёл по дороге мудрец, любовался красотой мира и радовался жизни.

Вдруг заметил он несчастного человека, сгорбившегося под непосильной ношей.

- Зачем ты обрекаешь себя на такие страдания? – спросил мудрец.

- Я страдаю для счастья своих детей и внуков, - ответил человек. – Мой прадед всю жизнь страдал для счастья деда, дед страдал для счастья моего отца, отец страдал для моего счастья, и я буду страдать всю свою жизнь, только чтобы мои дети и внуки стали счастливыми.

- А был ли хоть кто-то счастлив в твоей семье? – спросил мудрец.

- Нет, но мои дети и внуки обязательно будут счастливы! – ответил несчастный человек.

- Неграмотный не научит читать, а кроту не воспитать орла! – сказал мудрец. – Научись вначале сам быть счастливым, тогда и поймёшь, как сделать счастливыми своих детей и внуков!

Из этой притчи следует, что каждый творит свое счастье сам, своей жизнью и для достижения этого надо обратиться к себе. Благо заключено в нас самих, так как в каждом присутствует Абсолют и весь мир, т.е., есть счастье как потенция, а ее реализация зависит от нас самих, оттого, сможем ли мы осознать это в себе. От этого осознания зависит и видение окружающего мира. Чем счастливее человек, тем больше хорошего он видит в мире, а чем несчастнее – тем больше плохого, причем не в себе, а в других.

Таким образом, так же как добро и зло, красивое и безобразное, истина и ложь, в системе человеческих понятий счастье выступает со страданием. Эта двойственность начинается с составляющих счастья и страдания, ибо удовольствия противоположны огорчениям, радость – страданию, веселье – грусти, наслаждение – боли и т.д.; они в конечном счете разделяют судьбу человека на счастливую и страдальческую, т.к. человек сам творец своей судьбы. В отличие от счастья, страдание постоянно преследует человека, принуждая его к преодолению препятствий, жизненных неудач. В страдании происходит радикальное преображение человека. Переживая страдания, человек способен обнаружить величие духа. Страдание открывает глаза человеку, оно способствует размышлениям и самоусовершенствованию. Оно наделяет новым и ценным опытом. Лучше всего относиться и к счастью, и к

страданию как дарам Бога. Ибо страдание позволяет понять ценность счастья. Человек чувствует счастье по контрасту со страданием.

Литература

1. Бабалаева М.В., Франкл В. Философское истолкование смысла страдания. М., 2010.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. СПб., 2009.
3. Глюксман А. Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург, 2006.
4. История философии: учеб. Для высших учебных заведений / Под ред. В.П. Кохановского, В.П. Яковлева. Ростов н/Д: Феникс, 2011.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 2012.
6. Парусимова Я.В. Страдание как философская категория. Магнитогорск, 2004.
7. Сидоренко И.В. Антропология счастья. М., 2006.
8. Татаркевич В. О счастье и о совершенстве человека. М., 2009.
9. Философский энциклопедический словарь. / Под ред. Ильичева Л.Ф. М., 2007.
10. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Астрель, 2011.

Старовойтова Е. Н.

Соискатель

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ «РАЗВИТИЕ» ДЛЯ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ДИНАМИКИ МОДЫ НА ОДЕЖДУ

В статье обсуждаются возможности применения различных определений философского понятия «развитие» для анализа характерных особенностей развития (динамики) моды на одежду. Полученные выводы могут служить методологической основой при исследованиях динамических характеристик моды и модного стандарта одежды.

Ключевые слова: развитие, философские определения развития, мода на одежду, модный стандарт, динамика моды.

USING A PHILOSOPHICAL CATEGORY OF DEVELOPMENT FOR ANALYSIS THE FEATURES OF THE DYNAMICS OF FASHION IN CLOTHING

The paper discusses the possibility of using different definitions of philosophical concept of development for analysis the characteristic features of the development (dynamics) of fashion in clothing. The resulting findings can serve as a methodological basis for the study of dynamic characteristics of fashion and fashion clothing standard.

Key words: development, philosophical definitions of development, fashion in clothing, fashionable standard, dynamics of fashion.

Философская категория «развитие» часто используется в научных исследованиях самого разного характера. Развитие, в наиболее широком

смысле этого термина, определяться как закономерное, необратимое и направленное изменение качества материальных или идеальных объектов.

В данной статье предпринята попытка применения философской категории «развитие» для анализа особенностей динамики моды на одежду. Для этого процессы развития моды анализируются в соответствии с разными философскими трактовками категории «развитие».

История использование философских законов развития для описания природы и общества обосновывает представление культуры как одной из составляющих исторического развития человечества. В свою очередь, мода, как феномен, обычно рассматривается исследователями как неотъемлемая часть культуры.

Мир моды, как части культуры, принадлежит к тому, что Эдмунд Гуссерль назвал «жизненным миром». По его мнению, важным свойством жизненного мира, является то, что он историчен, – в отличие от, например, того неисторичного мира, который описывается математической физикой [16, с. 282]. Именно эта историчность моды и инициируемого ею модного стандарта одежды (МСО) заставляет нас рассматривать их особенности и характеристики преимущественно в динамике, в развитии.

Известно, что «...различные науки сильно разнятся между собой по своему гносеологическому уровню – на одном полюсе имеются «*сильные*» науки, гносеологический идеал науки – математика, физика, отчасти другие естественные науки, теории которых строятся на строго дедуктивной основе. На другом полюсе – «*слабые*» (в гносеологическом плане) науки, в частности гуманитарные и общественные науки в силу чрезвычайной сложности их объектов, слабой предсказуемости явлений и процессов» [7, с. 35]. Отрасль культурологии, посвящённая исследованиям в области моды, является, может быть, одним из самых ярких примеров той «слабой в гносеологическом плане» науки, о которой говорится выше.

Сам предмет нашего исследования – мода – отличается, как замечают многие авторы, многоплановостью, непредсказуемостью, зависимостью от множества социологических и экономических факторов. Исследователями моды эти факторы, каждый сам по себе, достаточно хорошо изучены. Выявлено множество различных аспектов и закономерностей развития моды. Выполненные в этой области работы представляются достаточно ценными и в научном, и в практическом отношении. Но, на наш взгляд, их общим недостатком является *отсутствие в них единой методологической основы*, позволяющей представить, как соотносятся между собой все многочисленные исследуемые характеристики моды.

В данной работе центром исследования определена динамика модного стандарта на одежду. Так как динамика обычно трактуется как «движение, действие, развитие» [3, 17], то представляется целесообразным выбрать общепhilosophическую категорию «развитие» в качестве единой методологической основы для анализа динамических характеристик МСО. Автор оперирует теми свойствами и характеристиками моды и МСО,

которые совпадают или, во всяком случае, как-то соотносятся с аналогичными свойствами-характеристиками развития вообще. Такой подход согласуется с отмечаемой некоторыми исследователями необходимостью применения общенаучных методов к самому понятию моды (см., например, высказывания Г. Петушковой [9, с. 8] и А. Зиновьева [4, с. 38, 39]).

«Способность к развитию составляет одно из всеобщих свойств материи и сознания» [18], поэтому в современной философии категория «развитие» трактуется в достаточно широком диапазоне определений. Для удобства анализа автор сгруппировал эти определения по трем группам:

- 1) развитие как изменение; развитие как движение;
- 2) развитие как характеристика качественных изменений и состояний;
- 3) развитие как процесс, последовательность, превращение, эволюция.

В первой группе определений философская категория «развитие» определяется как «изменение во времени» [15]. При этом в ряде источников уточняется, что имеется в виду не любое изменение, а *направленное* [12, 13, 18], *закономерное* [12, 14, 18] и *необратимое* [18].

Кроме того, подчеркивается, что «только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений» [18], а также считается, что в ходе развития изменению подвергается некая «система» или «параметры системы» [14], «материальные и идеальные объекты» [18] или, более широко, – материя и сознание. Указывается также, что развитие, как изменение, присуще «какому-либо органическому целому (биологическому, социальному, культурно-историческому), в процессе развития которого развертываются его внутренние возможности» [13].

Можно заключить, что согласно первой группе определений:

а) Изменения моды обладают *направленностью*, если они не беспорядочны. При этом сами по себе изменения тех или иных параметров моды далеко не всегда означают её развитие (в общефилософском смысле). Примером такого рода изменений может служить многолетнее развитие так называемой «джинсовой моды», которое сопровождалось внедрением разнообразных, иногда весьма существенных, изменений, особенно в части использования всевозможных аксессуаров. Однако историки моды не видят в этих изменениях какой-либо определенной направленности.

Понятно также, что в разнообразных модных образцах длина женской юбки может изменяться в широких пределах, но если в этих колебаниях не прослеживается определенная тенденция, то есть направленность, то в таком случае нельзя говорить о *развитии* моды. В этом случае имеет место внутрисистемное функционирование моды за счет изменений модного стандарта.

С другой стороны, если, например, изменения длины юбок явно направлены в сторону их укорочения и мы видим в этом определенную тенденцию (отвечающую в нашем случае социальным требованиям эмансипации женщин, условиям сексуальной революции и т.п.), то можно

фиксировать определенное развитие, а именно – возникновение моды на мини-юбки. Таким образом, признаком развития моды является наличие не просто изменений, а изменений тенденциозных, направленных. Этот вывод непременно следует учитывать при определении понятия «мода».

б) Говоря о закономерности изменения модного стандарта, можно заключить, что изменения моды следует считать в основном закономерными, хотя очень часто публике и даже историку моды они могут показаться случайными. Мы говорим здесь, не о причинах закономерностей (в частности, не о социально-политических условиях), а о самом *наличии скрытой закономерности* в случайных процессах развития (в том числе и моды).

Есть соблазн принимать *всякое* изменение моды за ее закономерное развитие. О необходимости проявлять осторожность в попытках поиска закономерностей развития моды предупреждал Кребер: «...Я не думаю, что такая лобовая попытка вывести изменения в стиле непосредственно из социально-психологических условий может быть плодотворной... Должны ли мы возложить на императора и его военные кампании в Европе ответственность за предельное укорочение юбок и расширение талий? Сам вопрос уже выдает некую нелепость несоразмерности: мощная ”гора”-причина породила узкоспецифического ”мышонка” изменений в моде» [6].

Можно говорить также о влиянии на развитие моды чистых случайностей, имеющих, в большинстве случаев, свои закономерности, которые, бывает нелегко выявить. Ведь непосредственной причиной появления конкретной моды может быть всё что угодно, например... ветер: «...В день инаугурации Джона Кеннеди на Жаклин была надета круглая шляпка-таблетка, которую сшили для этого особого случая. В этот день дул сильный ветер, поэтому Жаклин придерживала шляпку рукой, отчего на ней появилась небольшая вмятинка, которая была видна на всех фотографиях, сделанных в этот день. Очень быстро шляпки со специально сделанной вмятинкой «как у Жаклин» появились в самых дорогих магазинах и украшали головы американских модниц» [2].

Таким образом, отдельные изменения моды могут показаться (и действительно являются) случайными, но в *совокупности* множества таких изменений можно довольно часто обнаружить скрытые закономерности.

в) Говоря о свойстве необратимости развития, следует подчеркнуть, что это свойство может применяться к развитию моды только с существенными оговорками. Изменения моды, как правило, не фиксируются навечно и поэтому не могут считаться необратимыми. Например, возникновение моды на юбки максимальной длины вовсе не означает, что мода на мини-юбки никогда не вернется.

Однако изменения моды можно считать необратимыми в общеисторическом плане – в том смысле, что любая, даже кратковременно появившаяся мода, оставляет свой след в истории и в той или иной степени влияет на будущее культуры. Но нужно также отметить, что абсолютная

необратимость конкретных проявлений моды вовсе не обязательна – в истории моды часто наблюдается присущее многим видам развития воспроизведение постоянной системы функций – то, что принято называть циклами моды.

Итак, можно говорить о том, что если есть изменение (любое), то это означает, что происходит некое развитие. Насколько оно воспринимается наблюдателем как направленное, закономерное, необходимое и необратимое и, следовательно, как существенное – это другой вопрос. Это проблема, скорее, оценочная, гносеологическая. Мы часто не знаем, каким будет направление развития моды, но всегда можем априори утверждать, что оно, рано или поздно, произойдет. Сам феномен моды это будущее развитие как бы *гарантирует*: «такова отличительная черта моды: она не может не меняться», [6, с. 807] а «моду в одежде отличает – более того, определяет – принцип непрестанного изменения» [там же, с. 809].

2. Вторая группа определений рассматривает развитие как «существенное, необходимое движение» [15], как «реализацию, развертывание возможностей системы, цепочку превращений» [14] или, наконец, как «характеристику качественных изменений объектов» [1].

Следует обратить внимание на то, что данное определение категории «развитие» предлагает считать развитием не всякое движение, а лишь *необходимое*, то есть закономерное, вызванное необходимостью (а не чистой случайностью). Кроме того, развитием может считаться лишь *существенное* изменение (при этом, однако, само понятие «существенного», как правило, не раскрывается). Иногда наиболее существенным свойством моды предлагается считать ее динамичность: «Не нужно педантичного исследования, чтобы доказать, что мода постоянно находится в состоянии по видимости бесцельной вибрации и трансформации: это существенное свойство моды» [6, с. 808].

Все определения второй группы вполне применимы к понятию «развитие модного стандарта». Примером развития модных стандартов, как «цепочки превращений», может быть развитие формы костюма. «Если принять эти (геометрические базовые) модели за основные, то всякие производные модификации будут конструироваться из их материала. Переход же из одной в другую будет совершаться за счет вынимания форм из этих цельных образований и взаимопроникновения одной в другую» [9, с. 13].

Изменение-развитие (в более широком смысле – движение вообще) есть первичное, глубинное, самодовлеющее свойство природы, способ существования материи. В этом свете сохранение равновесия в системе «общество-мода» – в период между появлением новых модных стандартов – следует считать только мгновенно-преходящей фазой исторического процесса движения моды. История моды оказывается, таким образом, процессом перманентного развития, сохранения устойчиво-неустойчивого равновесия и поддержания, тем самым, непрерывности движения. «В

отношении одежды происходит как бы медленное качание маятника между крайностями» [6, с. 809]

3. Третья группа определений рассматривает развитие, как процесс [3, 8, 14, 17], как последовательность состояний, как превращение [14], эволюцию [13].

Все определения данной группы, в принципе, применимы к развитию моды, но с одной оговоркой. В комментариях к этим определениям иногда отмечается, что развитие есть процесс, который предполагает «переход из одного состояния в другое, более совершенное [17]; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему» [3, 8]. Здесь понятие «развитие» практически отождествляется с понятием «прогресс», которое, в свою очередь, определяется как «направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному» [5, 10, 11]. Однако в ретроспективе истории моды её развитие, по нашему мнению, не может считаться ни прогрессивным, ни регрессивным – так же, как, например, развитие искусства. К этим составляющим культуры критерии прогресса, по-видимому, просто не применимы. Очень точным представляется высказывание Кребера о движении моды: «Есть некое легкомыслие в этом непрерывном самоцельном движении, в котором нет прогресса от одной специфической ценности к другой и которое не ведаёт ни долговременной цели, ни последовательного выстраивания, ни развития» [6, с. 808].

О моде, модных стандартах нельзя сказать, что одни из них «совершеннее» других; в моде нет понятия «эстетический прогресс» (хотя вполне можно говорить о прогрессе технологическом – применении новых, более совершенных материалов, усовершенствовании способов кроя, пошива одежды и т.п.). «Отличительная черта моды: она не может не меняться, пусть даже от лучшего к худшему» [6, с. 807].

Из выполненного выше анализа трёх групп философских определений понятия «развитие» можно сделать вывод, что большинство этих определений применимы – хотя и с некоторыми оговорками – к историко-социальному развитию моды как неотъемлемой части перманентно развивающейся культуры. Показана целесообразность использования некоторых общих закономерностей «развития вообще» для конкретных исследований процессов развития моды и изучения динамических характеристик модного стандарта.

Проведенное сопоставление свойств развития моды и МСО с общепринятыми определениями философской категории «развитие» позволяет сделать ряд выводов и дать связанные с ними рекомендации.

1. Основным признаком, подтверждающим факт развития моды (модного стандарта), является появление чётко определяемых, социально фиксируемых *изменений* эстетических и/или конструктивных элементов данного вида одежды.

2. Эти изменения могут проявляться как в *нематериальной* сфере (возникновение новой идеи моды, а также ее оценка обществом), так и в *материальной* сфере (создание модных образцов, разработка технологических стандартов, производство модной одежды и др.).

3. Одним из неперенных признаков развивающейся моды является *направленность* предлагаемых изменений одежды. При исследовании функционирования моды необходимо учитывать, что разнообразные беспорядочные, не имеющие четкой направленности изменения одежды краткосрочны и не ведут к развитию новой моды.

4. Следует быть очень осторожным при определении *закономерности* возникновения новой моды. Скрытые закономерности можно обнаружить только при тщательном анализе всей совокупности видимых проявлений случайных колебаний существующего модного стандарта.

5. Не следует ожидать *необратимости* от конкретных изменений, предлагаемых в ходе развития той или иной моды.

6. Модный стандарт одежды может рассматриваться как результат необходимого, закономерного процесса *движения* моды.

7. Мода на одежду и модный стандарт одежды должны изучаться в *процессе* своего движения во времени, причем в основу их исследования могут и должны быть положены общие законы развития динамических систем.

Таким образом, анализ философской категории «развитие», выполненный автором на основе обобщения определений этой категории, позволил получить ряд выводов о наиболее общих и самых важных закономерностях развития моды и модного стандарта. Эти выводы могут быть использованы в качестве методологической основы для дальнейшей работы по исследованию динамических характеристик модного стандарта одежды.

Литература

1. Абушенко В.Л. Развитие. Новейший философский словарь. Изд. 3-е, исправ. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
2. Берёзкина О. Product Placement. Технологии скрытой рекламы. СПб: Питер, 2009. 224 с. (См. также: http://www.piter.com/contents/978538800351/978538800351_p.pdf).
3. Ефремова Т. Ф. Толково-словообразовательный словарь. М.: Русский язык, 2000.
4. Зиновьев А. К понятию моды. О моде, определениях и теориях. Декоративное искусство СССР. 1971. № 8. с. 38-39.
5. Кон И.С. Прогресс. Большая Советская энциклопедия. Изд. 3-е, в 30-ти тт. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
6. Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1008 с.
7. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 280 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Азбуковник, 1999.
9. Петушкова Г.И. Структурный анализ форм костюма 1970-1976 гг. Конспект лекций. М. – Московский текстильный институт, 1977. 32 с.

10. Прогресс. Большой Энциклопедический Словарь / Современная энциклопедия. М.: АСТ; Астрель, 2008.
11. Прогресс. Российский Энциклопедический словарь. Кн. 2-я. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.
12. Развитие. Большой Энциклопедический Словарь / Современная энциклопедия. М.: АСТ; Астрель, 2008.
13. Развитие. Российский Энциклопедический словарь. Кн. 2-я. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.
14. Развитие. Тезаурус Баранова (См. <http://www.jiport.com/?sname=tez>).
15. Развитие. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 4-е изд. - М.: Политиздат, 1981. 445 с. (См. также: Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. 846 с.)
16. Семёнова В.Н. Гуссерль. Новейший философский словарь. Изд. 3-е, исправ. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
17. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935-1940. Репринтн. изд-е: М., 2000.
18. Юдин Э.Г. Развитие (философское). Большая Советская энциклопедия. Изд. 3-е, в 30-ти тт. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978 гг.

Щербаков А.В.

*кандидат культурологи, независимый исследователь,
советник Российской Академии Естествознания по секции культурология
г Санкт-Петербург, Россия
Электронная почта: andrei-asterion@mail.ru*

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОСТИ: МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ (НЕЧАЕВ)

Тема этой статьи приобретает особое значение в отечественной гуманитарной мысли в свете меняющейся на наших глазах социокультурной реальности. Сегодня как никогда необходимо возрождать различные формы духовного просвещения и образования. Русская Православная Церковь стремится вернуть в жизнь российского общества те идеалы и ценности, которые в течение многих веков являлись для него духовными ориентирами. Отечественная культура более тысячелетий связана с православием, неизменно оказывающим сильнейшее влияние на ее развитие.

После семидесятилетнего периода гонения забылось, что монастыри в нашей стране всегда были центрами православной культуры. Здесь возрастала любовь к Отечеству, духовность, воспитание, появлялось знание истории Родины. Одним из таких центров был Свято-Успенский Иосифо-Волоцкий мужской монастырь, основанный в 1479 году прп. Иосифом Волоцким (1439-1515), в миру Иван Иванович Санин. « Прп. Иосиф Волоцкий и его обитель стали воплощением представления об идеальном монастыре, который должен быть не только очагом духовно-просветительской деятельности, но и крупным культурным и хозяйственным центром. Монастырская жизнь, в представлении его основателя, не должно была замыкаться в стенах обители, но нести свет духовного просвещения и

выполнять социальную миссию по отношению к окружающему миру». [1 С.26] .Он аккумулировал важнейшие идеи и воззрения, которыми жила средневековая богословская и философская мысль, создал целое направление в сфере русской церковной и общественной жизни. Линия, проводимая прп. Иосифом Волоцким в период образования Русского государства, содействовала укреплению централизованной власти и имела ярко выраженное прогрессивное значение.

Идеал монастыря, активно преобразующего мир, к которому стремился прп. Иосиф, в полной мере реализован не был. В истории основанной им обители были периоды подъема и спада. После крушения Российской империи и начала гонения на Церковь она претерпела огромные бедствия – как в материальном, так и в духовно-эстетическом отношении. После революции и до передачи монастыря Русской Православной Церкви монастырь прп. Иосифа был в запустении. Здесь в разные времена находились интернат, детский дом для беспризорников, сельскохозяйственная трудовая коммуна. В 1922 г. монастырь был окончательно закрыт. Во время войны здесь размещался немецкий госпиталь, затем после войны – сельская школа, позже филиал Новоиерусалимского исторического музея.

На границе двух эпох, 15 мая 1989 г., монастырь был возвращен Русской Православной Церкви. В это непростое для государства и Церкви время первым игуменом-наместником был назначен митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителим (Нечаев)(1926-2003), известный церковный и государственный деятель, ученый с мировым именем.

Константин Владимирович Нечаев, будущий митрополит, родился в городе Мичуринске Тамбовской области в семье священника и, продолжая традиции своих великих предшественников, в суровые годы богоборчества просвещал людей, защищал, восстанавливал российскую духовность. Владыка Пителим жил и трудился в тот период времени, когда из господствующей советской идеологии была вычеркнута сама идея религиозности. Он писал; « Мы рассматриваем русскую культуру не как принадлежность одного определенного этноса, а как общее достояние всех народов, населяющих Россию. Это очень сложный, исторически образовавшийся синтез»[5,.С. 80]

В советское время в церковные структуры приходили энтузиасты, они знали на что шли, им хотелось помочь Церкви.. Среди них был и Пителим(Нечаев) В 1959 он стал инспектором московских духовных школ .Атеизм в те годы был официальной идеологией. « Нормальные» советские граждане поглядывали на «боговерующих» в лучшем случае как на уличенных в чем-то неприличном. О чем можно говорить лишь лукаво подмигивая. Для представителей партийно-государственной власти верующие были пережитком дореволюционного прошлого. несовместимым с коммунистическим будущим. «Общение властей с верующими проходило в

диапазоне от откровенно насмешливого тона, до неприкрытой враждебности.» [3,С.83]

В 1963 году он становится епископом. В условиях тотальных ограничений Церкви со стороны государства, владыка Питирим 1968 году добивается выпуска 10000 тиража Библии. В то время это было большим достижением, так как в последующие 15-20 переиздания не было

В 1971 епископ Питирим (Нечаев) возглавил Издательский отдел Патриархата. Отдел был единственным на всю Русскую Церковь и, поэтому, все творческое и интересное проходило через него. В 1972 получает сан архиепископа. В 70-80-ые годы церковь иногда называли «внутренней за границей», этим подчеркивалось, что ее дискриминация со стороны атеистического государства иногда все же оборачивалась преимуществами.

Только в Церкви оставалось место для частной никем не запланированной инициативы.

Архиепископ Питирим максимально использовал все имевшиеся у него возможности. Советскому командному стилю управления он противопоставлял другой. Прежде всего, это относилось к работе в издательстве и церковным службам, так как в советской России не мог воспользоваться средствами массовой информации, как своей трибуной. Только издательство и храм были тем местом, где Питирим мог обратиться к людям. «Уже в начале 1980 годов владыка Питирим стал активно заниматься мультимедийными формами информации. Он называл их употребительным тогда на западе словом «масс-медиа». Фотографией владыка увлекался с детства. В и в издательском отделе была создана фотолаборатория и фототека » [4, С.84} Благодаря Питириму существовал отдел кино, где начали создаваться ленты, посвященные церковным будням. Именно в это время конференц-зал издательского отдела был самым большой кинозал. В это же время в издательстве создан отдел видеофильмов и нотный отдел. Таким образом. В годы перестройки Питирим был первым, кто начал представлять Церковь посредством кино и телевидения

Русский интеллигент в лучшем смысле этого слова, глубоко вникал в проблемы отечественной культуры, внес большой вклад в возрождение русского церковного пения, подобно тому, как в начале XVI века это сделал Преподобный Иосиф Волоцкий. По инициативе владыки было создано несколько церковных хоров. Он и сам был талантливым музыкантом, великолепно играл на виолончели. При издательском отделе он создал фонотеку произведений русских композиторов. Владыка Питирим дружил со многими интересными людьми. Среди них были академики Б.В. Раушинбах и Д.С. Лихачев. Не случайно первым, кто не побоялся атеистической цензуры и дал положительную оценку деятельности прп. Иосифа Волоцкого, духовного предшественника и учителя владыки Питирима был Д.С Лихачев.

В марте 1989г. митрополит Питирим был избран народным депутатом СССР, вошел в состав комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-

интернационалистов. Наряду с высокими церковными знаками отличия он был награжден орденом Дружбы народов.

Нынешний наместник Иосифо-Волоцкого монастыря игумен Сергей (Воронов) вспоминает: «Когда монастырь был открыт и 12 июля 1989г. митрополит Питирим отслужил Божественную литургию он сказал: «Ради этого дня стоит жить. Пятьсот лет назад прп. Иосифу было указано место для создания здесь обители. Многими путями послушания он пришел сюда для того чтобы создать здесь новую обитель, - обитель, которая с самого начала призвана была заявить о своем служении миру»[2, С.17].

Летом и осенью 1989г. владыка Питирим направляет все усилия на восстановление монастыря; средств и рабочих сил не хватает. Появились первые монахи и послушники. Их было немного, но они под его руководством начали постепенно возрождать обитель, привлекали, как когда-то прп. Иосиф, местных жителей из деревень и сел. Владыка, благодаря международным контактам, в частности с Германией, получал материальную помощь для монастыря. На эти средства были отремонтированы братских корпус, устроена трапезная, кухня, котельная, зал для приема гостей, часовня во имя Сергия Радонежского. Затем были отремонтированы братские келии, библиотека, ризница, гостиничные комнаты.

Именно здесь , в 1991 году был организован монастырский музей Библии. Подобно тому, как 500 лет назад сподвижник Иосифа Волоцкого архиепископ Новгородский Геннадий (Гонозов) издает полный свод Библейских книг (Геннадиевская Библия), митрополит Питирим воссоздает музей Библии при Иосифо-Волоцком монастыре. Целью деятельности музея было собрания рукописных и печатных библейских текстов, исследование и экспонирование их, издание Библии, исследовательские работы по Священному писанию, проведение научных конференций. В результате была создана коллекция Библий, начиная XVI века на разных языках. Были изданы несколько томов русской Библии с фотографиями оригиналов рукописных текстов, считающихся шедеврами древнерусской книжной культуры.

Творческое наследие митрополита Питирима обширно. Оно включает более ста научных трудов по богословию, церковной истории, культурологи и международным церковных связям. Его научная деятельность была признана в мире, свидетельствами чему служат его публикации во Франции, Англии, Германии. Митрополит Питирим был действительным членом Российской академии естественных наук, он имел звание доктора теологического факультета Пражского университета, кафедры ЮНЕСКО

«Золотое наследие Руси».

Уже в 1997 году в Нижнем храме начали регулярно совершаться богослужения. С 1998 года , благодаря усилию митрополита и Центра труда и занятости молодежи был организован и ежегодно стал действовать летний

трудоустройство для несовершеннолетних подростков, детей из многодетных семей, безработных и одиноких родителей.

Во время ремонта фундамента нижнего храма собора, где поднимали старый белокаменный пол, были проведены археологические раскопки. В результате, 31 октября 2001 были обретены мощи прп. Иосифа Волоцкого. Святые мощи были торжественно положены в раку и открыты для поклонения 12 июня 2003г.

«Митрополиту Питирима впервые удалось создать своеобразную модель возрождения монастырей, основанную на идеях прп. Иосифа Волоцкого. Развернуть ее на научно-обоснованную, полномасштабную концепцию развития ему помешала кончина».[7, С.151] Как и преподобный Иосиф, владыка выстраивал монастырь в качестве одной из опорных точек духовной, национальной, культурной, исторической и государственной самоидентификации. Митрополит Питирим утверждал: «Монастырь можно и нужно рассматривать как элемент возрождения Российской духовности в интересах сохранения культурного, духовного и природного наследия».[, С.85]. Речь должна быть идти не только о возрождении и развитии религиозно-культурных основ монастыря, а об адаптации обители к современным условиям жизни и хозяйствования. В этой связи, как мы уже писали, он выдвинул модель «живой территории».

В продолжении дела, начатого митрополитом Питиримом в феврале 2004г. была создана некоммерческая организации – Фонд наследия митрополита Питирима. Фонд направляет свою деятельность на нравственное воспитание молодежи, укрепления духовного единства и сотрудничества общественных и церковных организаций на возрождения и укрепление лучших традиций Иосифо- Волоцкого ставропигиального мужского монастыря.

Таким образом, деятельность двух русских подвижников, разделенных во времени полутысячелетием демонстрирует преемственность идей русской православной культуры, по прежнему являющейся важнейшим источником непрерывности национальных традиций.

Литература

- 1.Васильева Е.А. Иосиф Волоцкий и созданная им обитель, Журнал Московская Патриархия №10 2006, С.22-32
- 2.Воронов Сергей, игумен Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, наместник Иосифо - Волоцкого монастыря Рождественские чтения памяти митрополита Питирима М.,2005. С.17
- 3.Дронов Михаил, протоиерей Главный редактор Журнал Московская Патриархия №8 2011, С.82-89
- 4.Дронов Михаил, протоиерей Главный редактор, Журнал Московская Патриархия №9, 2011, С.84-89
- 5.Питирим (Нечаев), митрополит Эстетика преподобного Иосифа Волоцкого Журнал Московская Патриархия №1 1989, С.62-69
- 6.Питирим (Нечаев), митрополит Культурное наследие и современность Журнал Московской Патриархии №9.1993, С.12-20
- 7.Уваров М., Щербаков А. Наследие преподобного Иосифа Волоцкого в истории русской культуры, Lambert Academic Publishing, 2012-12-18

Мозгова Т.А.
аспірантка кафедри філософії
Національного педагогічного
університету імені М. П. Драгоманова
м. Київ, Україна

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГІЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ СУЧАСНОЇ ЛЮДИНИ У ГЛОБАЛІЗОВАНОМУ СВІТІ (НА ПРИКЛАДІ СУЧАСНОЇ ЯПОНІЇ)

У сучасному глобалізованому світі цивілізаційне розмаїття культурного багатства, накопиченого народами планети за тисячоліття зазнало тиску уніфікації та нівелювання. Глобальні монополії, завойовуючи міжнародні ринки, намагаються формувати на всіх континентах єдині смаки, уподобання, звички, споживацькі інтереси, які, у підсумку, мають формувати уніфіковану модель поведінки населення різних країн, охоплених процесом глобалізації. В умовах глобалізації майже у всіх країнах одночасно дивляться одні й ті ж фільми, телепередачі, спортивні змагання, населення (насамперед молодь) має уніфіковані пріоритети у сфері моди, музики, одягу, продуктів харчування, спортивної екіпіровки тощо.

Отже, якщо подивитись на феномен глобалізації з філософсько-антропологічної позиції, то виявиться, що проблемність сучасного буття людини полягає в її ізоляції, обумовленій уніфікацією культури, її «омасовленям» та деперсоналізацією. Позбавлення від звичних стереотипів життя і мислення, які постійно витісняються новими, провокує ситуацію розгубленості. А це, у свою чергу, призводить до відчуття замкненості, відчуження, стурбованості у прагненні знайти стабільність у динаміці соціально-економічних і політичних трансформацій, що змушує кожного індивіда керуватися насамперед егоїстичними інтересами. Звідси, як ніколи раніше, саме у глобалізовану епоху, постає проблема ідентичності як окремої особистості (на підставі відсутності її цілісності), так і проблема ідентичності соціуму в цілому.

Людина сучасного глобалізованого суспільства, що існує в умовах полікультурного розвитку суспільства, на тлі надпотужного інформаційно-комп'ютерного підйому, в оточенні «візуалізованих» культурних форм, які утворили специфічне гіперреальне середовище, вже сьогодні стає, на нашу думку, носієм складної, множинної або «мозаїчної» ідентичності. Адже, необхідність адаптації у складному сучасному світі, прагнення до цілісності особистості стає все більшою потребою сучасної людини, тому і способи її адаптації будуть ставати все більш складними та різноманітними. Нова історична форма етнокультурної ідентичності (так звана цивілізаційна) у майбутньому ні в якому разі не «знімить» усі попередні її форми, а лише запропонує розширені можливості самовизначення людини у світі.

Класична ідентичність людини, що «підіймається» по сходинкам освітнього процесу, стає сьогодні вже не домінантною, а лише однією із складових кроскультурної ідентичності сучасної людини. Концепція транскультурності дозволяє розглядати сучасну культуру як специфічний простір, який

забезпечує сучасній людині можливість «втекти» від власної «вкоріненої» культури і набути нову кроскультурну ідентичність. При цьому глобальна культура не відмінює етнонаціональної ідентичності, а отже – не відмінює сукупності символів, звичних засобів вербальної/невербальної комунікації, стилю життя, звичок.

Прикладом або яскравою ілюстрацією процесу набуття елементів нової кроскультурної ідентичності може послугувати сучасна Японія, хоча й там на сьогодні процес американізації суспільства все більш поглинає всі сфери життя.

Загалом вибух інтересу європейців до вивчення та осмислення японської культури і філософії припадає на другу половину ХХ ст., коли після поразки у Другій світовій війні Японія за короткий час стала одним із лідерів світового економічного співтовариства, а її оригінальні духовні та естетичні цінності стали вважатися еталонами у багатьох країнах світу. «У наш час, – засвідчує сучасна дослідниця японської культури Т. Григорьева, – схоже, змінюється вісь культури насамперед тому, що змінюється вісь історії, завершуючи коло всезагальної боротьби. Звідси впливає несвідомий потяг, і чим далі, тим більше, до культури Японії, яка є жіночною за своєю сутністю і яка здатна заспокоїти серце та надати душі затишок» [1, с. 51].

Як правило, під культурою ми звикли розуміти насамперед греко-римсько-європейську культуру, більш того, саме остання вважається певною нормою або навіть еталоном вивчення людської культури загалом. В цьому контексті східна культура постає перед нами як певний відхід, більш того, як певне своєрідне відгалуження від цієї, так би мовити, «загальнолюдської» магістралі. Звичайно, що цей архаїчний погляд на східну культуру – це дань скоріше минулим часам, але даний стереотип нерідко спрацьовує й сьогодні. Ще на початку ХХ ст. О. Шпенглер писав з цього приводу: «Ми навряд чи в змозі навіть уявити собі, скільки великих думок чужих культур знайшли в нас свою загибель, оскільки ми, виходячи з нашого мислення та його границь, не змогли їх асимілювати або, що те ж саме, відчували їх хибними, непотрібними та безглуздими» [3, с. 218].

Незважаючи на застарілі стереотипи, сьогодні життя висуває такі проблеми, які неможливо пояснити лише простою зацікавленістю європейців східною культурою і навпаки. Якби не було в цьому життєвої необхідності, то ніяка сила не змусила музикантів, художників, поетів Європи постійно звертатись до східної традиції, а представників східної традиції до західно-європейських культурних здобутків. Отже, зустріч Сходу та Заходу сьогодні обумовлена навіть не стільки взаємним впливом однієї культури на іншу, скільки взаємним тяжінням, точніше певним спонтанним потягом однієї культури до іншої.

Для більш рельєфної ілюстрації своєрідності та неповторності японської культурної традиції ми спробували порівняти японську та американську культурні парадигми як уособлення двох супердержав у сучасному глобалізованому світі. Сьогодні США і Японії ґрунтуються на діаметрально протиле-

жних культурних парадигмах, що у свою чергу є наслідком їх різнопланових типів мислення, а це, у свою чергу, найбільш прозоро виражається у різних відношеннях до світу та відчутті себе у цьому світі.

Зокрема, відносно національного питання, якщо США є переселенською країною, певним «плавильним казаном» великої кількості рас і націй при досягнутій формалізації їхньої рівності та деякій інерційній дискримінації «кольорових», то Японія є мононаціональною країною, закритою для в'їзду іноземців до другої половини XIX ст. (до революції Мейдзі 1868 р.). Право участі в органах влади мають лише японці за національністю, а не за громадянством.

Відносно релігії, то для США притаманне релігійне мирне співіснування багатьох, абсолютно різних конфесій, які мирно суперечать одна з одною, але при цьому є несумісними. Лише релігійних громад у США нараховується близько двадцяти п'яти з числом віруючих більше одного мільйона осіб. Зрозуміло, що загальнонаціональні святині та вищі авторитети у цій країні є практично відсутніми.

В Японії ж ми спостерігаємо зовсім іншу картину, а саме: взаємодоповнюючу гармонію релігій синто, буддизму та конфуціанства, що поділяють різні сфери життя тих самих парафіян. Наприклад, синтоїзм та буддизм неначе поділили життєву практику японців навпіл: світлі та радісні події, такі як народження дитини і весілля опинились під патронатом родових богів синто, а смерть, яка тлумачиться у синто як скверна, – відійшла під патронат буддизму, де вона розглядається як відродження та спасіння в раю Будди. Особливо оригінальним є те, що поступове злиття цих двох релігій (в японській термінології «р'юбусинто» – шлях буддизму з синто) відбувалося за широкої підтримки з боку держави.

Відносно ж стилю мислення та поведінки, то тут ми теж спостерігаємо діаметрально протилежні риси ментальності. Зокрема, для американця притаманний індивідуалізм та прагнення виділитися зі свого кола, а як наслідок такої поведінки – неминучість конкуренції з девізом «виживає найсильніший». Що ж до стилю мислення, то переважає прямота суджень, категоричність, амбівалентність та протиставлення думок. Тому такий стиль поведіння як азартність, суперечки, парі і навіть бійки є звичайними елементами і наслідком аналогічного стилю мислення.

Що ж ми бачимо в Японії? Насамперед, це країна, де люди не сперечаються («кото агесе-но куні»). Увічливість – головна риса навіть найбільш напружених відносин, що завжди прагнуть закінчитися «у» – компромісом та злагодою. Слово «ні» усіляко ухиляється. Цей стиль поведінки лишається нерідко незрозумілим ні для європейця, ні ти більше для американця. Наприклад, японець, домовляючись з ким-небудь про наступну зустріч, під час розтавання ніколи не говорить «ні», навіть за умови, що він не зможе прийти на зустріч в домовлений час. Отже, і у поведінці ми спостерігаємо дію закону збалансованої рівноваги («ва») та уникнення всіляких крайнощів у спілкуванні між людьми.

Таким чином, якщо американець (європеець) цінує у спілкуванні насамперед прозорість, прямолінійність, однозначність висунутих тез та аргументів, то для японця вся зачарованість бесіди полягає у наявності певних невідзначеностей, натяків, неоднозначностей, непрозоростей. Всупереч американцю (європейцю), погані відносини з людиною не є приводом вираження неповаги до неї. Звідси випливає й різний смисл та значення діалогу в американській (європейській) та японській культурі. Якщо для американця чи європейця діалог завжди є засобом самоствердження та самозахисту, тобто взаєморозуміння досягається завдяки мові, і саме мова «цементує» людські відносини, то «для японця діалог виступає засобом пом'якшення атмосфери співприсутності з іншою людиною, тобто у центрі такого діалогу знаходиться не власне «я», а співрозмовник» [2]. В Японії завжди існувало досить негативне відношення до розкриття свого внутрішнього «я» і при досить строгій регламентації суспільного життя «самовираження» дозволялось лише у сфері особистого.

Що ж до становища жінки у суспільстві, то для США є характерним прагнення жінок до економічної незалежності з тенденцією до рівноправності. Питання емансипації протягом всієї історії країни стояли і ще й сьогодні стоять досить гостро. Зокрема жінки досягли значних успіхів у правовому захисті своїх прав. При цьому в країні одружуються тому, що кохають, а статистика розлучень становить 5-6 пар на тисячу жителів США.

Що ж до Японії, то становище жінки у суспільстві є економічно і політично нерівноправним, але при цьому є вирішальним у сімейному бюджеті та у вихованні дітей. Одружуються в цій країні тому, що батьки оженили молодят у дитинстві, а статистика розлучень становить 1-1,5 пари на тисячу жителів Японії.

У відношенні до праці спостерігаємо наступну закономірність. У США: якщо можна не працювати – краще не працювати, а якщо працювати, то необхідно добре заробляти. Наймачі і робоча сила перебувають у постійному пошуку: перші – кращих кадрів (за співвідношенням ціни і якості), другі – більш високої платні. Звичними є короткострокові контракти, конкурси на заміщення вакансій, «переманювання» висококваліфікованих працівників. Щорічно приблизно 25% зайнятих змінюють місце роботи. Феномен США – мережа великих міст із будинками на колесах. Ринок робочої сили повинен бути достатньо насиченим і «нормальне безробіття» складає 5-7%, а кризове – 15%. Допомога з безробіття є досить істотною і призначається достатньо ліберально. Таким чином, становище людини у суспільстві визначається тим, «скільки вона коштує» (розмір заробітків, капіталу і т.д.) і які у неї зв'язки.

Що ж до Японії, то в цій країні згідно з традицією не працювати не можна. Взаємне ранкове вітання – «охало годзаїмас», що означає «піднялися рано для праці». Наймання на роботу, як правило, довічне. Місце роботи змінюють щорічно лише 1-2% зайнятих. За етикою конфуціанства, наймач і працівник повинні ставитися один до одного як батько до дитини. Заробітна платня та премії залежать від стажу роботи на підприємстві і також від ста-

рань робітника. Безробіття навіть у роки криз не перевищувала у Японії 3-4%. При цьому до безробітного ставляться з підозрою і допомога з безробіття зі сторони держави є мізерною, а одержати її вкрай важко. Тому становище людини в японському суспільстві визначається надійністю й авторитетом або хазяїна, або начальника, або фірми.

Що ж до одягу, їжі та міцних напоїв, то жителі США не мають типово національного одягу, якщо не зважати на шкіряні костюми і капелюхи ковбоїв. Сучасний масовий одяг є прагматичним, вільним та невибагливим. Мода для заможних людей є вигадливою і швидко змінюється. Їжа переважає масова та стандартизована, у тому числі портативна, зокрема у пакетах, що не потребує застосування столових приборів («фаст-фуд»). Головне – не втрачати на їжу багато часу – ні на готування, ні на споживання. Широко розповсюджений американський звичай – «ланчеон» – лекції, дискусії, збори під час обіду. Що ж до міцних напоїв, то національний напій – це віскі, які завжди є у будь-якому будинку й офісі і пропонується відвідувачеві навіть під час коротких ділових візитів. Подається у великих склянках з льодом у супроводі горішків або ж крекерів.

Що ж до Японії, то соціальні традиції щодо національного одягу для різних випадків строго дотримуються жителями країни. Парадний одяг – це складно-скроєні чоловічі та жіночі кімоно, які існують незмінно вже протягом п'ятнадцяти століть. Готування їжі являється великим мистецтвом, а її прийняття і навіть чаювання – строго регламентованою традиційною церемонією. Єдиним та універсальним столовим приладом являються бамбукові (а тепер і пластмасові) палички. Національним напоєм є рисова горілка саке, яка подається як правило, лише до вечері і при цьому підігрівається на вогні у маленьких порцелянових кухликах.

Таким чином, розгляд та хоча б побіжне вивчення контекстуальних особливостей японської культурної парадигми дозволить у подальшому ще більше розширити рамки ведення діалогу між Сходом та Заходом та примножить символічні смисли за рахунок їх «розчинення» та надання нових конфігурацій елементам етнонаціональних культур.

Література:

1. Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Москва, 1993.
2. Семенов Н. С. Философские традиции Востока: Учебное пособие. Москва, 2004 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://religa.narod.ru/biblio/east_ph8.htm
3. Шпенглер О. Закат Европы. Москва, 1993.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

1. Введение.

Язык нашего тела, по сравнению с другими вербальными (речевыми) средствами общения, является уникальным. Если представить, что именно он несет от 60% до 80 % передаваемой собеседнику информации, легко понять необходимость в интерпретации этого способа контакта. Если мы желаем быть уверенными, что точно поняли человека, мы должны соединить в одну общую картину информацию от тела и словесные выражения.

Кто из нас не сталкивался с ощущением неясной тревоги при общении с человеком, когда он утверждал одно, однако подсознательно вы чувствовали его фальшь. Вы скажете, что это интуиция и хорошо тем, кто ее имеет. На самом деле, интуицию легко развить, наблюдая за собеседником и, зная конкретное значение жестов, сделать верные выводы.

2. Невербальное общение.

Невербальное общение – общение без помощи слов часто возникает бессознательно. Оно может либо дополнять и усиливать словесное общение, либо ему противоречить и ослаблять. Хотя невербальное общение и является часто бессознательным процессом, в настоящее время оно достаточно хорошо изучено и для достижения нужного эффекта с успехом может контролироваться.

Невербальное общение – наиболее древняя и базисная форма коммуникации. Наши предки общались между собой при помощи наклона тела, мимики, тембра и интонации голоса, частоты дыхания, взгляда. Мы и сейчас часто понимаем друг друга без слов.

Часть невербального языка универсальна: все младенцы одинаково плачут и смеются. Другая часть, например жесты, различается от культуры к культуре. Невербальное общение обычно возникает спонтанно. Мы обычно формулируем свои мысли в виде слов, наши же поза, мимика и жесты возникают непроизвольно, помимо нашего сознания.

3. Классификация

Рассмотрим невербальные средства общения. Чтобы четко понять их многообразную структуру, приведем их классификацию.

- Движения экспрессивно-выразительные (поза тела, мимика, жесты, походка).
- Тактильные движения (рукопожатие, похлопывание по спине или плечу, прикосновения, поцелуи).
- Взгляд визуально-контактный (направление взгляда, его длительность, частота контакта).
- Пространственные движения (ориентация, дистанция, размещение за столом).

Жесты и их значения

Значение	Жесты
Открытость	Руки собеседника повернуты ладонями вверх и широко раскинуты в стороны. Посадка головы прямая, плечи расправлены. Взгляд прямой.
Симпатия	Проявляется в произвольном копировании жестов друг друга или всего поведения. Друг другу посылаются сигналы: «Я тебя прекрасно понимаю».
Обман	Человек прячет руки, чешет нос, трет глаза
Оборона	Руки, скрещенные на груди, перекрещенные ноги в положениях стоя и сидя – классический жест закрытости, недоступности.
Сосредоточенность	Проявляется в пощипывании переносицы с закрытыми глазами, потирании подбородка
Позитивность	Небольшой наклон головы вперед и легкое касание рукой щеки. Корпус тела наклонен вперед
Объятия	Зависят от отношений между людьми (влюбленные, друзья, партнеры и др.)
Рукопожатия	Зависят от отношений между людьми (влюбленные, друзья, партнеры и др.)
Прикосновения	Прикосновения являются индикатором невысказанных чувств партнера. Они могут быть нежными, ласковыми, легкими, сильными, грубыми, ранящими и т.д.

Это лишь немногие примеры невербального общения.

4. Особенности невербального общения в разных странах.

Пользуясь ежедневно десятками жестов, мы почти не задумываемся об их смысле. Известно, что основные коммуникационные жесты во всем мире не отличаются друг от друга: когда люди счастливы, они улыбаются, когда печальны – хмурятся, когда не знают или не понимают, о чем идет речь – пожимают плечами. Однако нередко одно и то же выразительное движение у разных народов может иметь совершенно различное значение и легкомысленное обращение с обычными для нас жестами может привести к неожиданным последствиям.

Говоря о себе, европеец показывает рукой на грудь, японец – на нос.

Жители Мальты вместо слова «нет» слегка касаются кончиками пальцев подбородка, повернув кисть вперед. Во Франции и Италии этот жест означает, что у человека что-то болит.

ВН Греции и Турции официанту ни в коем случае нельзя показывать два пальца (например, имея в виду две чашечки кофе) – это считается очень оскорбительным жестом.

Довольно часто один и тот же жест имеет не только различное, но и прямо противоположное значение.

Образовав колечко из большого и указательного пальцев, американцы и многие другие народы сообщают, что дела «о`кей». Но этот же жест используют в Японии, говоря о деньгах, во Франции он означает ноль.

Обычный утвердительный кивок головой на юге Югославии и в Болгарии служит знаком отрицания.

Немцы часто поднимают брови в знак восхищения чьей-то идеей, в Англии так выражают скептицизм.

В общении мы не придаем особого значения левой или правой руке. Но на Ближнем Востоке, например, не следует протягивать деньги или подарок левой рукой. У тех, кто исповедует ислам, она считается нечистой, и вы можете нанести оскорбление собеседнику.

Для американца отказ разговаривать с человеком, находящимся с ним в одном помещении, означает крайнюю степень отрицательного к нему отношения. В Англии это общепринятое правило.

У народов различных культур есть различия и в восприятии пространства. Так, американцы работают либо в больших помещениях, либо – если помещений несколько – при открытых дверях. Открытый кабинет означает, что его хозяин на месте и ему нечего скрывать. Многие небоскребы в Нью-Йорке целиком сделаны из стекла и просматриваются насквозь. Немецкие же традиционные формы организации рабочего пространства принципиально иные. Каждое помещение у них должно быть снабжено надежными дверями. Распахнутая настежь дверь символизирует крайнюю степень беспорядка.

Таким образом, не зная различий невербального общения разных народов, можно попасть в неловкую ситуацию, обидев или оскорбив собеседника. Во избежание этого каждый менеджер, особенно если он имеет дело с зарубежными партнерами, должен быть осведомлен о различиях в трактовке жестов, мимики и телодвижений представителями делового мира в различных странах.

5. Заключение.

Общение включает в себя вербальные и невербальные каналы передачи информации. При этом информация, поступающая по невербальным каналам, может, как подкреплять, так и противоречить сообщению, передаваемому при помощи слов. Невербальный язык менее контролируем сознанием, чем вербальный, а потому и более достоверен. Если информация, поступающая по невербальному каналу, противоречит информации, полученной по вербальному, то верить следует невербальной. Понятие "невербальное общение" является более широким, чем "невербальная коммуникация". Придерживаясь определения, предложенного В.А. Лабунской, согласно которому, «невербальное общение – это такой вид общения, для которого является характерным использование невербального поведения и невербальной коммуникации в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа и понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека. Общаясь с другими людьми, мы составляем впечатление о них не только по тому, что они говорят, но и как – по мимике, интонации, движениям тела. За отдельными, едва заметными проявлениями рук, глаз, позы, можно увидеть настроение, желания, помыслы вашего партнера. Знание языка жестов и телодвижений позволяет не только лучше понимать собеседника, но и (что более важно) предвидеть, какое впечатление произведет на него услышанное еще до того, как он выскажется по данному поводу. Такой бессловесный язык может предупредить о том, следует ли изменять свое поведение или сделать что-то другое, чтобы достичь нужного результата

Никитич Л.А.
Заведующая кафедрой философии
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Московский Государственный
Текстильный Университет имени А.Н.Косыгина»
г. Москва, Россия

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В 20 веке философия из аналитико-рациональной дисциплины постепенно превращается в некую форму искусства, что становится особенно явным в произведениях французских экзистенциалистов, философов-лауреатов Нобелевской премии по литературе Сартра и Камю. Тесная связь между философией и литературой становится очевидной и возникает задача – проследить, какой была эта связь на всём протяжении существования философии.

Античная философия.

Философские поэмы. Связь философии с литературой в эпоху Античности проявляется в том, что первые философские сочинения Парменида, Пифагора, Эмпедокла были написаны в литературной форме: свои философские взгляды мыслители излагали в *поэмах*, используя классические размеры и ритмы, созданные Гомером и Гесиодом. Как отмечал Гегель, греческий мир – это, в первую очередь *духовное*, а не кровное родство народов, с самого начала существовала потребность в духовном формировании греков. Как правило, эту функцию выполняют религия и философия, но в Греции до возникновения философии функцию духовного формирования выполняли *поэты*, и их роль была намного значительнее, чем у других народов. Это способствовало тому, что к моменту появления философии существовали развитые формы и приёмы, которыми и воспользовалась философия. Однако, поэтическая форма предполагает конкретную реальность и чувственный образ, тогда как философия оперирует абстрактными понятиями. Начинается рефлексия в отношении поэмы как философской формы. Греческие философы открывают в ней *гармонию, пропорцию, меру*, характеристики, которые они поднимают до уровня онтологических принципов. Вместе с тем в процессе рефлексии греческие философы приходят к выводу, что для философских идей больше подходит проза, а в прозе такая, например, форма как *диалог*.

Литературными источниками греческой философии были произведения Гомера и Гесиода, в которых чётко присутствовало явление *мотивации*: авторы не ограничивались описанием фактов и событий, они искали их причины. Помимо попытки установить причинные связи между событиями и явлениями в произведениях Гомера и Гесиода была предпринята попытка дать в полумифической форме интегральную *картину мира*.

Основные человеческие ценности- добро и зло, радость и страдание, гнев и зависть, соперничество и товарищество, война и мир, небо и земля, люди и Боги – весь этот мир древних греков уже присутствует в названных

произведениях. Какова роль человека в Космосе? – этот важнейший вопрос греческой философии присутствует уже у Гомера.

«Теогония» Гесиода, обозначившая проблему рождения мира из первоначального хаоса в результате объединения противоположностей, сыграла большую роль в развитии философской космологии; она фактически сформулировала вопрос о синтезе всех предшествующих философских догадок.

Ранняя греческая поэзия имела универсальный характер: в «Теогонии», «Трудах и днях» Гесиода, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера мы имеем фактически дело с настоящей энциклопедией ранней греческой цивилизации. Об универсальной компетентности ранних греческих поэтов говорит Платон в своём «Государстве», когда отмечает, что в их произведениях можно встретить любые технические рекомендации – от искусства поворачивать колесницу вокруг столба на стадионе до умения ловить рыб в море и правил приготовления настоя, любые образцы хорошего воспитания и индивидуальной морали, любые правила политики и стратегии, любые рассказы о происхождении богов. Поэтам «знакомы все искусства, все человеческие дела – добродетельные и подлые, а вдобавок ещё и божественные» (1, с.426). Дофилософская греческая литература давала в изобилии тот фактический материал, обобщением которого явились первые философские понятия, внедряла в сознание некоторые принципы, приобретающие затем философский характер, она формулирует некоторые ментальные конструкции, которые затем использует ранняя греческая методология: из художественной литературы приходят в философию понятия рока, судьбы, трансформирующиеся в философские понятия *необходимость, мера, справедливость*.

Понятие *справедливость* оказалось важнейшим для создания философской этики. «Приникни ухом к Справедливости и начисто забудешь о злоупотреблениях», - говорит Гесиод. «В Справедливости заключены все прочие добродетели», - говорит Фокилид (греческий поэт VI в. до н.э. из Милета). Впоследствии это понятие станет центральным не только для римского права, для этики и политики – для Платона и других философов оно станет онтологическим понятием.

Понятие *мера* станет важнейшим понятием философских школ пифагорейцев и элеатов («Человек – мера всех вещей»), но философы позаимствовали его у поэтов, в работах которых это понятие появилось значительно раньше: «Возрадуйся в веселии и опечалься в страдании, но не слишком», - говорит Архилох; «Не усердствуй чрезмерно: лучше быть посредине, придёшь к добродетели», - замечает Феогнид; «Ничего слишком. Мера – лучшая из вещей», - свидетельствует Солон.

Вместе с тем отношение к поэзии, у которой греческие философы многое позаимствовали, было с их страны, начиная с периода Сократа, довольно критическим. Так Платон в «Государстве», обращаясь к Гомеру, противопоставляет ему личность законодателя: «Дорогой Гомер... скажи

нам, какое из государств получало благодаря тебе лучшее устройство, подобно тому как это было с Лакедемоном благодаря Ликургу и со многими крупными и малыми государствами – благодаря многим другим законодателям?» (1, с.427).

Вместо изображения в литературных греческих произведениях богов, предающихся страстям и порокам, философия выдвигает более чистую идею божественного, рационального, наполненную моральным содержанием.

Философские диалоги. Подвергается критике также сама форма философствования, и философские поэмы сменяются философскими диалогами. В форме диалога излагал свои взгляды Платон, который, по словам Диагена Лаэртского довёл форму диалога до совершенства, разрешив тем самым возникший при Сократе конфликт между философией и литературой (см. 2, с.149). В своих диалогах с участием Сократа Платону удалось противопоставить поэтическим героям – Сократа как героя философского диалога. При этом при описании Сократа Платон использовал свой литературный поэтический дар, и потому его Сократ и поэтичен, и историчен; но, как писал Аристотель, «поэзия философичнее и серьезнее истории» (3, с.655).

История констатирует то, что было, а поэзия должна совершить необходимое творческое усилие, чтобы дать ощущение «необходимости или вероятности». Недаром для прославления своих подвигов Александр Македонский требовал поэта, подобного Гомеру: он знал, что в памяти человечества он останется менее живым, чем Ахилл. Историческое описание всегда даёт недостаточно достоверный образ великих людей, обрывочный характер информации усиливает ощущение бессвязности и неясности, вызываемое тем, что в биографическом повествовании события подобраны случайно, а выводы – плод неведения и произвола автора. Только врождённое чувство поэзии позволило Платону придать образу Сократа ту высшую достоверность и необходимость, которые присущи только художественным произведениям. Таким Сократ и предстал в памяти потомков.

Литература и философия Средневековья

Одной из задач платоновского диалога была задача – увлечь читателя философией, и эта задача была выполнена. А Аристотель для привлечения внимания к философии использовал другие формы, среди которых была *проповедь*. Этой формой воспользовался *Августин* и другие христианские мыслители.

Проповедь Августина Форма проповеди носила личностный характер и была доступным средством постижения идей Священного Писания. Образность, эмоциональный характер изложения – все эти заимствованные в художественной литературе средства помогали восприятию рядовыми людьми совершенного, абсолютного, бесконечного, беспредельного и других атрибутов Божественного существа.

Описывая свою жизнь, Августин прибегал к средствам художественной литературы – художественным образам, сравнениям, эпитетам, метафорам, демонстрируя свои литературные способности. Так, он создал прекрасный образ матери, благочестивой христианки, дав тем самым начало замечательной традиции в художественной литературе.

Описывая свою мать, обращаясь к Богу, Августин говорит: «В сердце матери моей... Ты основал храм свой и положил основание святой обители Твоей» (4, с.24), или когда Августин описывает обращение своей плачущей матери к епископу с просьбой наставить сына на путь истинный: «Ступай, - отвечает ей епископ, - как верно, что ты живёшь, так верно и то, что сын таких слёз не погибнет» (4, с.40). И Августин, описывая впечатление матери, говорит, что она «приняла эти слова так, как будто они прозвучали с неба» (4, с.40).

Художественные образы, литературные приёмы Августин использует для утверждения в душе человека новых христианских ценностей и для обучения их восприятию.

Августин осознаёт, что Священное Писание очень сложно для восприятия человека Средневековья, значительно менее образованного, чем человек античного мира. И он использует литературную образность и художественные приёмы для того, чтобы воодушевить человека на это великое дело – овладение Священным Писанием. Для этого он описывает свой путь прихода к нему. «Итак, я решил внимательно заняться Священным Писанием и посмотреть, что это такое. И вот я вижу нечто для гордецов непонятное, для детей тёмное; здание, окутанное тайной, с низким входом; оно становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься. Я не был в состоянии ни войти в него, ни склонить голову, чтобы продвигаться дальше. Эти слова мои не соответствуют тому чувству, которое я испытал, взявшись за Писание: оно казалось мне недостойным даже сравнения с достоинством Цицеронова стиля. Моя кичливость не мирилась с его простотой; моё остроумие не проникало в его сердцевину. Оно обладает как раз свойством раскрываться по мере того, как растёт ребёнок-читатель» (4, с. 33).

И Августин, который в своей языческой жизни занимался риторикой, словом, занимается переложением Священного Писания с использованием новой лексики, которой постепенно заполнится вся философская и вся художественная литература. Эта лексика будет знаковым выражением новой системы ценностей, в духе которой на протяжении многих столетий будет воспитываться европеец средствами всех видов литературы.

«Утешение философией» Другим примером тесной связи философии с литературой в период Средневековья является «золотая книга» Боэция (428-524) *«Утешение философией»*. Эта книга была итогом философского и поэтического опыта мыслителя.

Форма книги является синтезом философских и литературных жанров. Она отражает влияние как философов Цицерона и Ямвлиха, так и писателей

Варрона и Марциана Камеллы. Боэций использует повествовательные, поэтические и драматические приёмы. Как в любом художественном произведении, в книге есть герой и художественный образ. Это *Философия*, аллегорически изображённая автором в первой книге. Боэций представил её в виде женщины «с ликом, исполненным достоинства и пылающими очами, зоркостью своею далеко превосходящими человеческие, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой; хотя была она во цвете лет, никак не верилось, чтобы она принадлежала к нашему веку. Трудно было определить и её рост. Ибо казалось, что в одно и то же время она и не превышала обычной человеческой меры, и теменем касалась неба, а если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в самое небо и стала бы невидимой для взирающих на неё людей» (5, с.190). Миссию Философии символизируют находящиеся в её руках вещи: в одной руке она держит скипетр, что означает миссию власти философии, а в другой руке – книги, что означает единство мысли и слова, единство философии и литературы.

Отношения между философией и литературой в эпоху Возрождения

Отношения между философией и литературой в эпоху Возрождения определялись общей социокультурной ситуацией и ролью того или иного вида культуры. Можно даже говорить о тождестве философии и литературы этого периода. В эпоху Возрождения происходит *антропологизация* философии. В литературе, эстетике, философии и искусстве проблема *индивидуальности* становится главной. И сразу же, как философско-эстетическая, и как литературоведческая возникает вопрос о соотношении общего и индивидуального. Возникают и соответствующие жанры в литературе, и соответствующие понятия. Соотношение общего и индивидуального может быть полным равновесием, которое А.Ф.Лосев называет *символом*, противопоставляя его аллегории и олицетворению.

Данте. Примат идеи. Однако преобладающей формой в литературе XIII-XIV вв. была *символика*, в которой общее и индивидуальное, идеальное и материальное, внутреннее и внешнее сливались в единый художественный образ. Это особенно явно проявилось в творчестве *Данте* (1265-1321). Его искусство восходит своими истоками к неоплатонизму и базируется на признании примата *идеи*. Эта идея обладает абсолютным совершенством только в чистом виде и относится к Богу. Преломлённая в материи искусства, она утрачивает с вою первоначальную законченность. Перед искусством встаёт задача приближения к идеалу, который не осуществим теоретически. Именно на пути искусство становится символом более высоких ценностей.

На творчество Данте оказали влияние идеи Платона, пифагорейцев, стоиков, некоторые дантовские взгляды совпадают с аристотелевскими. Значительную роль в творчестве Данте играла проблема «духовного света», выпестованная многими поколениями философов. Решающим образом в поэтическом мышлении Данте был мистико-философский образ

ослепительного божественного света, созданный Дионисием Ареопагитом в У в. на основе мифологической, библейской и платонической идей сверхидеального света.

И в том, что «Божественная комедия» Данте стала выдающимся образцом мировой художественной литературы не последняя роль принадлежит неоплатонизму и другим философским идеям, вдохновлявшим автора.

Монтень. Образы и сравнения. Другим примером связи философии и литературы в эпоху Возрождения является творчество *Монтеня* (1533-1592), его знаменитые «*Опыты*». Монтень вошёл в историю философии как сторонник скептицизма, догматизма и авторитаризма. Свои философские идеи он выражал художественными средствами, *образами*, что является первой особенностью художественной литературы. Так, например, когда он оценивает Гомера как самое выдающееся художественное явление античности, он не анализирует произведения Гомера, а приводит оценки выдающихся личностей и эпизоды, подтверждающие величие Гомера: Александр Македонский, найдя среди оставленных персидским царём Дарием вещей драгоценный ларец, приказал взять этот ларец для него и положить туда произведения Гомера, говоря, что Гомер – его лучший и вернейший советчик во всех военных делах. Другой пример Монтеня связан с племянником великого Перикла Алкивиадом: «Беспутный Алкивиад попросил однажды у одного писателя одно из сочинений Гомера и вlepил ему оплеуху, узнав, что у писателя его нет; это всё равно как если бы у какого-нибудь нашего священника не оказалось молитвенника».

Сторонник эпикурейского гедонизма, Монтень в «Опытах» изложил правила для руководства поведением человека, и сделал это, используя исторические и художественные приёмы. В основу своей этической концепции Монтень положил *здравый смысл*, бывший базисом многих этических концепций Просвещения. Так, пытаясь предписать одно из правил поведения – не откладывать важные дела на «после», Монтень рассказывает историю о фиванском тиране Архии, который, получив во время ужина накануне его убийства записку с предупреждением о покушении, отложил её в сторону со словами, вошедшими с тех пор в Греции в пословицу: «Дела – до завтра!»

Художественные образы и сравнения Монтеня помогали его современникам глубже понимать философские идеи его времени. Не случайно из «Опытов», «этого кладезя мудрости для всех», по словам Андре Моруа, черпали и Шекспир, и Паскаль, и Ларошфуко, и Мольер.

Связь философии и литературы в Новое и Новейшее время

В первый период Нового времени, когда Европа начинает ориентироваться на науку как высшую ценность, связи философии с литературой ослабевают за счёт усиления связи философии с наукой. Произведения основных философских фигур этого времени, таких как Декарт, Бэкон, Спиноза отчётливо символизируют данный процесс.

Происходит высвобождение философии из вовлечённости в повседневную жизнь. Примером является «Рассуждение о методе» Декарта, в котором он в большей мере ориентируется на ясность мысли и силу логики и рассуждения, чем на риторику и поэзию.

Возникает новый философский стиль, в котором способ изложения заимствуется у науки. Примером такого стиля является Спинозовский метод изложения, построенный по образцу «Начал» Евклида. Такой метод изложения философских положений демонстрирует удалённость философии от литературы.

Однако уже в XVII в. в философии рождается сознание того, сколь пагубной может стать для неё разрыв с художественными истоками; философия может оказаться перед действительностью, для истолкования которой чисто философские средства будут недостаточны.

Философская повесть. И тогда в XVII в. появляется новый жанр – *философская повесть*. Философская повесть – это повесть о воображаемых событиях, между тем как идеи в ней реальные, но в момент написания – полуполегалы. Свифт высмеивает Англию своего времени то как страну, где лошади управляют людьми, то как страну карликов, то как страну великанов. А Монтескье с помощью выдуманного им перса высмеивает в «Персидских письмах» обычаи, которым вынужден подчиняться. Обстановка во Франции в XVII в. была такова, что монархия защищала церковь и средневековую философию, выступления против которых карались законами. Интеллектуальная же элита и философы-просветители стремились познакомить общество с новыми идеями, некоторые из которых были просто «опасны». И тогда эти авторы прибегали либо к фантастике, либо к ориенталистике. Больше всего такими средствами пользовался *Вольтер*. Он писал философские повести. Первой из них была повесть «Мир, как он есть», за ней последовали «Видения Бабука», «Мемнон», «Задиг, или судьба» и другие. Воспитанный иезуитами, Вольтер воспринял у них силу мысли и красоту стиля. Находясь в ссылке в Англии, он прочёл сочинения Свифта и многое у него позаимствовал. Вольтеровская философская повесть, вершиной которой был «Кандид», явилась синтезом приобретённого у иезуитов, восточных авторов и Свифта мастерства и старых историй.

Однако, философская повесть – это был скорее литературный, чем философский жанр. Проблема вернуть философии способ выражения, от которого она отказалась в начале Нового времени, всё ещё оставалась. Первым, кто предпринял шаги в этом направлении, был *Шопенгауэр*, а закрепил этот поворот *Ницше*.

Афоризм. Философская притча. Результатом такой «переоценки ценностей» явился возврат к литературным формам, присущим первым греческим натурфилософам: к афоризму и философской поэме-притче. Подтверждением этого явились «Афоризмы» *Шопенгауэра* и *Ницше*, а также поэма-притча «Так говорил Заратустра». В «Заратустре» Ницше создаёт новый жанр и новую форму философствования: это синтез религиозного

пророчества и лирического размышления, в котором выражаются философские идеи. Афоризм характеризуют такие особенности, как краткость, яркость выражения, экспрессия, мысль. Его сила в односторонности. Мысль в афоризме замыкается и поражает с большой силой, но только односторонне. Например, имморализм Ницше, афористично выраженный, может *поражать* в качестве критики существующего в обществе аморализма, но он станет *ужасать*, если его логически развить. В этом случае он превратится в утверждение права на преступление и бесчеловечность. Например, «Мораль – это важничанье человека перед природой» (6, с.735). Или «Нечистая совесть – это налог, которым изобретение чистой совести обложило людей» (6, с.738). «Мы должны быть столь же жестокими, сколь и сострадательными ...» (6 - С.744). У Ницше видно нежелание систематизировать свои мысли, чтобы легче «соблазнить читателя», что трудно совмещается с философией, которую характеризует стремление мыслить последовательно и связно. Вместе с тем Ницше открыл новые пути для возврата философии к литературе, предложив идею «трагической философии».

«В поисках утраченного». Самая распространённая в XX в. экзистенциальная философия как бы вернула философию к греческой трагедии, погружая её в стихию чувств и конкретность жизненного опыта. Романы экзистенциалистов А.Камю и Ж.П.Сартра действительно содержат конкретику жизненного опыта: достаточно вспомнить роман «Посторонний» Камю или повесть Сартра «Стена». В «Стене» писатель описывает эпизод из истории гражданской войны в Испании тридцатых годов, состояние нескольких разных людей в ночь накануне расстрела. Такое произведение не имело бы философского значения, если бы в его содержании не было всеобщего смысла, если бы оно не отражало проблемы человеческого существования вообще, существования, которому свойственны описанные переживания: пограничная ситуация, страх перед смертью, воспоминания о близких людях, сожаления о совершенных проступках, чувство невозможности изменить прошлое, преобладание в жизненном опыте повседневной суеты, роль случая и судьбы в жизни каждого. Именно присутствием в содержании всеобщего смысла философская литература отличается от собственно художественной, изображающей единичных индивидов, связанных с единичными ситуациями.

К числу выдающихся произведений художественной литературы XX в. относится 14-томная литературная эпопея Марселя Пруста «В погоне за утраченным временем», созданная на философии французского представителя философии жизни Анри Бергсона. О характере связи определённой философской концепции и художественном произведении, созданном на основе её принципов, Пруст написал в последнем томе эпопеи, где отметил, что то или иное философское произведение стимулирует художника к созданию соответствующего литературного произведения, как было в его случае. Но оставлять на этом художественном произведении «отпечаток» идей, помогавших его созданию, равносильно тому, что оставлять на преподносимом

подарке этикетку магазина, на которой проставлена цена. Философские идеи, находящиеся у истоков художественного произведения, выражают лишь намерения автора, и, как правило, их реализация оказывается гораздо более исходит автор, способствует рождению в его произведениях новых идей и мыслей, автономных от исходных, но также философских.

Роман-миф Т.Манна. В XX веке появляются произведения лауреата Нобелевской премии Томаса Манна, насыщенные интеллектуализмом и философствованием, неотъемлемой чертой психологии героев которого является теоретический анализ. Высказывания героев, особенно в «Докторе Фаусто-се», - это фактически логически продуманные трактаты, включённые в живую повествовательную ткань. В другом своём произведении – романе-мифе «Иосиф и его братья» Томас Манн, восстанавливая в художественной форме природу подлинного мифа, демифологизирует историю XX столетия. Это очень теоретичное произведение заставляет ещё раз обратиться к мифу как истоку философии и культуры в целом. О роли мифа в приобщении к культуре писал ещё в IV в. до н.э. Аристотель: «Тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ».

Сам миф не является мышлением, вместо вычленения сущности, он рассказывает какую-нибудь историю. Но Томасу Манну было очевидно, что миф сильнее просто философского романа, поскольку роман иллюстрирует какую-то общую идею, а миф является парадигмой, то есть образцом на все времена, он общечеловечнее романа.

Современная действительность столь плюралистична, что объяснение её только философско-научными средствами не может быть полным и адекватным. Для такой полноты и адекватности философия, как некогда, должна вновь стать движением, объединяющим две противоположности – поэзию и науку.

Литература

1. Платон. Соч.Т.3.Ч.1
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986
3. Аристотель Поэтика. Соч.Т.4.
4. Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1992э.
5. Бэций. Утешение философии ей и другие трактаты. М., 1990
6. Ницше Ф. Соч. Т.1

ВЗГЛЯД ГУМАНИТАРИЯ НА ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Проблем может быть множество, среди них необходимо выявить главную, ключевую, решение которой может снять большинство остальных проблем. Максимальное негативное воздействие на человека оказывает мировой экономический и экологический кризис, который не миновал РФ из-за её роли сырьевого придатка развитым капиталистическим странам. Причина кризиса в самой природе капиталистической системы, в её основных принципах: частной собственности на средства производства, безжалостной конкуренции, эксплуатации, эгоизме частного и т.п. её порождениях. Ещё совсем недавно советская идеология утверждала, что основным содержанием современной эпохи является переход человечества от капитализма к социализму, эта эпоха борьбы двух противоположных общественных систем. К сожалению, советский социализм оказался неустойчивым социальным образованием и разрушился под напором мелкобуржуазной пятой колонны.

Современная Россия – это, прежде всего, существование спекулятивного, компрадорского, коррупционного капитализма. Начало его связано с властными амбициями Б. Ельцина, получившего власть, но не знавшего как ею распорядиться. Пацаны, обучавшиеся в университетах США, которым Ельцин доверил проведение реформ, смогли только разрушить плановую экономику и получить умирающую промышленность. Произошло подчинение отечества западным торговым кампаниям. Уход Ельцина не облегчил жизни трудящимся. В. Путин продолжил путь разрушения отечественной промышленности. Есть ли в обществе силы, способные вернуть страну на путь созидания? Скорее всего есть, но они раздроблены, как амбициями лидеров маленьких партий, которые не могут для великой цели сформировать единую платформу и выбрать одного лидера, так и ловкими предвыборными маневрами политической власти: «Единой России», президентской администрации, правительством.

Приход капитализма в РФ сказался совершенно неожиданным образом. Произошло резкое уменьшение численности населения. Психические стрессы, вызванные развалом ещё недавно могучего государства, безработица, криминальные войны, инфляция, коррупция, девальвация рубля, обман финансовых пирамид, угнетённое положение трудящегося человека – **весь этот негатив отрицательно сказался на большинстве людей. В девяностые годы вымирание достигало миллиона человек в год.** Сейчас эта цифра немного уменьшилась, но население РФ продолжает убывать быстрыми темпами. Вероятно исчезновение русской национальности.

Законы, принимаемые буржуазной партией в Госдуме, ведут к невиданному в мире расколу в российском обществе. **РФ стала опять**

самым слабым звеном в цепи капиталистических государств, опутавших весь земной шар. Об этом говорят высокие значения децильного коэффициента неравенства доходов, доходящего, по официальным данным, до 16-24, а фактически превышающие отметку в 30 единиц. Для сравнения в царской России он был равен 5-6, в СССР – 3-5, в Европе - 5-7, в Норвегии – 2-3. Другой, так называемый коэффициент Джинса, также отражающий социальное расслоение, по данным Росстата составляет у нас 0,42; опережая в этом отношении США с его значением - 0,41, Европу, где он равен 0,25-0,35. Усугубляет положение плоская шкала подоходного налога – для всех слоёв 13%. Несмотря на это, В. Путин в одном из своих последних выступлений заявил, что это правильное решение!?. Кроме того, богатые за отчисляемые по акциям дивиденды платят даже менее того – всего 9%. И при этом власти упорно утверждают, что в бюджете нет средств для всестороннего развития здравоохранения, образования и науки!

Диалектика утверждает, что ничего застывшего в природе не существует. Это относится и к социально - экономическим отношениям в обществе. Капитализм не вечен. Ему на смену придёт общественная собственность на средства производства и плановое хозяйство, которое в принципе лишено экономических кризисов. Однако из основных базовых принципов социализма, сформулированных классиками марксизма, можно сконструировать различные его формы; и, в частности, советский социализм, который оказался не совсем прочным и был вытеснен квази-капитализмом, не похожим на классический капитализм развитых стран. Криминальные махинации с ваучерами, несправедливая приватизация госсобственности, коррупция, повальная бедность и т.п. – вот основные черты дикого капиталистического общества в РФ.

Страна готова взорваться. Только отсутствием сплочённой силы, которая способна организовать трудящихся, можно объяснить относительное спокойствие граждан. Эффективное информационное воздействие, а точнее сказать – ложь проправительственных СМИ всё ещё удерживает народ от открытого выступления против удушающей власти – авторов грабительских тарифов, изъятия льгот у пенсионеров, потворствующих падению нравственности в стране. Главная оппозиционная сила – КПРФ - в своих заявлениях о смене власти придерживается мирного способа завоевания власти путём демократического волеизъявления избирателей на выборах. **Однако своё желание стать властной партией она, к сожалению, не подкрепляет делами, проявляя преступную пассивность по разъяснению народу бедственного положения в стране.** Отсутствует активное противодействие информационной блокаде властных структур, устроенной предложениям компартии. Газета «Правда» и «Советская Россия» доходят практически только до членов партии. **Выход один – необходимо наладить издание листовок, которые нужно выпускать по всякому, даже малозначительному политическому поводу.** Их издание может быть, как централизовано, так и в порядке местной инициативы. Таким образом,

компартия сможет пробить брешь в информационной войне – том обмане, организованном буржуазной властью, чтобы бесконечно править русским народом. Листовки должны настраивать людей на мирную смену буржуазной власти, путём голосования на выборах за оппозиционные силы и, в частности, за КПРФ.

При настоящем раскладе политических сил в стране, КПРФ невозможно рассчитывать на получение единоличного большинства в Госдуме. Её авторитет в народе далёк от необходимого для единовластного правления. Всё это приведёт к необходимости блокирования в парламенте с другими оппозиционными партиями, что, хотя ограничит темп социальных изменений, будет благотворно влиять на их результат. **Единовластие одной партии, особенно на начальном этапе ни к чему хорошему, кроме создания «организованной» демократии в угоду отдельной личности, привести не может.**

Работа оппозиционных партий, взявших власть в свои руки, должна начаться с приведения капитализма к общемировым «стандартам»: установление прогрессивной шкалы налогообложения, запрет торговли отечественным сырьём на иностранную валюту, создание условий препятствующих утечке финансового капитала за границу и вкладывания их в отечественные инвестиции. Второй этап связан с судебным разбирательством законности прошедшей приватизации госимущества, перед которыми следует провести проверку судебной системы на коррупционную составляющую. Незаконно приватизированная госсобственность, а также крупная частная собственность должна быть национализирована. Сырьевые кампании необходимо проверить на соблюдение статьи 36 Конституции РФ, где говорится о том, что «пользование землёй и природными ресурсами возможно... если не нарушает прав и законных интересов иных лиц» - под которыми следует понимать интересы граждан, как проживающих в данной местности, так и всего государства. Финансовые средства государства, хранящиеся за границей должны быть возвращены в страну и использованы для строительства перспективных производств с целью устранения безработицы и ликвидации зависимости от иностранного импорта. **Эти меры не могут вызвать насильственного сопротивления, поскольку все они основаны на соблюдении действующей Конституции РФ и её законов.**

На третьем этапе созывается Конституционная комиссия, собрание, ассамблея, неважно как её назвать, лишь бы члены её были выбраны в равной пропорции от всех слоёв населения. Она проведёт анализ действующей Конституции на социальную направленность, демократичность и светскость государства и выработает новую Конституцию переходного периода к справедливому, равноправному, демократичному и свободному от эксплуатации обществу с достойными условиями жизни всех граждан. **С утверждением на всенародном референдуме социалистически направленной Конституции закончится мрачный период**

капиталистической колонизации советского народа и начнётся восстановление былой мощи и величия России.

Одним из этапов работы оппозиционных сил, станет судебное рассмотрение действий руководящих лиц всех рангов на соответствие высшим интересам государства – служению Родине. Произойдёт акционирование крупных и средних предприятий с участием государства в доле 51% для функционирования государственных плановых органов. Остальные 49% позволят равноправным акционерам участвовать как в управлении, так и в получении причитающейся доли прибыли. Акционирование предприятий позволит отойти от государственно-монополистического капитализма, уменьшить отчуждение трудящихся от результатов своего труда, позволит, если не превзойти материальный уровень развитых капиталистических стран, то, по крайней мере, достичь их уровня. Государственное планирование рациональным образом распределит бюджет, с тем, чтобы средства были равномерно выделены всем отраслям народного хозяйства, с учётом товаров народного потребления. Доля ВПК должна обеспечить минимально необходимые затраты на создание вооружённых сил возмездия, которые послужат препятствием для возможного развязывания войны предполагаемым агрессором. **В любом случае бюджет новой России должен обеспечить, пусть не сразу, достойное материальное существование всем гражданам страны, превышающее тот же параметр у лиц капиталистических государств [1, с. 241].**

Ниспровержение капиталистической формации становится главной задачей современности, проблемой выживания человечества в условиях глобального экономического и экологического кризиса. Социализм, свободный от ошибок, допущенных в советском обществе, сможет продлить существование человечества и в будущем смениться коммунистическими отношениями, в которых **«от каждого по способностям, каждому по обоснованной потребности»**. Хочется верить, что наступление разумно организованного социализма начнётся именно в России, освободившейся от буржуазной власти.

Литература

1. Чумаков И.В. Чумаков В.А. Проблемы переходного периода к социализму //Актуальные проблемы российской философии. Материалы всероссийской научной конференции. Пермь, 2011, т.2.

«ПОЛИТИКА СОГРАЖДАНСТВА» В ЭТНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТСУТСТВИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Исследуя российскую этнополитику постсоветского периода, очень удачный, на наш взгляд, образ предложил американский профессор П. Ратленд – «присутствие отсутствия» [6, с. 172]. Отечественные исследователи критикуют российскую этнополитику в более резких выражениях. Наиболее часто звучат обвинения, что она во многом спровоцировала межэтническую напряженность и конфликты, а также активное изменение этнического состава населения на территориях межэтнического контакта [2, с. 255]. Действительно, можно ли говорить о российской этнополитике, если даже обозначенный термин, хотя уже и не воспринимается как неологизм, всё ещё не стал общепринятым ни среди российских ученых, ни, тем более, среди российских политиков? Что касается государственного уровня, то долгое время основополагающим документом оставалась Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. Проекты новой Концепции неоднократно обсуждались с привлечением специалистов из академической среды, но так и не принимались. В 2011 году автором настоящей статьи было высказано предположение, что новая Концепция не будет принята до президентских выборов 2012 г. [7, с. 163]. Выборы 2012 года актуализировали внимание властной элиты к этнической проблематике. Ушедший год, к сожалению, был богат событиями, свидетельствующими об опасной сегрегации российского общества по этническим различиям. В качестве примера достаточно вспомнить «дело Мирзаева» и стрельбу, устроенную в центре Москвы участниками свадебного кортежа 30 сентября 2012 года. И в первом, и во втором случае российское общество активно обсуждало национальность нарушителей закона. Особую активность проявили блогеры. С учетом того факта, что роль интернет-ресурсов в формировании установок общественного сознания возрастает, можно говорить о тревожной тенденции сохранения высокого уровня конфликтности в межэтнической сфере.

В итоге, осенью 2012 года российское общество ознакомилось с проектом Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации [5]. 19 декабря 2012 года Указом Президента Российской Федерации документ был утвержден с довольно существенными поправками [8]. Какие изменения в сравнении с Концепцией государственной национальной политики и первоначальным текстом проекта наиболее существенны? Замены понятия «национальной политики» на более корректный термин «этнополитика» в тексте Стратегии не произошло. В принятом документе, в отличие от предложенного проекта, исчезли такие понятия, как «политика согражданства», «общероссийская гражданская идентичность», как собственно и весь раздел, разъясняющий понятийный аппарат Стратегии. Два исчезнувших из текста понятия выделены автором не случайно. В принятой Стратегии есть упоминание общероссийского граждан-

ского самосознания и также в качестве негативного фактора названа «недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности», что, на наш взгляд, не является равноценной заменой.

Термин «российская нация» в качестве синонима известной формулировки действующей Конституции «многонациональный народ России» в утвержденном документе упоминается значительно реже, чем в первоначальном проекте. Таким образом, концепт гражданской нации в развернутом виде так и не принят на государственном уровне.

Считается, что идея гражданской нации тесно связана с наследием Великой Французской революции, утвердившей представление о нации как союзе свободных граждан. Гражданская нация есть совокупность граждан одного государства, независимо от их этнической принадлежности. Политика согражданства направлена на консолидацию всего населения государства с помощью юридических институтов, общегражданских прав, политической культуры. Она не подразумевает этнической ассимиляции, но направлена против политизации этничности и использования фактора этничности как инструмента в борьбе за власть.

Приоритет в пропаганде идеи гражданской нации в современной России принадлежит академическому сообществу. Одним из первых, кто среди российских ученых выступил с пропагандой идеи гражданской нации, был академик В.А.Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН. Концепт гражданской нации встретил сопротивление со стороны значительной части экспертного сообщества и политической элиты. Как писал в своё время один из идейных критиков данного подхода Р.Г.Абдулатипов, борьба В.А.Тишкова и некоторых ученых-западников против традиционной терминологии воспринимается многими как борьба против наций и национальностей, республик и автономий [3, с. 568]. Затем ситуация изменилась. Серьёзным свидетельством перемены отношения политической элиты страны к идее гражданской нации является формулировка из предвыборной программы правящей партии в 2007 г.: «Утверждение общероссийской гражданской идентичности, формирование общей системы духовно-нравственных ориентиров при сохранении культурной самобытности народов России, развитии национальных языков, обычаев и традиций – приоритет "Единой России". Именно в приверженности народа моральным и духовным ценностям мы видим одно из важнейших конкурентных преимуществ России, залог успеха нашего развития» [4].

В научных публикациях, связанных с тематикой гражданской нации, появились утверждения, что гражданская нация в России уже состоялась. Тем более симптоматичным выглядит тот факт, что концепт российской гражданской нации в принятом тексте Стратегии упомянут вскользь. Таким образом, противники идеи нации как согражданства одержали победу в ходе принятия данной Стратегии. Можно лишь надеяться, что не окончательно. Достаточно мрачное предсказание В.А. Ачкасова, высказанное им в 2005 г., о том, что в России явочным путём снимается задача формирования российской нации-согражданства и исподволь возрождается имперская форма

существования российского социума [1, с. 336], к 2012 году не сбылось в полном объеме, но вновь актуализировалось.

Если в первоначальном варианте Стратегии в качестве первоочередной была обозначена цель укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), то в принятом документе эта цель отсутствует. Концепция национальной политики в РФ, принятая в 1996 г., содержала следующую реакцию на политизацию этничности: «В государственной национальной политике нужны новые концептуальные подходы, прежде всего осознание того, что национальный вопрос не может занимать второстепенное место или быть предметом спекуляций в политической борьбе». В то же время, сама Концепция не содержала механизмов противодействия политическим спекуляциям в сфере этнических отношений. Таким образом, задача формирования системы политических инструментов деполитизации этничности в практике 90-х гг. прошлого века не была решена. Как видно из текста утвержденной в декабре 2012 года Стратегии, данная задача по-прежнему не осознается в качестве приоритетной. Зато очень большое внимание в утвержденной Стратегии уделяется задачам сохранения этнокультурной самобытности. На наш взгляд, российская власть в должной мере так и не осознала те угрозы, которые несёт в себе культурный этнонационализм.

Культурный этнонационализм при всей условности данного понятия основан на этническом романтизме и провозглашает своей стратегией борьбу за сохранение этнической идентичности, культурной самобытности. В отличие от политического этнонационализма, его угрозы часто приобретают скрытый характер и, при благоприятных политических условиях, не проявляют себя. Этническим элитам, которые активно демонстрируют свою вербальную лояльность федеральному центру, выгодно апеллировать к лозунгам сохранения этнокультурной самобытности, используя как раз те элементы традиционной культуры, которые сакрализируют власть, исключая либо существенно ограничивая участие населения в принятии политических решений. Такое состояние дел прямо противоречит провозглашенному курсу на модернизацию. Впрочем, в настоящее время нет подтверждений, что лозунги модернизации страны во всех сферах жизни получили широкую поддержку российской бюрократической элиты.

В условиях политизации этничности само понятие «этнокультурная самобытность» часто становится удобным объектом манипуляции со стороны местных этнократий, в том числе для сохранения и искусственного возрождения архаичных кланово-родовых норм. Мы должны осознавать, что традиционная этническая культура обладает значительным арсеналом средств, попирающим права человека. Среди обычаев, заново возрожденных в постсоветскую эпоху на Северном Кавказе, и пресловутое умыкание невест, преподносимое некоторыми российскими СМИ, как нечто романтическое, и кровная месть, дестабилизирующая политическую ситуацию в Дагестане, в Ингушетии, в Чечне. Настоящий вызов правовой системе Российской Федерации представляли прозвучавшие на самом высоком уровне весной 2009 года угрозы применить кровную месть в отношении братьев Ямадаевых. Необходимо

понимать, что вооруженные столкновения на Северном Кавказе продолжаются во многом в силу наличия большого по численности круга людей, включенных в систему традиционалистских отношений кровной мести. Успехи Р. Кадырова по искоренению обычая кровной мести в Чечне активно пропагандировались.

В то же время, усилия главы Республики Ингушетия Юнус-Бека Евкурова по примирению семей, находящихся в состоянии кровной мести [9, с. 80], не получили должной информационной поддержки. Это является одним из подтверждений отсутствия продуманности и логичности российской этнополитики.

Возникает резонный вопрос, действительно ли нужно воспроизводить все бытующие на данный момент элементы традиционной культуры. И не должно ли российское государство обеспечить безопасность индивида от достаточно одиозных традиций?

В настоящее время в Российской Федерации нет сколько-либо значительных политических сил, выступающих с открытыми сепаратистскими лозунгами. Сепаратизм сейчас удачно прячется под лозунги этнокультурного национализма. В этих условиях представляется необходимым переосмысление приоритетов государственной политики в этнокультурной сфере. Сегодня не может быть признана первоочередной задачей сохранение этнокультурной самобытности этнических общностей. Упор должен быть сделан на интеграцию. К сожалению, на наш взгляд, эта задача в тексте принятой Стратегии не отразилась должным образом.

Литература

1. Ачкасов В.А. Этнополитология. Спб., 2005.
2. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.
3. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
4. Предвыборная Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» «План Путина – достойное будущее великой страны»//<http://www.edinros.ru/rubr.shtml> (дата обращения 20.09.2011).
5. Проект Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации// ИА REX 12 октября 2012// <http://www.iarex.ru/articles/30062.html> (дата обращения 21.12.2012).
6. Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // Полис. 2011. № 2. С. 172 – 189.
7. Савва Е.В. Влияние научных дискуссий на практику постсоветской этнополитики//Теория и практика общественного развития, 2011. № 6. С. 163 – 166.
8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года/ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения 21.12.2012).
9. Тангиев М. Миротворческие инициативы президента Ингушетии // Бюллетень сети этнологического мониторинга. № 85. Май-июнь 2009. М.: УОП ИЭА РАН, 2009. С. 79 – 82.

Игнатенко В.А.
*Заместитель главы администрации
Прикубанского внутригородского округа города Краснодара
г. Краснодар, Россия*

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Одной из проблем современного российского электорального процесса является низкий уровень участия избирателей в выборах, а также абсентеизм значительной части молодежи. Возможность принимать участие в формировании государственных органов и органов местного самоуправления закреплена в Конституции РФ и является правом граждан России. Установив принцип свободного и добровольного участия граждан в выборах и референдумах, законодатель закрепил за их организаторами – избирательными комиссиями обязанность вести информационную работу с электоратом.

Федеральный Закон №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. установил цель информационного обеспечения выборов и референдумов – способствовать «осознанному волеизъявлению граждан, гласности выборов и референдумов» (ст. 44). Закон возложил на ключевые звенья системы избирательных комиссий – Центральную избирательную комиссию (ЦИК) РФ и избирательные комиссии субъектов федерации обязанность обеспечивать реализацию мероприятий, связанных с «правовым обучением избирателей, профессиональной подготовкой членов комиссий и других организаторов выборов, референдумов, изданием необходимой печатной продукции» (п. 9 ст. 21; п. 10, ст. 23) [1].

Вопросы повышения политической культуры молодых граждан находятся в центре внимания избирательной комиссии Краснодарского края. Только систематическая информационно-разъяснительная работа, учитывающая особенности интересов и психологии различных категорий избирателей, способна реально стимулировать интерес к выборам, повысить явку на них.

Обучение и информирование молодых избирателей об их правах является приоритетным направлением в деятельности системы избирательных комиссий Краснодарского края. В этом направлении уже есть некоторые достижения, накоплен значительный позитивный опыт работы, налажено конструктивное сотрудничество с образовательными учреждениями Краснодарского края, а также СМИ, аналитическими и общественными организациями. Наряду с использованием таких традиционных форм работы, как семинары, лекции, беседы и «круглые столы», доказали свою эффективность викторины, конкурсы, форумы,

фестивали, ярмарки молодежных идей, деловые и ролевые игры, ориентированные на юных граждан.

К числу мероприятий ключевого характера, составляющих основу годового или среднесрочного плана ИККК РФ и призванных обеспечить направления деятельности, можно отнести [2]:

- ежегодный политический марафон («Кубань-Госдума 2011», «Да! Выбору-2012»);
- День молодого избирателя;
- конкурс вузов Краснодарского края на лучшую организацию работы по повышению правовой грамотности и электоральной активности молодежи;
- конференции, встречи, «круглые столы», семинары-совещания по вопросам повышения правовой культуры избирателей (участников референдума);
- «Дни открытых дверей» в избирательной комиссии Краснодарского края для студентов вузов и учащихся старших классов общеобразовательных школ;
- обучение по дисциплине «Основы избирательного права» на базе Кубанского государственного аграрного университета, по специальному курсу «Организация и проведение на территории Краснодарского края выборов в органы местного самоуправления» с вручением квалификационных свидетельств;
- открытые заседания краевого молодежного политического клуба;
- производственная практика студентов высших учебных заведений Краснодарского края в крайизбиркоме;
- информационно-выставочные мероприятия, направленные на обучение и повышение электоральной активности граждан.

Необходимо отметить, что особое место в политическом просвещении молодежи занимают средства массовой информации. Именно они являются основным источником информации о выборах для будущего поколения.

В этой связи довольно эффективным средством просвещения молодых избирателей является проведение интернет- и радиовикторин. Особая роль в этой деятельности уделяется поиску и внедрению новых форм информирования молодежи, привлечению популярных средств массовой информации.

Радиовикторина по вопросам избирательного права и избирательного процесса «Время выбирать!» регулярно проводится в рамках Программы проведения Дня молодого избирателя в Краснодарском крае для молодых радиослушателей Кубани как одно из информационно-разъяснительных мероприятий. В качестве основных задач ее организаторов можно выделить: информирование радиослушателей и привлечение внимания молодых жителей Кубани к избирательным кампаниям, проходящим на территории края; усиление позитивного представления избирателей о выборах, повышение активности молодежи.

Обычно радиовикторина стартует в преддверии федеральных, региональных или муниципальных выборов за две недели до дня,

предшествующего дню голосования. Традиционными партнерами Крайизбиркома в этом направлении стали «Первое радио Кубани», «Милицейская волна», «Радио 107.7» и «Радио Рокс-регион».

В целях внедрения новых форм информирования молодых избирателей, привлечения электронных СМИ к работе по повышению правовой и политической культуры молодежи избирательной комиссией Краснодарского края активно используются возможности интерактивного общения.

Для посетителей популярного Интернет-портала Южного федерального округа www.yuga.ru крайизбирком постоянно проводит интернет-викторину «Имею право!», в которой принимают участие жители Кубани в возрасте от 16 до 30 лет. Интернет-пользователь для участия в викторине должен зарегистрироваться на сайте www.yuga.ru, сообщив свою фамилию, имя, отчество и контактную информацию (телефон и адрес электронной почты). После регистрации пользователь получает возможность участвовать в конкурсе, в ходе которого ему предлагается ответить на 10 вопросов. Каждый вопрос имеет 3 варианта ответа. По окончании теста полученные результаты фиксируются в общей рейтинговой таблице. Участники, занявшие первые три места, получают памятные подарки и дипломы от избирательной комиссии Краснодарского края.

Основной целью этой формы работы является повышение политической культуры и электоральной активности молодежи Краснодарского края. Данный проект демонстрирует эффективность использования дистанционных методов просвещения и обучения с использованием современных информационных (компьютерных) технологий, позволяющих охватить работой все избирательное пространство и всех потенциальных участников выборов.

Призывы активно участвовать в выборах, не подкрепленные работой по политическому просвещению молодых избирателей, не принесут желаемых результатов. Избирательная комиссия Краснодарского края принимает во внимание данный факт и потому информирование будущего поколения об избирательном процессе стало приоритетным направлением ее деятельности. Наряду с традиционными методами активно реализуются новые идеи, используются современные информационные технологии.

Литература

1. Федеральный закон 367-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. М., 2002.
2. Постановление избирательной комиссии Краснодарского края «Об Информации о деятельности избирательной комиссии Краснодарского края по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Краснодарском крае в 2011 году» от 24.01.2012 г. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=R LAW177;n=92793> (дата обращения: 23.12.2012).

Бабенкова Ю.Е.
*Студентка кафедры
рекламы и социально-культурной деятельности
Гуманитарного института
Сибирского федерального университета*

Научный руководитель: Рукавицына Е.А.
*К.культурологии, доцент кафедры
рекламы и социально-культурной деятельности
Гуманитарного института
Сибирского федерального университета
г.Красноярск, Россия*

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВА И ИСТОРИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Человек – биосоциальное существо, он априори является частью человечества и в некотором роде созданной им иллюзорной Вселенной, которую он для себя творит.

Как гласит старинная мудрость, не имея прошлого, то есть не зная своих истоков, человек не имеет и будущего, что и говорит о необходимости изучения наследия человечества, эмпирического и рационального и с точки зрения фундаментальных в этом плане философии и культурологии.

В своей работе мне хотелось бы сказать о национальном и даже более узком масштабе определённой мною выше проблемы: в современной политической обстановке нашей страны меня как никогда остро волнует невидимость, а то и даже и отсутствие (?) мыслей народа о единстве, национальном самосознании и гордости за свою отчизну.

Откуда проистекают эти базовые, основные и основные для любого человека вещи? Из памяти, сказок-песен матери и бабушки, народных примет, обрядов, традиций, знания истории... Словом, из культуры. А что есть русская культура в первую очередь? Это книга. Именно в книге, то есть в литературе я вижу возможность катализации роста уровня культурной и этнокультурной грамотности, шанс на приближение к сознанию своего народного единства. [3, с. 8-11]

Мало кто думает об этом, мало кто осознаёт, но уже сейчас мы, жители Красноярского края, располагаем богатейшей историей, прекраснейшей краевой литературой.. особенно приметны и многозначны здесь «Хмель», «Конь Рыжий», «Чёрный тополь», трилогия А.Т.Черкасова и П.Д.Москвитиной, так как, как и многие другие произведения в том же ряду, они воссоздают настоящую жизнь, при создании книг были подняты кипы и кипы архивов, прослежены живые судьбы людей, описаны и привнесены языковые особенности малых народов, тонко и точно описан быт сибиряков, староверов, поселенцев, и всё это в целом так живо и ярко погружает нас в атмосферу того времени, что повествование остаётся в памяти чётким оттиском; читая, мы видим своих предков, описание своей земли, родных и понятных нам характеров, оттого так роднимся с этой

книгой, так любим наши рассказы, повести и романы. Проблема в другом: культурный разрыв между поколениями весьма значителен, и молодым ребятам, увы, невдомёк, что у нас есть такая сокровищница, и так близко, что рукой подать. Нет интереса, нет понимания о преемственности чувства национального самосознания и, даже на элементарном прикладном уровне, конкурентоспособности, так как она в прямой пропорциональности с грамотностью и уровнем эрудированности находится.

Об этом уже подумали наши «верха»: в школах появились краеведческие предметы типа «музыка края», «литература края», но увы, как участница этого эксперимента, могу точно сказать: качество преподавания никуда не годится. В первую очередь неправильно к этому относятся сами педагоги: для них это «побочные», «никому не нужные», «для галочки» часы, и распределяются они между преподавателями не по совсем правильным принципам. Следующая проблема в том, что преподаватель, который ведёт этот предмет просто не знает, о чём говорить на занятии. Ведь это не предмет, а так, блажь «верхов».

Отсюда есть необходимость проведения исследований современного уровня преподавания уже на данный момент отчасти введённых, но пока не так эффективно преподаваемых краеведческих дисциплин, а именно краевой литературы. Метод исследования: анкетирование для преподавателей и тест для учащихся. Что делать с результатами? Выявлять эффективность преподавания уровнем грамотности обеих сторон. Именно обеих потому, что как правило, преподаются эти предметы не совсем правильно.

Большое начинается с малого: пока не будет единой, целостной, грамотно разработанной основы, не будет качественного образования; не будет принесено в сознание людей осознание таких фундаментальных вещей как «история отечества», «отчизна», «родина», «родной край», не будет и пресловутой толерантности, о которой мы так часто, но пока так пусто говорим.

Если дело не сдвинется с мёртвой точки, то дальше некому будет сохранять и приумножать накопленные знания, опыт, беречь память и являться живым посредником-носителем великого и такого близкого и родного прошлого, неся его своим детям и поколениям и поколениям вперёд.

Человек – субъект и объект общества и истории. Он и творец, он и носитель. Только понимая это, человек становится ключом к разгадке самых первоначальных и самых великих тайн мироздания.

Литература

1. Пахотина Елена Анатольевна. Соционическая культура личности: философско-культурологический анализ. Автореферат. Тюмень, 2011.
2. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Г. Социально-культурная деятельность. Учебник. - М.: МГУКИ, 2004.
3. Петрунина Тамара Алексеевна. Философско-антропологические российской педагогики. Екатеринбург, 2004.

Костарева А.А.
*Студентка 3 курса специальности «философия»
философско-социологического факультета
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Пермь, Россия*

КОНЦЕПЦИЯ МЕТЕМПСИХОЗА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

В данной статье рассмотрена концепция метемпсихоза, и как она себя реализовала у разных философов начиная с орфиков. Автором выделены три этапа реализации данной концепции.

METEMPSYCHOSIS IN ANTIQUE PHILOSOPHY

The article presents a review on how the concept of metempsychosis has been developed in different ancient philosophies. The Author of the article divides the development period into three stages.

Под метемпсихозом понимается – «религиозно-мифологическое учение о переселение душ умерших в тела других людей (новорожденного ребенка), животных, растений и минералов...» [8 с. 488]. В основе концепции переселения душ лежит первобытный анимизм, наделявший душой предметы и явления окружающего мира. Особое развитие идея переселения душ получила в философско-религиозной традиции Индии: в брахманизме, индуизме, буддизме, где она тесно переплетается с понятиями дхармы и кармы. Вера в переселение душ представляет собой древний феномен. Согласно С. А. Токареву, наиболее ранняя форма представлений связана с тотемизмом. У некоторых народов (эскимосов, североамериканских индейцев, евреев) считается, что в ребёнка входит душа деда или иного представителя той же родовой группы. Идея переселения душ также принималась некоторыми древнегреческими философами, такими как Сократ, Пифагор и Платон. Учение о метемпсихозе очень популярно в современном мире. Это учение родилось еще в архаической эпохе. В своей современной рецепции массового сознания оно может рассматриваться как попытка стихийной терапии (аутотерапии) страха смерти, конечности человеческого существования. Тем не менее, отвлекаясь от проблемы дескрипции мифологических форм массового сознания, отмечается достаточно высокая степень значимости концепции метемпсихоза и она играла важную роль в становлении антично-философской мысли. Далее будет прослежена история рецепции этой изначально мифологической концепции философской мыслью – от пифагорейской школы до неоплатонизма.

Отдельные исследователи, такие как А. В. Лебедев склонны видеть концепцию метемпсихоза в учении Гераклита о роковом восхождении и нисхождении душ, вовлеченных в круговорот космических элементов.

Одним из основных источников являются диалоги Платона: «видение Эра» в 10-ой кн. «Государства»; Федр; Федон и Менон. Следующий источник – работы неоплатоников: Плотин эниады II.9.6; IV.3.9; III.4. Также следует подчеркнуть, что в отечественной истории философии тема рецепции проблемы метемпсихоза (метемпсихозы) практически не исследована, поэтому наряду с анализом источников я буду опираться прежде всего на следующие работы: Эрик Доддс «Греки и иррациональное», а также на работу преподавателя Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе KATHRYN A. MORGAN «MYTH AND PHILOSOPHY FROM THE PRESOCRATICS TO PLATO».

Представленная проблема дает возможность проследить основания идеи метемпсихоза философской мысли в античности. В истории рецепции этой идеи представляется возможным выделить три этапа ее реализации.

1-ый этап включается в себя тексты Орфиков, пифагорейцев, Эмпедокла, Гераклита и Пиндара, которые раскрывают нам идею метемпсихоза.

2-ой этап – диалоги Платона

3-ий - поздняя античность: Александр Афродисийский и неоплатонизм.

Этими тремя этапами и будет определяться структура данной работы. Теперь о каждом из этих этапов поподробней.

Первый раздел посвящен самым ранним представлениям о душе. Метемпсихоз как учение о человеке, о его отношении с богами, и как учение о душе появляется в VIII-VI вв.: «Появление метемпсихоза вполне объяснимо в контексте трансформации греческой религии, происходившей в VIII-VI вв. и проявившейся не в последнюю очередь в изменении традиционных представлений о человеке, о его отношениях с богами, наконец, о его душе» [7, с. 12]. Самыми яркими учениями того времени были представления орфиков, Пифагора и Эмпедокла. Рассмотрим каждое из них в отдельности.

В орфизме говорится о родовой вине человека и поэтому душа соотносится с телом, как пленный заключенный в тюрьму или же, как грешник погребенный в могилу: «Представления о родовой вине человечества, наказание за нее в виде заточения души в тело, воспринимавшееся как тюрьма или даже могила...» [7, с.15]. Душа и тело противопоставляются друг другу как высшее и низшее. Через эту же наследственную вину они объясняли и перевоплощение души: «Идея вины, наследственной нечистоты и причастности к преступлению служила в орфизме обоснованием того, почему же собственно, душа обречена на многочисленные воплощения» [7, с. 16]. Покинув тело после его смерти, она тут же вселяется в следующее. Таковыми могут быть тела животных, людей и растений. Здесь мы можем наблюдать сходные с древнеиндийскими представлениями о переселении души. Однако, несмотря на подобное соотношение души и тела, орфизм запрещал самоубийство «Хотя орфизм и считал земную жизнь злом, но он запрещал самоубийство, как не освобождающее душу, но еще более отягощающее ее» [18. с. 24].

Следующим, чьи учения о душе будут рассмотрены, – Пифагор. Некоторые ученые считали, что Пифагорейское учение было заимствовано Пифагором у орфиков «Пифагорейский метемпсихоз уже потому выглядит заимствованной доктриной, что в отличие от орфического, он лишен своего первоначального контекста, отсечен от той антропологии и эсхатологии, которые и предавали ему смысл в рамках религии спасения» [7, с. 13]. Безусловно, в учении Пифагора были схожие моменты с орфическим учением, такие, как учение о переселении души «души мыслимые как нечто отдельное и отрешенное от тела» [3, с. 5] способны кочевать из одного тела в другое. Также в этом учении говорилось о бессмертии души «Пифагор, который, как эксперт по бессмертию души...» [7, с. 18]. Однако были и различные положения между этими двумя учениями. Пифагор понимал душу как гармонию тела, правильное, численное сочетание их взаимных отношений. В отличие от орфиков у Пифагора мы не встречаем объяснения пифагорейского учения о переселении через наследственную вину «Обнаружить мотив наследственной вины в древнем пифагореизме не удастся» [7, с. 20].

Следующий, о ком будет вестись разговор в данном разделе – Эмпедокл. Душу и тело он понимает как мир, видимый и потусторонний «Тело и душа, мир видимый и мир потусторонний соединены в неразрывный предметно-человеческий ряд воспроизводящего себя бытия» [4, с. 11]. Также он говорит о том, что тело смертно, а душа бессмертна. В учениях Эмпедокла можно встретить учение о круговороте души:

«Древний божий устав, глагол Неизбежности вещей
Есть во веки веков, скрепленный великою клятвой:
Если из демонов кто, долговечною жизнью живущих,
Члены свои обагрят нечестиво кровавым убийством
Или, вступивши в раздор, поклянется преступною клятвой, —
Тридцать тысяч времен вдали от блаженных скитаться
Тот осужден, возрождаясь в различных облициях смертных,
Тяжкие жизни пути, проходя одни за другими.
Ярость Эфира в морскую его изгоняет пучину,
Море на Землю извергнуть стремится, Земля же — в сиянье
Яркого Солнца, а Солнце в эфирные вихри бросает:
Все друг от друга его принимают, но все с омерзеньем!
Ныне и сам я таков: изгнанник богов и скиталец,
Внявший Раздору безумному...» [19, 103],

однако с его точки зрения это лишь этическое истолкование основных онтологических аксиом греческого мышления. Эмпедокл разделяет орфико-пифагорейское учение о переселении души:

«Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,

Был и кустом, был и птицей, и рыбой морской бессловесной» [19, 105]. Тело у Эмпедокла рассматривается как зло «Пришли мы в закрытую эту пещеру...

...дол безотрадный,
Где и Убийство, и Злоба, и сонмы всех Бед смертоносных,
Немощей, плоть изнуряющих, Язв и текучих Недугов
В черном мраке бредут по лугам, где обитель Обмана.
Стала живых в мертвецов обращать, изменяя их образ...
Чуждой одеждою плоти их дух облачая, природа...» [19, 108 -114].
Он распространял учение об автономном существовании души.

Следующим философом, рассмотренным на данном этапе рецепции идей метемпсихоза античной философской, является Гераклит. Он рассматривает душу как смесь воды и огня, в которой огонь – благородное начало, вода – низменное. Душу, исполненную огня, он называет сухой. Возможно, в его понимании это передает качества собранности, активности, разумности. Влажная душа – это душа опьяненная, безвольная или охваченная безумием. Чистой мистикой является утверждение, что души людей продолжают свое существование и после смерти их телесных носителей и что, более того, тогда-то, по освобождении их от своих телесных оболочек, для них, собственно, и открывается жизнь: «Для душ наслаждение или смерть стать влажными... Наша жизнь есть их смерть, а их жизнь — наша смерть» [5, В 77]. Впрочем, эту жизнь душ мертвых философ мыслит опять-таки в натуральном плане, утверждая, например, что «души сохраняют обоняние в Аиде» [5, В 98]. Главное, однако, в учении Гераклита о душе состоит в установлении связи между душою человека и общим логосом. Согласно Гераклиту, душа, так сказать, сопричастна логосу, и этим объясняются неисчерпаемые потенциальные возможности человеческого разума. «Идя к пределам души, их не найдешь, даже если пройдешь весь путь: таким глубоким она обладает логосом» [5, В 45], — читаем мы в одном отрывке. И та же мысль еще короче выражена в другом фрагменте: «Душе присущ самообогащающийся логос» [5. В 115].

Последним представителем первого этапа является Пиндар. Он представляет себе загробный мир трехчастным: это как бы ад «муки, на которые не подымется взор», [10, с. 67], рай «Острова Блаженных» и между ними чистилище, где души ведут «беструдную жизнь». [10, с. 62], но для искупления грехов как земных, так и совершенных уже в чистилище периодически возвращаются на землю; если три таких искупления выдержаны беспорочно, то в последнем земном пребывании они становятся «святыми героями». [10, с. 133], а после него обретают вечное счастье на Островах Блаженных. Здесь также как и в предыдущих учениях, видно, что поэт говорит о круговороте души.

Следующий этап будет посвящен Платону. Платон воспринял учение о метемпсихозе (скорее, как философский миф) из пифагорейской традиции «...что его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то божественному месту, где в земле были две расселины, одна подле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди между ними восседали судьи. После вынесения приговора они

приказывали справедливым людям идти по дороге направо, вверх по небу, и привешивали им спереди знак приговора, а несправедливым – идти по дороге налево, вниз, причем и эти имели – позади – обозначение всех своих проступков. Когда дошла очередь до Эра, судьи сказали, что он должен стать для людей вестником всего, что здесь видел, и велели ему все слушать и за всем наблюдать. Он видел там, как души после суда над ними уходили по двум расселинам – неба и земли, а по двум другим приходили: по одной подымались с земли души, полные грязи и пыли, а по другой спускались с неба чистые души. И все, кто бы ни приходил, казалось, вернулись из долгого странствия: они с радостью располагались на лугу, как это бывает при всенародных празднествах» [11, с.602, 614с -614е], сохранив идею нравственного воздаяния «...за всякую нанесенную кому-либо обиду и за любого обиженного все обидчики подвергаются наказанию в десятикратном размере (рассчитанному на сто лет, потому что такова продолжительность человеческой жизни), чтобы пеня была в десять раз больше преступления. Например, если кто стал виновником смерти многих людей, предав государство и войско, и многие из-за него попали в рабство или же если он был соучастником в каком-нибудь другом злодеянии, за все это, то есть за каждое преступление, он должен терпеть десятикратно большие муки. С другой стороны, кто оказывал благодеяния, был справедлив и благочестив, тот вознаграждался согласно заслугам» [11, с.602, 615b]. Далее Платон, как и его предшественники, говорит о бессмертии души. Первым аргументом в пользу это является речь Сократа в государстве, где он говорит, что душа не разрушается, если сломать тело: «...если даже изрубить все тело на мелкие кусочки – все это несколько не увеличивает возможности ее гибели...» [11, с.596, 614b]. Следующий аргумент, выступающий в пользу бессмертия души является знание, как припоминание: «А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать» [12, 81d]. Также доказательства бессмертия души встречаются в диалоге «Федон», здесь их три. Первый: все возникает из противоположного, значит и душа из здешнего мира переходит в загробный, а из загробного возвращается в здешний: «живые возникли из мертвых ничуть не иначе, чем мертвые – из живых» [13, с.303, 72a]. Второй: душа бессмертна, потому что бессмертен ее объект – идеи. И третий аргумент заключается в то, что душа не есть гармония, как она вообще не есть нечто, только причастное к жизни – но сам принцип жизни, бессмертный, а потому неуничтожимый. Еще одним общим моментом в диалогах Платона с его предшественниками является, учение о круговороте душ, которое мы можем

встретить в «Федре». В этом же диалоге Платон разделяет души на три части, уподобляя ее коням и возничему: «...мы каждую душу разделили на три вида: две части ее мы уподобили коням по виду, третью – возничему. Пусть и сейчас это будет так. Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет. А чем хорош один и плох другой, мы не говорили, и об этом надо сказать сейчас. Так вот, один из них прекрасных статей, стройный на вид, шея у него высокая, храп с горбинкой, масть белая, он черноокий, любит почет, но при этом рассудителен и совестлив; он друг истинного мнения, его не надо погонять бичом, можно направлять его одним лишь приказанием и словом. А другой – горбатый, тучный, дурно сложен, шея у него мощная, да короткая, он курносый, черной масти, а глаза светлые, полнокровный, друг наглости и похвальбы, от косм вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрекалам» [14, 253d,e].. Разделение на эти три типа подразумевает, что люди реагируют на любовь по разному: некоторые охотны к плотским желаниям, некоторые ведут частично философскую жизнь, а некоторые становятся философами.

И последний этап посвящен Плотину. Он говорит о том, что тело является темницей души «Схваченные, скованные материей, наши души осквернены ложью и всяческим злом. Их свобода крайне ограничена, ибо разве может быть вполне свободен тот, кто пребывает в оковах?» [15, с.1]. Здесь мы вновь можем встретить упоминание о том, что душа бессмертна «а вот положение Души определено, она – бессмертна» [16, с.5], и стремится к высшему благу «человеческие души, тоскуя о Благе, стремятся к нему, бегут от вечно текучего, мнимо-сущего чувственного мира в умопостигаемую область» [15, с. 5]. Плотин выделяет два способа вхождения души в тело. В первом случаи «душа уже присутствует в теле, и ее вхождение (метемсоматозис) является переходом из одной материальной оболочки в другую, или же, душа переходит из эфирного или огненного тела в тело земное, что не называется метемсоматозисом, поскольку нельзя точно определить природу ее предыдущего места обитания» [16, с. 6]. Во втором «душа проникает в тело из абсолютно бесплотного существа: это самая ранняя форма отношений между душой и телом, и именно этот вид проникновения требует тщательного изучения» [16, с. 7]. Учение о припоминании отразилось следующим образом «...что сами они отнюдь не образы и не отражения Души, но суть истинные души. Однако, лишь некоторым из них, избранным, да и то в результате больших усилий удастся выйти за пределы здешнего мира и вспомнить то высшее, что было им прежде знакомо» [15, с. 6]. Душа рассматривается как единое целое «не может быть душой конкретной вещи, – поскольку она является Сутью (Божественным Подлинным Существом), или, по крайней мере, должна существовать душа, которая не является только лишь душой какой-то конкретной вещи, а те души, которые являются таковыми, стали ими по чистой случайности» [16, с. 7]. В четвертой эниаде Плотина можно встретить аналогию с Платоновским мифом о возничем «одна душа становится

Цельной в завершенном деянии, другая – в знаниях, еще одна – в желании; то есть, уровень души соответствует ее четкой ориентации, посредством которой она становится, или тяготеет к тому, чтобы стать тем, на что она взирает. Души достигают разного уровня реализации и совершенства, а иначе быть и не может» [16, с.5]. Также Плотин в своих работах говорит и о круговороте душ «Душа, проходит через все небеса в формах, меняющихся в зависимости от разнообразия места – чувствительной форме, рассуждающей форме, даже растительная...»[1, с.1]. Плотин выделяет негативную сторону соседства ума и тела «... когда душа умалывается в своем совершенстве от соединения с телом» [17, с. 5].

В заключение можно сказать следующее: представленная в статье проблема дает возможность проследить основания идеи метемпсихоза философской мыслью античности. В истории рецепции идей метемпсихоза античной философской представляется возможным выделить три этапа ее реализации:

1-ый этап включается в себя тексты Орфиков, пифагорейцев, Эмпедокла, Гераклита и Пиндара, которые раскрывают нам идею метемпсихоза.

2-ой этап – диалоги Платона

3-ий - поздняя античность: Александр Афродисийский и неоплатонизм.

Практическим следствием учения о метемпсихозе было вегетарианство и воздержание от кровопролития, в культовой сфере — отказ от кровавых жертвоприношений.

Учение орфиков о душе оказало огромное влияние на последующих философов. А на них в свою очередь повлияли шаманические представления, которые имели место в древней Греции во времена орфиков.

Следующий вывод заключается в том, что концепция метемпсихоза хоть и была заимствована Платоном у пифагорейцев, как и некоторые другие учения, такие как учение о числе, она приобретает новый философский смысл.

Несмотря на то, что учение орфико-пифагорейского метемпсихоза продолжает существовать в работах поздних философов, в учениях Платина оно становится более рациональным.

Тема метемпсихоза, несмотря на свои архаичные корни, актуальна и сегодня. Ее интерпретацию можно встретить во многих религиях, например Исламе, Друзе, Буддизме. Некоторые даже хотят связать реинкарнацию с Христианством, однако это неправильно так Христианство изначально отвергало данное учение «Все основные христианские направления не принимают возможность реинкарнации. Принято считать, что доктрина реинкарнации с момента зарождения христианства отвергалась его последователями. Традиционно, присутствие идей переселения душ в раннем христианстве объясняется влиянием языческих культур, так как место зарождения христианства и вектор его распространения были тесно связаны с Римом и Грецией. На его формирование оказало влияние наследия, оставленное античными мыслителями» [9, с. 17].

И даже в настоящее время в обыденном сознании люди продолжают верить в бессмертие души, потому что их пугает, что после смерти ничего нет.

Литература

1. Plotinus. Our tutelary spirit (Enn. III.4, transl. by S. MacKenna). - <http://www.davemckay.co.uk/philosophy/plotinus/plotinus>.
2. KATHRYN A. MORGAN. MYTH AND PHILOSOPHY FROM THE PRESOCRATICS TO PLATO - <http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=105933040>
3. АФОНАСИН Е. В. ДОКСОГРАФИЯ ПИФАГОРЕИЗМА И НЕОПИФАГОРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ: Схоле том 3, выпуск 1, Новосибирск Центр изучения древней философии и классической традиции, 2009
4. С. С. Аванесов. ЭМПЕДОКЛ: БОЖЕСТВЕННОСТЬ И САМОУБИЙСТВО. Схоле том 1, выпуск 2, Новосибирск Центр изучения древней философии и классической традиции, 2007
5. Гераклит. Учение о восхождении и нисхождении души. <http://prepod.info/ru/article/uchenie-geraklita>
6. Доддс Э. Р. Греки и Иррациональное. С.-Петербург: Алетейя, 2000.
7. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранней пифагореизм. Ленинград: "Наука", 1990
8. Лебедева А. В. Метемпсихоз. Статья. Античная философия: Энциклопедический словарь.- М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 488 с.
9. Кураев, А. В. Раннее христианство и переселение душ, Ростов 2001: Феникс /Троицкое слово
10. Пиндар. Олимпийские песни. <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar03.htm#c2>
11. Платон. Государство. М.: АСТ, 2009.
12. Платон. Менон. М.: Эксмо, 2009.
13. Платон. Федон. М.: Эксмо, 2009
14. Платон. Федр. М.: Эксмо, 2009
15. Плотин. Эниада II.9 <file://localhost/G:/ploti01/txt18.htm>
16. Плотин. Эниада IV. 3 <file://localhost/G:/ploti01/txt30.htm>
17. Плотин. Эниада VI.7 <http://psylib.org.ua/books/ploti01/txt52.htm>
18. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат 1990 – с. 579-583
19. Чанышев А. Н. История философии древнего мира. М.: Академический проект, 2005
20. Эмпедокл. ОЧИЩЕНИЯ. <http://ancientrome.ru/antlittr/empedokles/ochish.htm>

Сайранова У.Ш.
*студентка, исторический факультет,
отделение культурологии, кафедра всеобщей истории
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Россия*

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ В АНГЛИИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ: ГЕНДРЕННЫЙ АСПЕКТ

Досуг как социальное явление имеет глубокие исторические корни, начиная с каменного века, когда возвращение древних охотников с добычей воспринималось соплеменниками, как большой праздник. Позже слово «досуг» приобрело другое значение[7].

Головина Г.В. выделяет два подхода к определению понятия «досуг». Свободное время (по англ. leisure) – часть временного бюджета личности, которая освобождена от непреложных временных затрат, т.е. от обязательной работы, семейных, общественных обязанностей, бытовых забот и необходимой физиологической жизнедеятельности (сна, питания и пр.), являясь одним из условий и одновременно пространством для развития личности. Слово "leisure" происходит от латинского «licere» что означает «быть свободным», этот термин впервые появился в начале XIV века. А досуг – часть свободного времени, совокупность занятий, выполняющих функцию восстановления физических и психических сил человека; деятельность, ради самосовершенствования, собственного удовольствия, достижения иных культурных целей по собственному выбору[5].

Досуг как социальное явление - отражение общественной и духовной сущности человека. Его содержание зависит от историко-культурного контекста и меняется вместе с господствующей в обществе системой ценностей. Характер досуга определяется укладом жизнедеятельности людей, сложившимися традициями и обычаями, социальными нормами, правилами, эстетическими представлениями[12]. Это можно проследить в досуговых практиках Викторианской Англии.

Во время правления королевы Виктории отношение людей к досугу по сравнению с XVII-XVIII веками сильно изменилось. У людей стало больше свободного времени. Развитию интереса к досугу способствовала стабильная политическая обстановка и повышение материального благополучия людей. И это естественно, когда человека не тревожат насущные проблемы, он более расположен к активному досугу. В этом плане больше повезло представителям высших классов. Они традиционно большую часть времени отдавали досугу, так как свободного времени было в избытке и их не стесняли материальные трудности.

Если досуг буржуазии был, как охарактеризовал его Э. Троллоп, «вымученным и вялым»[9, с. 156]: пуританские ценности, витавшие в обществе, в большей степени повлияли именно на средний класс (их досуг носил несистематичный скудный характер), то досуг аристократов, наоборот,

словно «отдуваясь за двоих», имел множество граней: от тихого семейного чтения вслух до исключительно светских мероприятий.

У мужчин это книги, карты, клубы, скачки... в XIX веке к этому списку добавились многочисленные виды спорта, которые в то время были доступны исключительно мужчинам. В это время появились, как виды спорта, гребля, бокс, футбол, конный спорт.

А женщины должны были довольствоваться тихими семейными занятиями и безобидными светскими развлечениями, которые одобряло общество. Они ходили в театры или ставили спектакли дома (как семейство Бертрам из «Менсфилд-Парк» Джейн Остин), на концерты (как Энн Эллиот из «Доводы рассудка» Джейн Остин), читали книги (как, Элизабет Бэннет из «Гордость и предубеждение» Джейн Остин), рисовали (как Эмма Вудхаус из «Эмма» Джейн Остин), занимались рукоделием, посещали светские салоны, балы, музицировали (как Марианна Дэшвуд из «Разум и чувства» Джейн Остин).

Отличались в досуге мужчин и женщин не только его виды, но и цели, преследуемые в нем. Если женщины в досуге искали только способ отвлечься от домашних хлопот, то мужчины видели в досуге и глубоко практические цели: поддержать свой авторитет в обществе, найти полезные знакомства и так далее.

Целью каждого молодого человека было стать успешным, обеспеченным человеком, в некоторой степени, популярным в обществе. Для этого он делал многое. Чтение один из способов подачи себя как человека образованного и сведущего в мировых делах.

Читали все и всё: газеты, журналы, книги и так далее. Вот что об этом писал Азнаворианц-Азнауров: «Отличительной чертой теперешних англичан является то, что они почти не читают заграничных газет, книг, журналов и не признают ничего заграничного: у них все лучшее – и материи, и кожи, и газеты, и взгляды, и порядки»[1, с. 7].

Ни один истинный джентльмен не представлял своей жизни без газет. Утро каждого джентльмена начиналось с чтения газеты. Это был почти священный ритуал. У каждого мужчины были свои предпочтения по поводу того, какую газету он будет читать. Выбрав однажды в молодости, они редко меняли свое мнение в этом вопросе.

Например, Филеас Фогг, герой произведения Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней» ежедневно в одно и то же время читал свежую «Таймс»[3].

А герой романа «Книга снобов, написанная одним из них» описывал одного джентльмена почтенного возраста, который любил расположиться на вечернем выпуске «Таймс», причем «Морнинг кроникл» он держал на коленях, «Генералд» у него был засунут между сюртуком и жилетом, «Стандарт» под мышку справа, «Глобус» под мышку слева, а сам он при этом читал «Дейли ньюз», но позже он еще попросил «Панч» у своего соседа, который только что смеялся при чтении этого журнала[13].

Женщины также читали периодическую печать. Любимыми и одновременно очень полезными для дам были колонки по ведению домашнего хозяйства миссис Битон. Она также писала ежемесячное дополнение к «Домашнему журналу англичанки», которые впоследствии были изданы в «Книге о ведении домашнего хозяйства миссис Битон»[10]. В ней были и советы, и рецепты, которые могли понадобиться в быту. Именно в этой книге миссис Битон в 1861 году появился термин «Генерал домашнего очага».

И действительно все тяготы ведения домашнего хозяйства ложились на плечи женщин. Часто было так, что мужчина уходил с самого утра и возвращался только под вечер. Он был в клубе. Вот воспоминание Агаты Кристи о своем отце: «Каждое утро он покидал наш дом в Торки и отправлялся в свой клуб. К обеду возвращался в коляске, а после полудня снова ехал в клуб играть в вист и приезжал домой как раз вовремя, чтобы переодеться к ужину. Весь сезон он коротал свои дни в Крикетном клубе, президентом которого состоял»[4].

Основным положительным моментом клубов было то, что викторианские клубы обеспечивали спокойный досуг, дающий возможность человеку побыть самим собой. Здесь не обязательно предполагалось общение, более значимым было культивирование определенной уединенности. Хотя многие проводили время в клубе весьма интересно. Например, во время бесед возникали споры, переходящие в жаркие дискуссии. Часто участники клуба бились об заклад. И на этот случай в клубе была даже книга закладов. Повод для спора мог быть самым неожиданным. Судя по записям в закладной книге, однажды предметом пари стали две дождевые капли. Лорд Арлингтон поставил 3 тыс. фунтов на то, что одна из дождевых капель стечет по стеклу на подоконник быстрее другой[2, с. 190].

Но посещение клубов было не просто праздным времяпрепровождением. В клубах могли устанавливаться полезные знакомства, заключаться неформальные сделки в бизнесе и в политике[9, с. 169].

Клубы отражали структуру общества, они являлись институтами оформления социальной или корпоративной идентичности, и изменения в социальной структуре неизбежно отражались на составе клубов, становящемся все более разнородным. Тем не менее, некоторые клубы, такие, как «Уайтс», «Брукс», «Будлз», основанные еще в XVIII в., по-прежнему оставались элитарными заведениями закрытого типа, посещаемыми исключительно потомственными аристократами.

Как вспоминал А. Вамбери, в Англии «больше всего... обращают внимание на круг знакомства и на то, в каком клубе числишься членом. Если я, например, указывал в качестве своего адреса Атенеум-клуб, то замечал, что сразу вырастаю в глазах собеседника» [9, с. 169].

Мужчины в Викторианскую эпоху, несмотря на то, что много времени проводили в клубах, все больше своего внимания стали уделять отдыху на

открытом воздухе. И как никогда большую роль в жизни людей стал играть спорт. Если в конце XVIII – начале XIX вв. спорт не считался уважаемым видом досуга, в основном из-за связи с азартными играми, ассоциаций с аристократическим бездельем и из-за приписываемого ему возбуждения жестокости и насилия – худших пороков человечества, то к середине века на первый план выходила его утилитарная функция как главного средства укрепления здоровья. Занятия спортом многократно увеличивали шансы человека на успех в конкурентном обществе. Согласно концепции социал-дарвинистов стать сильнее, в первую очередь, означало стать самым крепким и выносливым. Во многом спортивные состязания в их современном виде возникли по символическим причинам — как способ демонстрации мужчинами своей мужественности[8]. Посещавшие в это время Англию россияне отмечали высокую степень распространенности спортивных соревнований, отмечая, что, увлекаясь скачками, в которых «действующими лицами являются лошади, англичане точно так же увлекаются различными состязаниями людей между собой. Бег скороходов, гребные и парусные гонки и кулачный бой (бокс) принадлежат к любимейшим зрелищам и постоянно привлекают огромные толпы зрителей». [11, с. 34] Все более популярными становятся гребля, конный спорт, футбол, бокс, гольф. Имена спортивных «героев» (жокеев на скачках, боксеров, команды по гребле, игроков в гольф) были на слуху. Их упоминали и во время светских бесед и в разговоре на рынке.

Мужчины посещали клубы или упражнялись в верховой езде, женщины тоже не теряли времени. Так каждая уважающая себя леди имела основы музыкального образования в худшем случае, в лучшем же она в совершенстве владела хотя бы одним музыкальным инструментом. Для этого юные леди много занимались. Агата Кристи так вспоминала свои занятия музыкой. «Однажды мама появилась в классной комнате, ведя за собой фройляйн Удер, и заявила, что мне пора начать заниматься музыкой. Я обожала уроки музыки... Как и большинство немцев, фройляйн Удер преподавала великолепно. Занятия не сводились к тому, чтобы постоянно играть разные пьесы, приятные для души: бесконечные этюды Черни не вызывали у меня такого рвения, как Григ или Шуман, но фройляйн Удер не допускала возражений»[4].

Пожалуй, единственной досуговой практикой, при которой мужчины и женщины так или иначе контактировали, были танцы. Конечно, танцы требовали обучения. Возможность показать свое мастерство – это бал. Считалось неприличным танцевать с одним партнером более двух раз (больше было позволено только принцу Альберту и королеве Виктории) [6, с. 11]. Для того, чтобы не забыть кому были обещаны танцы существовала бальная книжечка. Вот что о ней писала Агата Кристи: «Заполнение бальной книжечки требовало большого искусства, которым мне так и не удалось овладеть до конца» [4].

Мужчина должен быть сильным, выносливым, конкурентоспособным в меняющемся мире. Поэтому он должен заниматься спортом, находиться в курсе всего происходящего в мире, чтобы быть готовым к различного рода ситуациям. Для мужчин досуг был показателем статуса, они видели в нем практическую составляющую: способ поддержать свой авторитет в обществе, укрепить свой бизнес, найти полезные знакомства. Их отношение к женщинам было сродни средневековой высокопарной и чрезмерной учтивости по отношению к дамам, которая, по их искреннему убеждению, являлась отражением рыцарских идеалов. Они же попутно низвели этих дам до положения зрителей на турнире жизни. Женщина культивировалась как цветок, который не может быть тронут реалиями жизни. Поэтому недаром общество осуждало женщин, занимающихся физическим трудом и спортом, читавших научные трактаты. Женщина, по мнению общества, должна заниматься исключительно лишь домом и семьей. Таким образом, досуг женщин это, своего рода, сублимация социальной активности. Женщины искали выражения своим способностям в рисовании, вышивании и других совершенно безобидных способах досуга.

Из этого можно заключить, что все досуговые практики мужчин и женщин всецело зависят от социальных и нравственных маркеров, определяемых викторианским обществом.

Литература:

1. Азнаворианц-Азнауров Ф.М. Мысли очевидца об Англии, С.-Б., 1905.
2. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 640 с.
3. Верн, Ж. Вокруг света за восемьдесят дней. Электронный ресурс. Режим доступа: www.lib.ru/inofant/vern/arndwrlld.txt
4. Викторианская эпоха Агаты Кристи. Электронный ресурс. Режим доступа: www.clubs.ya.ru/4611686018427399799/replies.xml?item_no=2049&parent_id=2051
5. Головина, Г.В. Культура досуга как условие адекватного развития личности. Электронный ресурс. Режим доступа: www.analiculturolog.ru/journal/new-number/item/650-culture-leisure-as-a-condition-of-adequate-development-of-personality.html
6. Диттрич, Т., Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007.
7. Досуг у восточных славян. Электронный ресурс. Режим доступа: www.odosuge.ru/dosug-u-vostochnyx-slavyan.html
8. Зброжек, Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Вопросы культурологии. – 2006. – № 2.
9. Крючкова, Н. Д. Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века: Дис. канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.
10. Миссис Битон. Электронный ресурс. Режим доступа: www.kuking.net/18_2663.htm
11. О Лондоне и об англичанах, С.-П., 1908.
12. Теоретические основы географии туризма. А.Ю. Александрова. Электронный ресурс. Режим доступа: www.sgu.ru/files/nodes/9769/02.pdf
13. Теккерей, У.М. Книга Снобов, написанная одним из них. Электронный ресурс. Режим доступа: www.royallib.ru

ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА АНАЛИЗА

Противоречивость, сложность и системность такого феномена, как религия, должна предостерегать от ее упрощенного толкования, особенно когда речь идет о приобретении политического смысла институтами и доктринами, изначально имеющими религиозную природу. Современное понимание сущности религии позволяет говорить о ней как о мировоззрении, предполагающем определенные общественные институты и практики. Интегрирующим признаком религиозного сознания выступает убежденность не только в том, что сакральный мир существует, но и в том, что события земного мира являются отражением сакральных событий или несут в себе сакральный смысл. Именно этот сакральный смысл делает мирские события реальными, в силу чего религия становится целостным мировоззрением, определяющим не только образ повседневной жизни человека, но и политическое устройство общества, экономическую жизнь, базовые ценности культуры.

Сама по себе религия не может стать непосредственной основой политического действия, а большинство политических режимов, установленных на основе религии, являются не теократическими в буквальном смысле, а идеократическими. Для осуществления политической деятельности необходима так называемая «политическая религия», которая возникает в итоге политизации религии [1, с. 16]. Политизация религии – это не использование религии в политических целях (в этом случае необходимо употреблять термин «клерикализация политики»), а процесс «проявления» политической компоненты религии, которая есть во всех религиях [2, с. 56].

Политическая (политизированная) религия может быть рассмотрена как особая форма религии, обосновывающая политическое действие через апелляцию к потусторонним силам. Опасность ее заключается не в том, что она «искажает правильную» догматику, а в том, что переводит религиозные отношения в плоскость политической дихотомии «свой - чужой», «друзья - враги», открывая путь для ксенофобий и религиозно мотивированного насилия [3, с. 43].

Причиной современной политизации религии является проблема неудачной модернизации западного (секулярного) типа и стремление осуществить модернизацию на другой основе (например, вместо западной ориентации на удовлетворение личных потребностей ориентироваться на потребности общества и государства как целого). Поэтому политизация религии характеризуется не только банальным возвращением в прошлое и не консервацией архаических институтов, а стремлением провести удачную модернизацию общества в широком смысле (в том числе экономическую,

социальную и политическую). Причинами же неудачной модернизации являются «кризисы развития» (кризис идентичности, распределения, легитимности, проникновения, участия) [4, с. 47], которые обусловили и появление религиозно-политических движений, и успешное завоевание ими массовой поддержки.

Но социально-экономические причины необходимы, но не достаточны для начала политизации религии. При равных социально-экономических условиях необходим еще один фактор. Религиозно-политические движения возникают в тех современных обществах, где (вне зависимости от отдаленного прошлого) значительная часть населения обладает религиозностью. Социально-экономические и политические факторы определяют, возможна ли вообще в данном обществе политизация религии, а наличие религиозности – произойдет ли политизация в данный момент.

Опыт политизации различных религий (ислама, католицизма, протестантизма, православия, индуизма и др.) показывает, что политизация всегда сопровождалась появлением сети альтернативных общественных институтов, имеющих двойное назначение. Во-первых, они выполняют многие социальные значимые функции государства, а во-вторых, становятся центрами пропаганды и организации политической деятельности. При благоприятных обстоятельствах альтернативные социальные институты (учебные заведения, больницы, фонды материальной поддержки и др.) становятся плацдармом для захвата политической власти.

Все политические религии можно разделить на три типа: универсального (всемирного) характера; партикуляристского (национально-этнического) характера; фундаменталистского характера. Политические религии универсального характера ставят целью религиозное спасение всего человечества. Они исходят из предпосылки, что современный мир погряз во зле (мировая апостасия, богоотступничество), но надеются, что им удастся вернуть его на путь истины. Политические религии партикуляристского характера возникают на базе этнических религий и имеют свои политические версии, ставящие целью создание этнически и религиозно однородных государств. Политические религии фундаменталистского характера являются своеобразным соединением черт универсализма и партикуляризма. Как и представители универсализма, фундаменталисты мыслят в терминах глобального мира. Несмотря на то, что существуют аполитичные фундаменталисты, значительная их часть пытается вести с отступившим от Бога миром политическую борьбу, методами которой часто становятся такие формы религиозно-политической деятельности, как экстремизм и терроризм.

В современных политических отношениях происходит активная политизация религии по всем трем типам (хотя в разной степени), данная тенденция будет только усиливаться. Сказанное особенно справедливо для политической религии ислама – исламизма, который стал реальной политической силой, оказывающей решающее воздействие на массовое сознание, этические, культурные, социально-экономические, политические

проблемы развития, определяя характер как регионального, так и глобального политического процесса.

Усиление политической роли ислама происходит в трех направлениях: традиционализм, модернизм и исламизм (политический ислам). Наиболее активным из них является исламизм, представляющий собой антизападный и антилиберальный вариант контрреформ, объясняющий политические явления исключительно через события сакрального мира. Политический ислам представляет собой союз теологии и политики. Они находятся в единстве: политическая практика вторична по отношению к теологии, но формы практики заставляют изменять теологию. Идеология политического ислама представляет собой набор концепций, которые могут произвольно использоваться для конструирования прагматической идейной позиции. Синкретизм источников концепций служит доказательством постмодернистской природы исламизма.

Рассматривая политический ислам, имеет смысл уйти от жесткого разграничения между суннизмом и шиизмом, также как от деления суннитов по мазхабам. Фундаменталисты стремятся вернуться к раннему исламу, не знавшему современных размежеваний. Единственное различие, имеющее значение – это различие между умеренным исламизмом (с которым современные государства могут уживаться) и радикальным (вплоть до использования экстремизма, терроризма и мятежей). Умеренные исламисты действуют через легальные политические институты. Они не ломают систему, а трансформируют ее, стремясь занять внутри нее стабильное место. Радикалы же ведут борьбу за смену системы.

Идеологи политического ислама реализуют идею создания мировой уммы – единого религиозно-политического сообщества, объединяющего всех правоверных. Концепция исламского миропорядка направлена на объединение всех мусульман с тем, чтобы создать исламское государство. Одним из инструментов достижения цели является джихад (вооруженная война за веру). Учитывая то, что «джихад» является «важным долгом каждого мусульманина во все времена» [5, с. 38], он стал существенным элементом панисламизма, основополагающими принципами которого являются: отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; глобальность, – т.е. ислам верен для любого места и времени.

Иранская революция 1979 г. привнесла в мир идею победы политического ислама. Была открыта ниша для нового типа радикализма, который приобрел фундаменталистский характер. «Новый исламизм» исходит из того, что человечество живет под властью богоотступников. Все, что могут сделать «избранные», – вести партизанскую войну и наносить удары по миру джахилии (богоотступничества). При этом «новый исламизм» не отменяет «старый». Они сосуществуют, иногда сотрудничая, а иногда враждуя. важнее результата. Главным методом политической борьбы организаций исламистов новой волны стал терроризм.

Таким образом, мы уточнили определение политизации религии. Это – процесс целенаправленных изменений идеологии, институтов и практик политической деятельности, нацеленный на реорганизацию всей общественной жизни в русле догматически понятой религии. Факторы успешной политизации религии связаны, на наш взгляд, в большей мере с уровнем исходной религиозности общества к началу движения и спецификой религиозной доктрины, что подтверждается на примере ислама.

Литература

1. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике: на примере православия. Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2006.
2. Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. М., 2009.
3. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. М., 1992. Т.1. №1.
4. Husain M.Z. Global Islamic Politics. N.Y., 2003.
5. Фундаментализм. М., 2003.

Секция «КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»

Земенко В.И.

*К.и.н., доцент кафедры всеобщей истории,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Россия*

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В условиях становления глобального информационного общества в современных международных отношениях существенно вырастает значимость культуры, которая становится действенным средством решения внешнеполитических задач. Международное культурное сотрудничество включает в себя связи в области искусства, науки, образования, средств массовой информации, молодежных обменов, туризма и спорта, а также связи по линии общественных групп и организаций, творческих союзов, студенческих групп, и других сообществ. Такие аспекты культурной политики были сформулированы ЮНЕСКО на Всемирной конференции по политике в области культуры .[4,с.16]

Иными словами, культурная политика является сознательным регулированием в области культуры при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом.

В настоящее время исследователи выделяют несколько моделей культурной политики. Так, профессор Лондонского университета Метрополитан, доктор наук в области арт-менеджмента и культурной политики, Артур Гукасян в своем докладе «Культурная политика» кратко изложил суть основных моделей культурной политики, построенных на базе ряда стран с различным уровнем развития экономики, политической системы и культурных традиций: «Либеральная» модель; «Частично государственная» (arm's length); «Государственная бюрократическо-просветительская»; «Государственная престижно-просветительская модель»; «Национально-эмансипированная».

Например, либеральная модель в большей степени соответствует культурной политике США и для неё характерно провозглашение государством «нейтралитета» в области культуры. Определяющее значение в этом случае имеет рынок культурных ценностей, на котором, при наличии высших достижений культуры, центральную роль играет индустрия, создающая типовой продукт так называемой массовой культуры. В этой системе очень важное место занимают фонды, способствующие развитию искусства, финансируя оперу, театр, музеи и т.д.

Культурная политика Китая, на наш взгляд соответствует государственной бюрократическо-просветительской модели. Эта модель отличается абсолютной властью государства над культурой. Культура, как и все другие области общественной жизни, направляется и планируется централизованно. Такая модель была характерна не только для социалистических стран, но и для стран с социал-демократическими

правительствами, таких как Швеция и Голландия. В Китае в настоящее время ведущую роль играют официальная культура и традиционные учреждения культуры, что сужает рамки творческого новаторства. [3, с.17]

Среди специалистов давно уже устоялось мнение о том, что в культуре любого общества сочетаются и сталкиваются два принципа: традиции и новации. Традиции и новации - две необходимые компоненты культурного развития, они взаимообусловлены, взаимно необходимы. Однако, с субъективной точки зрения каждой из них, другая представляется препятствием, которое необходимо преодолеть и к уничтожению которого следует стремиться. Традиция, представляющая собой многослойную культурную память народа, служит своего рода почвой для социальной жизни. Когда модернизация разрыхляет верхние слои культуры, традиция может постепенно перемещаться на участки социальной жизни.[7, с.12]

Многообразие существующих в мире культур в значительной мере обусловлено многообразием соответствующих культурных традиций. Благодаря современным средствам коммуникации значительно расширяются возможности заимствования и обмена в сфере культурного наследия различных обществ. Заимствуемые элементы культурного наследия, выступающие первоначально как инновации для заимствующей культуры, впоследствии нередко традиционализируются в ней, становясь ограниченной частью собственного культурного традиционного комплекса.

Степень взаимодействия традиции и новации в культуре зависит от культурной политики проводимой государством на разных этапах исторического развития общества.

В XX веке инновационный тип культуры стал господствующим. Перспективы дальнейшего развития инновационной культуры, очевидны, они обусловлены, прежде всего, техническим прогрессом средств информации и коммуникации и другими достижениями современной науки.

При этом, в культуре стран Востока, по-прежнему, преобладают традиционные черты, что прослеживается в том числе и в культурной политике восточных государств, в частности Китая.

Китайское правительство приступило к проведению активной культурной политики за рубежом в 90-е годы, когда стало очевидным, что претворить в жизнь международные амбиции невозможно при тогдашнем отношении к стране мирового сообщества. [5, с.128]

Интенсификация культурных связей России и Китая совпала по времени с активизацией политики Пекина по улучшению своего имиджа на мировой арене. В 2001 году две державы заключили Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, согласно статье 16 которого, стороны договорились к развитию межрегионального развития в области культуры, образования и т.д. В 2004 году министр культуры КНР Сунь Цзячжэн заявил, что активизация культурной политики КНР обусловлена интересами государства и является важной составной частью общей внешнеполитической стратегии государства. Тогда же было принято решение

о формировании за рубежом культурных центров Китая в целях улучшения образа страны в глазах зарубежной аудитории [5, с.131].

Собственно с этого времени выросло число средних школ с преподаванием китайского языка, а также вузов, преподающих историю Китая и китайский язык. (В Перми это гимназия № 2,).

Анализ материалов СМИ показывает, что количество культурных акций с китайской стороны в течение первого десятилетия XXI века принципиально выросло. Пограничные регионы приняли самое активное участие в проведении Года России в Китае и Года Китая в России. Успех данного начинания стимулировал продолжение взаимодействия в виде Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России. Эти кампании показали эффективность культурной политики Китая на российской территории, проводимой в виде крупных межгосударственных мероприятий: выставки, конференции, форумы и др.

В рамках культурной политики Китая при Дальневосточном университете, был открыт Институт Конфуция, который играет главную роль в продвижении китайской культуры в восточной части России. Институт ведет специализированные образовательные программы для школьников, студентов, сотрудников организаций и предприятий, чья деятельность связана с Китаем. Об особом внимании соответствующих органов КНР к этому представительству свидетельствует организованное в 2009 году на его базе совещание руководителей всех институтов Конфуция, расположенных на территории постсоветского пространства. [5, с.130]

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство этих мероприятий проходит на Дальнем Востоке и в Сибири. Хотя в последние годы в сферу культурной политики Китая втягиваются и другие регионы России. В сентябре 2012 года заметным событием культурной жизни Перми стал Форум «Восток-Пермь», целью которого стало комплексное знакомство пермяков, представителей организаций и компаний Перми с разнообразными аспектами жизни Китая. Организаторами Форума являются администрация города Перми, Некоммерческое Партнёрство «Центр содействия изучению международного опыта управления и организации производства «Кайдзэн», Некоммерческое партнерство «Фонд поддержки и развития Гимназии №2 «Дар», Пермское общество дружбы с Китаем. Наряду с круглыми столами и дискуссиями, посвященными разным вопросам делового взаимодействия с китайскими партнерами, в ходе форума были проведены мастер-классы по следующим направлениям: открытый урок по изучению китайского языка; открытое занятие по каллиграфии; открытое занятие по китайской живописи тушью; открытое занятие по ушу; презентация Чайной церемонии.

Таким образом, культурная политика Китая демонстрирует стремление к распространению за рубежом, в частности в России, представлений о культуре Китая, гармонично сочетающей сосуществование традиций и новаций. При этом, обращает на себя внимание тот факт, что современная китайская культура достаточно слабо представлена на территории России.

По мнению российских специалистов, Китай, в силу длительности своей культурной традиции, располагает большим набором положительных маркеров (Шелковый путь, Великая стена, Конфуций, иероглифы и т.п.), но почти все они относятся к прошлому, в то время как современные носят, за редким исключением, негативную окраску и требуют значительных пропагандистских усилий по их преодолению. [6, с.8]

Литература

1. Востряков Л.Е. Культурная политика в современном мире(взгляд из России)// Матер. база сферы культуры: Науч.-информ. сб./РГБ; НИО Информкультура. - 2000. - Вып.1. - С.40 - 72.
- 2.Л.Е. Востряков. Культурная политика: концепции, понятия, модели.// <http://www.cpolicy.ru/doc.plx?id=808>
3. Гукасян А. Культурная полиика. //http://forum.r- .ru/2012/forum/news/354.html
4. Козлова И. Международный проект ЮНЕСКО "Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества" // Ориентиры культурной политики. - 2001. С.15-22
5. Козлов Л.Е. Российский Дальний Восток в сфере действия внешней культурной политики Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. - Вып.8. - Сборник материалов научной школы и международной научной конференции / Под ред. А.П. Забияко. - Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009. - С.128-136.
6. Козлов Л. Е.,Насакова Б.Б. Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая.// [Электронный ресурс].
[l-e-kozlov.narod.ru>text/kozlov_nasakova.doc](http://e-kozlov.narod.ru/text/kozlov_nasakova.doc)
- 7.Костюк Константин Николаевич. Архаика и модернизм в российской культуре .
Konstantin.Kostjuk@ku-eichstaett.de

Направление «ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»

Карзенкова Е.П.

Старший преподаватель кафедры общего
и славянского языкознания
Пермского государственного национального
исследовательского университета
г.Пермь, Россия

НОВЕЛЛА «ЭФЕМЕРИДА КОХАННЯ» ВАСИЛЯ БЕРЕЖНОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КАТЕГОРИИ **ЛЮБОВЬ**

Антропоцентрический исследовательский подход, который начал вступать в свои права ещё с появлением философии (эстетики) экзистенциализма, приобрёл в конце XX – начале XXI вв. свою особую значимость и в лингвистике. В языкознании (филологии) он предполагает следование следующим принципам исследования, сформулированным Е.С.Кубряковой: экспансионизм (появление **новых объектов** для исследования или **новых позиций** при решении традиционных проблем, **привлечение** данных **других наук**), экспланаторность (стремление **объяснить, а не только описать** факты языка); функционализм (изучение языка в действии, в процессе выполнения им тех или иных функций) [12; 13]. Внимание исследователей, в том числе и лингвистов, таким образом, переключилось с «социального подхода к человеку на личностный и с отношений между субъектом и объектом на межсубъектное взаимодействие, основывающееся на семиотических началах» [1, с. 647]. Впрочем, справедливости ради необходимо упомянуть о том, что в литературоведении антропоцентризм превалировал задолго до конца XX в. Однако, исследование наше находится на грани, поэтому можно его считать и языковедческим.

В свете антропоцентрической исследовательской парадигмы особенно актуальным представляется изучение «чувственной составляющей» сознания человека и его языка (речи). Автором данной статьи предпринимались попытки описания коммуникативно-речевых категорий (в том числе и категории *любовь*) на материале украинских и русских пословиц и поговорок, а также на материале опубликованной переписки русских писателей, поэтов, филологов [7; 8; 9 и др.]. Под коммуникативно-речевой категорией (далее: КРК) нами понимается «потенциальная система средств, используемых при создании текста в типовой ситуации речевого взаимодействия», или «виртуальный план речевого жанра или совокупность речевых жанров в условиях типового речевого взаимодействия» [10, 89]. Жанр рассматривается нами в духе М.М.Бахтина [2, с.105 и далее], а именно: как сущность, обусловленная типовым взаимодействием коммуникантов и как композиционно, тематически и стилистически детерминированный тип

высказывания (текста). Ср. также: согласно И.А.Стернину и К.М.Шилихиной коммуникативные категории – «это самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [16, с. 34]. Наши представления о КРК вполне согласуются и с формулировками И.А.Стернина, который предложил **модель анализа коммуникативных категорий**: исследование их в трёх аспектах – духовном, рефлексивной и бытийном [16]. Задача данной статьи – рассмотреть отражение указанных аспектов (или уровней) КРК любовь в зеркале отдельного художественного произведения.

В целях дальнейшего анализа представляется необходимым сначала определить **жанр** художественного произведения в аспекте литературоведческом, чтобы, следуя за логикой автора произведения, окунуться затем в жанры речевые. В название статьи нами вынесена **новелла**. Хотя сам автор (и издатель) называют собранные в книге произведения *повісті та оповідання* ('повести и рассказы'). Что даёт нам основание называть «Эфемериду кохання» новеллой? Какие признаки классической новеллы обнаруживают себя? «Эфемерида кохання» – произведение прозаическое, повествовательное, без сомнения, краткое, «в меру остросюжетное», характеризующееся необычайностью описываемого события, присутствием элементов символики (говорящие собственные имена, антитеза искусственности города под стеклянным куполом и главного героя, погружённости в естественные чувства мечтательности, любви и ревности), элементов фантастики (действие, напр., происходит в городе землян, построенном ими на луне, возлюбленная прилетает на ракете), а развязка произведения вполне может считаться неожиданной. Но о развязке позже. Однако нельзя утверждать, что «Эфемерида кохання» напрочь лишена психологизма, чего, впрочем, нельзя сказать и о «Лёгком дыхании» И.А.Бунина или «Шинели» Н.В.Гоголя, которые традиционно приводятся как образцы новелл в русской литературе (см.: [4, с.813]; [11, с.411]).

Значимым для характеристики духовного и рефлексивного уровня КРК *любовь* и для понимания представлений автора о любви, декларируемых в новелле, представляется и анализ **названия** новеллы: перевод его на русский язык – 'эфемерида любви'. Перевод украинского слова *кохання* – 'любовь' – не предполагает никакой двойственности толкования, заявляя, что речь пойдёт, о чувстве романтической любви. Тогда как первое слово *эфемерида* для начала не может быть обнаружено в неспециальном (двуязычном) украинско-русском словаре, так как является термином астрономическим. Для носителя русского языка оно может быть связано с почти не употребляемым в быту словом *эфемерный*, которое С.И.Ожегов, в частности, приводит с пометой *книжн.* и толкует следующим образом: «1. Скоропреходящий, непрочный. *Эфемерный успех*. 2. Мнимый, призрачный, нереальный. Эфемерная мечта// сущ. *эфемерность*» [14, с. 792] (здесь и далее подчёркнуто мной – *Е.К.*). Но приведенные толкования представляются переносными значениями, если обратиться к В.И.Далю, в словаре которого

обнаружим: «*эфмера* – греч. насекомое, которое живёт не долѣ суток; эфемерное явление – временное, скоропреходящее, гиблое» [6, с. 666]. И наконец, у В.И.Даля обнаруживается такое толкование *эфмерид*, которое, как представляется, ближе всех к толкованию Василя Бережного («*Эфмериды* – *множ.*, *астроном.* – таблицы для вычисления мѣста свѣтилъ» [6, с.666]), потому что объединяет в себе непрочность, переменчивость места нахождения. Ибо одни из главных персонажей новеллы Сократ, зная время начала любви и другие её параметры, пытается вычислить, как будет развиваться любовь (чувство и отношения), когда и как (оно\они) «закончатся».

На рефлексивном уровне у КРК любовь обнаруживается в новелле В.П.Бережного ряд признаков. Понимая *любовь* как *эфемерность*, то есть нечто *непрочное, преходящее, гиблое, меняющее своё место во времени*, автор сразу (начиная с названия новеллы) задаёт правила игры, будто становясь на сторону неверящих в любовь, а для исследователя речи и КРК любовь – это характеристика рефлексивного аспекта КРК *любовь*. Но это только одна сторона: сторона «рационального» Сократа и «ученых дев» из Центра здоровья, которые излечивают от любви, стирая любые воспоминания о ней... Хотя, как оказывается известно в середине повествования, рациональность Сократа «мнимая», ведь он прошёл курс «излечения от любви» и его слова об инстинкте продолжения рода приобретают в связи с этим совсем другой смысл... только человек с «промытыми мозгами» может считать любовь заболеванием...

Таким образом, название *эфмериды любви* может быть истолковано с помощью нескольких сем: (1) как возможность, как шанс на «присутствие» любви в жизни человека (пусть и эфемерное); (2) как мнимость, нереальность её существования; (3) как скоротечность любовных отношений; (4) как «гибельность» (губительность) любви для разумного, рационального понимания (ощущения) жизни; (5) как некие таблицы (вроде, таблиц определения места), а в случае с любовью – способы вычисления места (орбиты, пути), значимости и продолжительности нахождения в состоянии любви. Последняя сема, правда, просматривается лишь при углублении в содержание новеллы. Кроме того, слово *эфмериды* привносит в новеллу некие космические ассоциации (ср.: помету Даля: *астроном.*) со светилами, а также придаёт особую – Космическую – значимость (в прямом и переносном смыслах слова *космический*) в жизни мужчины (ср., напр. знач. в след. сочетании: *событие космического масштаба*). Да, именно мужчин, так как в новелле показан мужской спор о чувствах (да и автор мужчина), хотя существует стереотип, что любовь – важнейшее чувство в жизни женщины.

Начало рассказа таково: Никон, замечтавшись о возлюбленной, забывает задать программу автомату, готовившему обед для всего лунного города. Таким образом, с самого начала: в самом названии произведения и в «зачине», любовь приобретает космическую значимость, ибо мужчина может забыть и о работе, и о еде... Любовь выступает как глобальная ценность, в

этом и состоит подтверждение её духовного статуса, отражение духовного аспекта коммуникативно-речевой категории *любовь*, как это смог показать автор новеллы.

Как, какими средствами автору удаётся раскрыть сущность такого явления как любовь, то есть обнаружить бытийный аспект указанной КРК, узнаем, перейдя к дальнейшему анализу.

Мир, нарисованный В.П.Бережным дуален: любовь и инстинкт, чувства и радио, Земля и Луна... Но, как известно, противоположности притягиваются, срабатывает психологический закон комплементарности: два основных персонажа дополняют друг друга и равны по своей значимости. Влюблённый Никон и его оппонент Сократ не могут существовать друг без друга. Новелла без любого из них не состоялась бы...

Автором выбраны весьма говорящие имена собственные. **Никон** (от греч. 'побеждающий', 'победитель'), которому до развязки, до того, как станет известен «исход» спора, «приписана» победа. И **Сократ** (от греч. 'сильный', 'спаситель', 'сохраняющий власть'), которому удалось справиться с «любовным недугом» и сохранить власть над чувствами, но который, несмотря на всю свою силу, предстаёт перед нами эфемерным, призрачным, мнимым героем, ведь ему «стёрли память о любви» в Институте здоровья...

Оба персонажа, если их объединить, и будут представлять собой целое: два противоречивых состояния одного влюблённого мужчины, который (как подумал Сократ) «*впав в протиріччя*» [3, с. 324]. Эти состояния сопровождают влюблённого в реальной жизни. Он одновременно и хочет быть влюблённым (испытывая состояние душевного подъёма, полёта души, нежности и восторга), и мучается сомнениями, страхом потери любимой и любви, ревностью... Побеждают во влюблённом с переменным успехом то *никон*, то *сократ*, не давая ему покоя... При этом, без сомнения, третья сторона – возлюбленная – персонаж второстепенный, как это и подано в новелле. Женщины выступают в новелле Василя Бережного на вторых ролях. Порой кажется, что если произведение создано автором-мужчиной для читателя-мужчины, то женщины – лишь фон, зеркало для отражения миропонимания Мужчины. Поэтому женщины почти лишены индивидуальности и настолько малозначимы для автора, что даже не имеют имён собственных. Возлюбленную Никона прозывают Она. Она лишь мотив к рассуждениям двух мужчин: сторонника («адвоката») любви Никона, который *замріявся* ('замечтался', 'размечтался') о любимой и защищает любовь, и «обвинителя» любви Сократа, принимающего лишь инстинкт продолжения рода. Сократ характеризует любовь, как: «*хворобу безнадійного кохання*», как то, от чего его «*бог милував*»; он вполне искренне пытается помочь другу, спасти его от чувства, как от болезни (ведь он даже не помнит, как сам был влюблён).

Отсутствие имени собственного у возлюбленной Никона подчёркивает и то, что на её месте могла бы оказаться любая женщина, причём её внешние и

внутренние свойства не имеют практического значения (как говорится, *любовь зла...*). Но это отсутствие индивидуальности не мешает тому, что Она в глазах влюблённого (и по его субъективному мнению) становится прекраснейшей, умнейшей и воплощает в себе всю Вселенную... Это вселяет надежду в сердца женщин, прочитавших новеллу В.П.Бережного, на то, что «на любой товар найдётся купец»: любовь придёт в жизнь каждой женщины... А состояние самого влюблённого таково, что даже искусственная природа Земли, «созданная» в лунном городке, восхищает его как естественная, ибо на неё накладываются воспоминания о прогулках на Земле с Ней... Ср.: *навіть синтетична обстановка житла тепер здавалася йому привабливою* [3, с.332]; *Никон добре знав, але сприймав як справжнє, земне* [3, с. 329]. При этом стоит заметить, что «очаровательность» юных аспиранток и «волоокость» докторши и Центра здоровья совсем не пленяли Никона, который хотя и заметил их, но прекраснейшей-то остаётся только Она одна! Другие женские персонажи – лекарь (точнее: *лекарка*) и девушки з *Центру здоров'я*, несмотря на свою веселость, красоту, волоокость, плавность походки, голубоглазое сиянье (ср. укр.: *гарні, веселі, волоока; ходою балерини; сяйнула блакиттю очей*) теряют свою притягательность в глазах Никона. Он ещё раз убеждается, что только *Вона, Сонце* приносит свет, тепло в его душу и в жизнь, когда «*наче з морскіп глибини поволі проступило, виринуло радістне обличчя дівчини*» [3, с. 332]. Только взор возлюбленной имеет особое значение: *Вона дивилась з відусюди, і погляд її великих, виразних очей схрещувались на постаті Никона* [там же].

Доводом Василя Бережного в защиту влюблённости (и чувств вообще) служит и отождествление возлюбленной Солнцем – светочем, светилом, благодаря которому существуют и сам влюблённый Никон, в частности, да и жизнь вообще. Заметим, что В.П.Бережной, называя возлюбленную Никона *Сонце*, пишет её имя с заглавной буквы. И Её – возлюбленной – солнечность (как единственность и значимость для жизни как таковой) абсолютно важны для Никона. Свет и тепло, исходящие от Солнца, как и его местоположение есть источник существования человека.

Название ракеты, транспорта, которым прибывает на Луну любимая Никона также говорит о многом – «*Тайфун*». Ибо влюблённость налетает неожиданно, подобна «урагану большой разрушительной силы» [14, с. 683] (от греч. *typhon* – ‘мифическое существо, олицетворение бури и ветра’; кит. *taifung* – ‘большой ветер’; англ. *typhoon* [4, с. 1175]).

Возвращаясь анализу духовной составляющей (духовного – ценностного – аспекта КРК *любовь*, отражённого в новелле «Эфемерида кохання» Василя Бережного) следует упомянуть и о том, что любовь Никона послужила источником вдохновения для населения целого лунного города. Не только тот, кто *замріявся* (‘замечтался’), написал симфонию (с тончайшим звуковым и видеорядом), но и все остальные горожане «предались» самым разнообразным «воплощениям» любви в искусстве. Их чувства будто бы «прорвало», будто бы они долго ждали повода выплеснуть свои чувства

наружу. Однако, похоже, что этот случай никоновского «предавания» *мріям* («мечтам») спровоцировал творческое самовыражение в основном юмористических произведений (*гуморески, фейлетони, пародії, фільми-комедії*). Это однозначно свидетельствует о «всеобщем промывании мозгов» в описанном лунном городке и о том, что *Центр здоров'я* для стирания памяти о любви посетили многие жители лунного городка, а вовсе не один Сократ...

Следует упомянуть также и о том, что украинские прилагательное *хворий* и существительное *хвороба*, используемые В.Бережным, подошли бы и при переводе рассказа на русский язык, хотя и не являются, литературными, но весьма точно указывает на состояние влюблённого, который, вроде, не так уж здоров, но и больным в общепринятом смысле его назвать нельзя, ибо жизнь представляется ему краше, колоритней, разнообразней ... пусть и противоречивей... Слова – *хворий, хворь, хворость, хвороба* – имеют у С.И.Ожегова, напр., помету *прост.* [15, с. 861] и вряд ли воспринимаются современным носителем русского языка как больной, болезнь; скорее они имеют в настоящее время оттенок значения 'лёгкое недомогание'.

Новелла Василя Бережного становится особенно актуальной сейчас, когда Всемирная организация здравоохранения официально признала любовь заболеванием. И возможно, кто-то на Западе всерьёз намеревается излечивать человечество от любви. Но в случае исчезновения любви и поэзия в широком смысле (как художественного творчества, как эстетического наслаждения, получаемого от этого творчества и как романтики) может прекратить своё существование. Ибо с точки зрения психоанализа, как писал G.Mansterberg, например, «неоспоримой истиной считается, что вопрос «Получит ли Ганс свою Грету» является главной темой поэзии, в бесконечно повторяющихся в бесконечных вариантах и никогда не утомляющей ни поэта, ни его публики» (цитируется по: [5, с.104]). В анализируемой новелле, описаны переживания, чувства и мысли влюблённого Никона, сюжет выстроен так, как это положено в классической новелле. То есть его «Грета» вовсе не ожидается до самого конца произведения. До последнего момента читатель даже и не думает о том, что влюблённому могут ответить или отвечают взаимностью. Неожиданная развязка – внезапный прилёт возлюбленной – соблюдение одного из принципов новеллы.

«Эфемериды кохання» Василя Бережного написано задолго до проникновения голого расчёта в сферу близких взаимоотношений, до появления рыночных (базарных и торговых) отношений в межличностной сфере народов Украины, России и других славянских стран, которые наблюдаются в настоящее время под влиянием западного образа мыслей и жизни. Это придаёт особое значение нашему обращению к не столь свежему произведению украинской литературы, в том числе и как отражению коммуникативно-речевой категории любовь (кохання) в духовном (ценностном), рефлексивном (сущностном) и бытийном аспектах. Кроме

того, стоит упомянуть и о том, что указанная новелла является учебной (текстом для «домашнего чтения») при обучении теории и практике перевода с близкородственного языка в курсе «Современный славянский язык (украинский)» на направлении «Филология» в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 с.
2. Бахтин М.М. Под маской: Маска третья // Волошинов В.М. Марксизм и философия языка. М., 1993. 192 с.
3. Бережний По спіралі часу: науково-фантастичні повісті та оповідання. Кієв: Дніпро, 1985. 416 с.
4. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М.Прохорова. М.: Большая рос. энциклопедия, 1997. – 1456 с.
5. Выгодский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: Русский язык, 1991. Т.4. 686 с.
7. Карзенкова Е.П., Салимовский В.А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте. Вып.9.: Матер. Междунар. научн. конференции. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С.98-104.
8. Карзенкова Е.П. Любовь как духовная ценность и её грани, отражённые в русских и украинских пословицах // Язык и духовная культура современного общества. Краснодар: Изд-во Кубанск. аграрн. ун-та, 2010. С.225-228.
9. Карзенкова Е.П. Любовь как комплексное чувство и коммуникативно-речевая категория // Речевидение: современное состояние и перспективы/ Отв.ред. Е.А.Баженова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. С. 207-213.
10. Карзенкова Е.П. Дружба как коммуникативно-речевая категория // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. Научн. журнал. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. С. 89-94.
11. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2001. 672 с.
12. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания, 1994, №4. С. 3-15.
13. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / Под ред. Ю.С.Степанова. М.: Росс. гос. ун-т, 1995. С.149-238.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Русский язык, 1987. 798 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 940 с.
- 16.Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Истоки, 2001. 136 с.

ІСТОРИЧНИЙ ДИСКУРС ТВОРЧОСТІ ПОЕТИЧНОГО ПОКОЛІННЯ 80-Х РОКІВ ХХ СТ.

Важливою рисою українського модернізму на всіх етапах його розвитку є поглиблений історизм художнього мислення, що реалізується у творі як історичний час. Досліджуючи лірику Ф. Гельдерліна, Мартін Гайдеггер наголосив: справжня модерна поезія є «найвищою мірою історична, бо вона наперед окреслює певну епоху історії» [5, с. 250–261]. Суголосний погляд висловив і Фостер Норман, який заважив, що модернізмові властивий новий підхід до трактування історії та нова концепція часу [19, с. 35–36]. Дмитро Чижевський указував на національну складову модернізму та його тісний зв'язок з історією [15]. Так само Григорій Грабович однією з особливостей українського модернізму називав тяжіння до художнього трансформування історії, хоча й зауважив при цьому: «Основна проблема українського модернізму полягала в тому, що він був заручником ідеології» [6, с. 343].

Поетичне покоління 80-х років ХХ ст. (Ю. Буряк, Н. Білоцерківець, В. Герасим'юк, О. Забужко, І. Малкович, І. Римарук та ін.) художньо оприявило модерністський тип трактування історії, що, на відміну від постмодерністського, відзначається концептуальною вивершеністю в осмисленні минулого, наданням йому виразного національного забарвлення. Представники цієї генерації вдалися до естетичного моделювання художнього часу, що постає складною багатшаровою категорією, тобто втілюється за принципом колажу – своєрідного «часозміщення», одночасного поєднання кількох часових площин. Однак за всієї, здавалося б, поліваріантності і навіть хаотичності, у філософсько-художньому вираженні парадигми часу вимальовується певна «система координат» [12, с. 101]. Передусім вона чітко простежується у тяжінні поетів до основних видів філософської категорії часу, означених Миколою Бердяєвим, – час космічний, час історичний і час екзистенційний [1, с. 263]. Із-поміж виокремлених ученим модифікацій художнього часу найважливіше місце посідає час історичний (об'єктивний), наділений онтологічним змістом. Варто заважити недостатній рівень наукового дослідження історіософських концепцій буття України у творчості представників поетичної генерації 80-х. Попри окремі слушні зауваження літературознавців (І. Дзюба, Ю. Ковалів, К. Москалець), потребує більш ґрунтовного аналізу визначення основних констант історичного підходу поетів та його зв'язок із модерністським типом художнього мислення.

Активізація історіософських концепцій пояснюється суспільними та культурними умовами перехідної доби 80-х, коли відбувалося руйнування соціалізму та становлення нових тенденцій у літературі. За К. Ясперсом, історія становить собою еволюційний рух, і чим радикальніший є цей рух, тим

глибші пласти істини відкриваються перед індивідом. Оксана Забужко за допомогою метафоричної образності тлумачить специфіку національної історії, яка нагадує авторці гру в шахи: на шахівниці розставлені чорно-білі фігурки, що викликають асоціації з «гравцями» історії. Звучить думка про те, що Україна неодноразово втрачала історичний шанс – зробити вирішальний «хід конем» у поєдинку з супротивником: «...нам ніколи не сягнути омріяної 80-ї лінійки, / не явити, перекинувшись через голову, пойнятій стогоном / захвату публіці найпрекраснішу в світі Чорну Королеву / з демонічним розтином очей і жаркими, як сигнальний ліхтар, / муринськими губами – / ай, милий Боже, і це тоді, коли в нас був з'явився шанс!..» («Мистецтво грати в шахи») [8, с. 128–129].

Осмилення невдалих та суперечливих «ходів», що їх здійснювали основні «гравці» національної історії, стає предметом художнього дослідження більшості представників поетичного покоління 80-х. Одним із об'єднуючих чинників поетів у монолітне естетичне явище є постійна настанова на художнє трансформування минулого, в інтерпретації якого простежується оригінальні концепції буття України. В її естетичній реалізації поети прагнули осмислити місію нації у світі, неупереджено й об'єктивно поглянути на її історичний поступ, винісши з нього цінні уроки. Не менш важливе значення мала притаманна генерації 80-х настанова на деполітизацію лірики, вивільнення її з-під лещат історичного детермінізму та заангажованості. Замість насадженого тоталітарною системою «вічного часу» радянської дійсності, творчість Ю. Андруховича, В. Герасим'юка, П. Гірника, О. Забужко, І. Римарука засвідчила тяжіння до історіософського мислення, прагнення на онтологічному рівні осягнути буття української людини у різні історичні епохи.

Покоління 80-х демонструвало постійну увагу до національної історії, сповідуючи думку Умберто Еко про покарання за забуття: «Минуле неможливо знищити, бо його знищення спричинить німоту» [16, с. 636]. Великі можливості на цьому терені надає художня реалізація філософської категорії часу, що у творчості поетів співвідноситься з історичним часом. Її актуалізація та інтенсивна рефлексія зумовлена культурно-історичними умовами існування цієї генерації, яка прагнула подолати негативні прояви перехідного світовідчуття на зламі культурних епох (певна моральна й естетична розгубленість людини та мистецтва, дезорієнтованість світогляду, хистке балансування між минулим і майбутнім тощо) модернізацією історіософських концепцій.

У «застійну» добу радянське літературознавство недооцінювало значення історії в художній свідомості. Будь-які спроби поетів розбудувати художні моделі національної історії розцінювалися як прояви «буржуазного націоналізму». Новаторство покоління 80-х проявилось у самому підході до поетичної історіософії, в основі якого означилися чинники, притаманні для попередніх явищ пізнього модернізму – шістдесятників (М. Вінграновський, Ліна Костенко), «постшістдесятників» (В. Стус), поетів Київської школи

(М. Воробйов, В. Голобородько). Різних у стильовому аспекті поетів об'єднують такі риси історіософського мислення: деполітизація та гуманізація історичного поступу; відмежування історії від культивованої радянською історіографією «ідеологічної вічності» та класової спрямованості [11, с. 173]; трагізм у сприйнятті й оцінці історії, що набуває метаісторичного звучання; постійна увага до мотивів історичної пам'яті, утвердження свободи нації і людини, «чуття» голосу віків, державницькі настрої, визначення місця людини в історії; осмислення минулого крізь призму національної ідеї, яку слід розуміти як «філософію національного життя» (С. Возняк). За Мартіном Бубером, національна ідея – це «усвідомлення народом його внутрішньої єдності і зв'язку, його історичного характеру, його традицій, власного становлення і розвитку, долі й призначення; що дозволяє народу зробити їх предметом своєї свідомості та своєї долі» [4, с. 259].

У метафоричній площині Н. Білоцерківець порівняла історичну долю нації з казковим сюжетом про «кривеньку качечку»: «Я знаю землю – кинута всіма, / вона всміхається, коли в руках трима / її стара історія нещасна» [3, с. 50]. Представники пізнього модернізму утверджували право на авторське міфотворення та міфологізацію минулого, котре поглиблювалося інтуїцією та суб'єктивізмом. При цьому героїчне минуле зображувалося більш сучасним, аніж пристосовницьке сьогодення. Історіософські моделі відзначаються ірраціональним заглибленням в історичне буття людини, що заперечує дослідження причинного зв'язку подій, орієнтоване на раціональний підхід.

Своєрідність історіософських концепцій генерації 80-х зумовлювалася особливостями світовідчуття поетів у перехідну добу: у час зміни світоглядних орієнтирів відбулася актуалізація творчих ідей у цій царині поетів «празької школи». На думку В. Моренця, «творчі пошуки «пражан» відлунюють і в поезії І. Малковича (як трипільські, скіфські та давньоруські сюжети), В. Герасим'юка (зреалізовані як «проживання» історії в поезії, присвяченій боротьбі опришків та вояків УПА) та В. Кордуна (історіософські медитації) [10, с. 291]. Поетичні збірки представників покоління 80-х просякнуті історіософським змістом, наскрізним струменем якого є художнє трансформування української національної ідеї, спроектованої на сучасний контекст.

Найвизначальнішою рисою історіософії поетичного покоління 80-х є відсутність у ній раціонального змісту, превалювання притаманної модерністському світовідчуттю ірраціональності художнього мислення, яка стає основою моделювання метаісторії. Її сенс, за Григорієм Грабовичем, полягає не у відтворенні «універсальних схем історії», а в зображенні «постійних трансформацій історичного змісту», що набувають символічного та міфологічного аспекту [7, с. 179]. Ірраціональність історіософського дискурсу поезії покоління 80-х проявляється у самому підході до трактування історії нації: її розбудовують не достеменні події та реальні постаті (хоча вони й згадуються в окремих текстах), а так звана суб'єктивізована історична експресія – переживання своєї історії українцями. Серед літературознавців неодноразово

звучала думка про те, що саме міфізація історії – єдине, що могло дати надію у безнадійній історичній ситуації.

У моделюванні історіософських концепцій буття України представники покоління 80-х виступили продовжувачами традицій поетів «празької» поетичної школи (Л. Дараган, О. Лятуринська, Є. Маланюк, О. Ольжич, О. Стефанович та ін.). Володимир Моренець відзначив тісний зв'язок між окресленими естетичними явищами: «Саме у площині національного історіософського міфу, структурний каркас якого належить неокласикам, а смислове наповнення – «пражанам», зримо простежується генетичний зв'язок цих двох поетичних масивів» [10, с. 245–246].

Історизм художнього мислення особливо виразно простежується у творчості Ю. Буряка, В. Герасим'юка, П. Гірника, О. Забужко, І. Малковича, І. Римарука, меншою мірою – у Н. Білоцерківець, С. Короненко та ін. Активізація історіософського бачення світу саме в поезії пояснюється тим, що лірика – царина емоційно-чуттєвого переживання, відтак давала можливість поетам висловити й суто особистісне ставлення до різних історичних епох, перетворивши історію на об'єкт філософського переосмислення. Перед поетичним поколінням 80-х закономірно постала потреба перегляду старого світогляду, дискредитованого та сфальшованого під тягарем ідеологічних утисків, і вироблення нових історіософських концепцій. На відміну від «пражан», поети-модерністи перехідної доби відмежувалися від виразної заангажованості та народницьких засад, наблизивши історіософські концепції до «вічних» гуманістичних цінностей.

Тенденцію до національного забарвлення історизму та надання йому трагічного виміру поетичне покоління 80-х перейняло від своїх попередників – шістдесятників (Л. Костенко, В. Симоненко, В. Стус), а також поетів Київської школи (М. Воробйов, В. Голобородько, В. Кордун). Тож не випадковим видається звернення поетів до найбільш трагічних сторінок минулого: княжої та козацької доби (Ю. Буряк, І. Римарук), Першої світової війни (В. Герасим'юк, Ю. Буряк), протистояння УПА радянській владі у повоєнну добу, виселення західноукраїнського населення за підтримку ОУН (В. Герасим'юк, П. Мідянка, І. Римарук), драматичні колізії постчорнобильської дійсності (Н. Білоцерківець, О. Забужко, С. Короненко, І. Римарук та ін.), суперечливі події Помаранчевої революції (В. Герасим'юк, П. Гірник, О. Забужко, І. Римарук). У творчості поетів художньо моделюється складний часовий простір, що охоплює насамперед переломні в історичному минулому події, сутність яких зафіксована в іменах тих чи інших історичних осіб, проте значно частіше подана в узагальнено-символічному аспекті. Ірраціональний підхід до трактування історії зумовлює циклічний зміст історичного часу, що перекликається з філософською теорією Освальда Шпенглера про рух (юність, розквіт, занепад) культурно-історичних форм. Шпенглерівська концепція стала особливо близькою для українських поетів-модерністів, оскільки давала можливість художньо відобразити зміну героїчних (державних) і підневільних (не державних) епох та вибудувати історичну перспективу.

Поетичне покоління 80-х оприявило у своїй творчості поглиблені філософські рефлексії в осмисленні історії нації. Розглядаючи проблему взаємозв'язку філософії та «культурної притомності нації», О. Забужко відзначила, що в центр світового літературного процесу закономірно вийшов «не письменник – homo ludens, не грайливий постмодерніст, а письменник-інтелектуал, homo philosophicus» [9, с. 138, 139]. Наближення української людини до власної історії розпочали поети-шістдесятники, проте через цензурні утиски вони не змогли повною мірою завершити цей складний естетичний процес. І лише репрезентанти покоління 80-х спромоглися на відновлення «притомності нації» через повернення не сфальшованої історії.

Важливою особливістю історіософії у пізньомодерністському дискурсі є тісний зв'язок між різними часовими пластами – минулим, сучасним та майбутнім. Відтак різні часові епохи у поетичних текстах не розмежовуються, становлячи, натомість, нерозривну поняттєву цілокупність. Про неможливість відокремити теперішнє від інших часових площин наголошували Микола Бердяєв, Карл Ясперс. У текстах поетичного покоління 80-х утверджується ясперсівська ідея: «Кожному відомо, що стан світу, в якому ми живемо, не остаточний» [17, с. 101], тобто неможливо відокремити один часовий вимір від іншого. Межі між темпоральними площинами взагалі розмиваються – цю думку О. Забужко виразила за допомогою асоціативної образності: «Вимикають майбутнє. Лишаються жовті вогні – / І, як довгий тунель, не кінчається вічне сьогодні» («Сезон безнадії») [8, с. 253]. У перехідну епоху поетичне покоління 80-х прагнуло відновити «розірваний» у радянську добу «зв'язок часів» і тим самим відтворити цілісність світу, протестуючи проти абсолютизації та міфологізації теперішнього та майбутнього. Для поетів близькою була ідея Мартіна Гайдеггера, який попереджав про небезпеку нівелювання минулого, а тим більше – про забуття його: «Нині під загрозою перебуває сама закоріненість сьогоднішньої людини. Понад те: втрату коріння викликають не одні лише зовнішні обставини та доля, вона відбувається не лише через нехлюйство та поверховість способу життя людини. Втрата закоріненості виджерелюється із самого духу часу, в якому ми живемо» [14, с. 106].

Справжнім відкриттям на шляху модернізації художньої свідомості стало поєднання історичного та особистісного часу, що становить ще одну визначальну особливість історіософського осмислення буття України. Для поетів покоління 80-х близькими є ідеї Карла Ясперса, який наголошував на складних діалектичних стосунках між означеними категоріями часу: «Історичне є насамперед одиничне, неповторне – це не просто реальний індивід, який розчиняє в собі, поглинає, перетворює справді історичного індивідуума, це не судина, яка містить у собі загальне; це дійсність, котра одухотворює це загальне» [18, с. 195]. Отже, завдяки повторюваності історичних явищ уможливується процес пізнання істини та проектування історичного руху. Ідеї К. Ясперса, викладені ним у роботі «Про сенс історії», становлять підґрунтя історіософських концепцій творчості поетичного покоління 80-х.

Трьом модусам часу відповідає категорія історичної пам'яті : людині в поезії покоління 80-х притаманне трансцендентне відчуття часу, його протяжності та розімкненості, що уможлиблюється здатністю індивіда пам'ятати. Відтак ключову роль відіграє пам'ять, яка забезпечує зв'язок із коренями, родом, етносом, оберігає людину від самознищення і дозволяє їй повноцінно відбутися у світі. Цим пояснюється звернення поетів 80-х до національних прапервнів, до язичницького світогляду, міфології та фольклорної стихії. У кожного з поетів пам'ять набуває феноменального змісту: вона надає сенс людському існуванню, визначає основні параметри зв'язку особистості зі світом. Утрата пам'яті, обрубання коріння, забуття традицій осмислюється як духовна катастрофа: без пам'яті людина відчуває малість та кінець свого існування, що деформують у ній відчуття національного світу. Тому часто простір у поетичних текстах справляє враження жахливої пустки (порожня хата, криниця без води, заросла стежка тощо) – він спрофанований і покинутий богами. Людмила Тарнашинська вважає, що «поетичне структурування часу як людського та національного досвіду та його якісного виміру – пам'яті» [13, с. 244] допомагає митцеві здійснити відкриття у художньому осягненні феномену часу.

Попри наявність певних консолідуючих чинників, представники поетичного покоління 80-х ішли різними шляхами у художній реалізації історіософських концепцій буття України, запропонувавши відмінні художні моделі. Ю. Андрухович (збірки «Небо і площі», «Екзотичні птахи і рослини») намагався подолати успадковану від радянської літератури вульгаризацію у сприйнятті минулого пародійно-карнавалізованим зображенням історії, своєрідною естетичною грою з читачем. При цьому художнім аналогом перехідної епохи ставав бахтінський принцип карнавалізації усіх сфер буття. Натомість І. Римарук («Висока вода», «Діва Обида», «Сльоза Богородиці»), О. Забужко («Диригент останньої свічки», «Травневий іній», «Друга спроба») виступили прихильниками онтологічного підходу в осмисленні складних проблем історичного поступу; В. Герасим'юк («Діти трепети», «Поет у повітрі», «Папороть»), П. Гірник («Брате мій, вовче», «Посвітається») удалися до міфологізації та неоромантичної героїзації минулого, І. Малкович («Ключ», «Із янголом на плечі») запропонував театралізовану версію історії, розвінчуючи псевдоміфи тоталітарної доби. Поети-модерністи 80-х надзвичайно болісно сприймали часову розірваність, коли людина існує немовби на зламі двох світів, двох епох – поза межами історичного контексту, тому основна тенденція була спрямована на єдність трьох часових вимірів. Їхня поезія втілює філософську концепцію Миколи Бердяєва, який писав: «[...] моя доля здійснюється у часі, який розділений на минуле і майбутнє, час є реалізація долі, і разом із тим минуле і майбутнє без котрих немає реалізації моєї долі, існують лише в моєму теперішньому» [2, с. 234].

Таким чином, актуалізація історіософського мислення є притаманною для модерністського типу світосприйняття. Художнє трансформування історіософських концепцій буття України у поетичному світі покоління 80-х вті-

лює такі риси: трагізм у сприйнятті минулого; ірраціоналізм художнього світовідчуття; утвердження єдності часових пластів – минулого, теперішнього і майбутнього. Поетична історіософія покоління 80-х відзначається тісним поєднанням традиційного підходу до осмислення минулого України, започаткованого київськими «неокласиками» та поетами «празької школи», і водночас позначена модерністськими пошуками. Домінанта трагічного світовідчуття вказує на прагнення поетів не заперечити минуле, а вказати в ньому «осьові моменти», «етапи перелому», у яких ключову роль відіграє філософія національної ідеї та державного самовизначення України.

Література

1. Бердяев Н. Опыт эсхатологической метафизики / Н. А. Бердяев // Царство Духа и Царство Кесаря. – М. : Республика, 1995. – С. 247–286.
2. Бердяев Н. А. Я и мир объектов / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – С. 230–316.
3. Білоцерківець Н. Підземний вогонь : поезії / Наталка Білоцерківець. – К. : Молодь, 1984. – 78 с.
4. Бубер М. Народ и его земля : [избр. произвед.] / Мартин Бубер ; [пер. с нем.]. – М. : Книга, 1979. – С. 257–345.
5. Гайдеггер М. Гельдерлін і сутність поезії / Мартін Гайдеггер // Антологія світ. літ.-крит. думки ХХ ст. ; [за ред. М. Зубрицької; 2-е вид., доповн.]. – Л. : Літопис, 2002. – С. 250–261.
6. Грабович Г. Диптих про Тичину / Григорій Грабович // До історії української літератури : [дослідження, есе, полеміка]. – К. : Основи, 1997. – С. 333–385.
7. Грабович Г. Шевченко як міфотворець : семантика символів у творчості поета / Григорій Грабович ; [пер. з англ.]. – К. : Рось, 1991. – 212 с.
8. Забужко О. Друга спроба: Вибране / Оксана Забужко ; [передм. Л. Ушкалова]. – К. : Факт, 2005. – 320 с.
9. Забужко О. Хроніки від Фортінбраса : [вибр. есеїстика 90-х] / Оксана Забужко. – К. : Факт, 1999. – 340 с.
10. Моренець В. Національні шляхи поетичного модерну першої половини ХХ ст. : Україна і Польща / Володимир Моренець. – К. : Основи, 2002. – 327 с.
11. Моренець В. Проти безликої вічності / Володимир Моренець // Вітчизна. – 1989. – № 7. – С. 172–176.
12. Таран Л. Художній час – час людини (Спостереження над творчістю Павла Мовчана) / Людмила Таран // Жовтень. – 1988. – № 1. – С. 101–106.
13. Тарнашинська Л. Презумпція доцільності. Абрис сучасної літературознавчої концептології / Людмила Тарнашинська. – К. : ВД «Киево-Могилянська академія», 2008. – 534 с.
14. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / Мартин Хайдеггер ; [избр. статьи позднего периода творчества] ; [пер. с нем.]. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с.
15. Чижевський Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму) / Дмитро Чижевський. – Тернопіль : Презент ; Феміна, 1994. – 568 с.
16. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Умберто Эко ; [пер. с итал.] // Эко У. Имя Розы. – СПб. : Симпозиум, 1999. – 686 с.
17. Ясперс К. Духовна ситуація часу / Карл Ясперс // Зарубіжна філософія ХХ ст. – К., 1993. – С. 100–114.
18. Ясперс К. Про сенс історії / Карл Ясперс // Сучасна зарубіжна філософія : течії і напрями. – К. : ВАКЛЕР, 1996. – С. 184–210.
19. Norman F. Cantor «Modernism», Twentieth-Culture Modernism to Deconstruction / Frank Cantor Norman. – New York : Peter Long, 1988. – 472 p.

«МОДЕЛЬ ЛІРИЧНОГО СВІТОВІДЧУТТЯ» В УНІКАЛЬНІЙ КОНСТРУКЦІЙ МОДЕРНІСТСЬКОЇ НОВЕЛИ

У кінці ХІХ – поч. ХХ ст. спостерігається тенденція до самоусвідомлення особистості, яка супроводжувалася емоційним освоєнням ситуації, тож закономірно, що українська література цього періоду – це література глибокого ліризму, сентименталізму, плачу [13]. Для ментальності українського народу характерне переважання почуттів та емоцій над інтелектом і волею. У чутливості, емоційності як домінуючих рисах української ментальності професор Є. Онацький вбачав «прикмету нашої національної вищості, “дар Божий”» [11, с. 36]. Важливою ознакою української ментальності є також інтровертність психічних функцій у сприйнятті та ставленні до навколишньої дійсності, що знаходить вираз у зосередженості особи (народу) на проблемах свого внутрішньо-індивідуального світу. Водночас інтровертність українця – це «не замкнення в собі, а спрямування у себе» [18, с. 295].

Закономірно, що письменники зосереджувалися на образі «внутрішньої людини», передаючи крізь призму її душі оцінку, сприйняття й розуміння довколишнього світу. Ліричне розрізняють «як специфічний тип художньої діяльності, який включає в себе, по-перше, певний спосіб ліричного переживання світу письменником, а по-друге, відповідний спосіб художнього моделювання світу як структурно-функціональної цілісності» [6, с. 34]. Це поняття стосується також епічних і драматичних творів, посилюючи суб'єктивне бачення світу, пом'якшуючи епічну основу прозового твору.

Це питання достатньо висвітлене в українському (О. Потебня, І. Франко, О. Білецький, В. Брюховецький, В. Іванишин, О. Забужко, І. Качуровський, В. Мацапура, А. Ткаченко, Н. Шумило, та ін.), російському (С. Аверінцев, М. Бахтін, Л. Гінзбург, Б. Корман, Ю. Лотман, О. Огнєв, Г. Поспєлов, Т. Сільман, В. Халізов та ін.) та зарубіжному літературознавстві (М. Ласло-Куцюк, І. Матушевський, Ц. Тодоров). В. Халізов, зокрема, так визначає ліризм: «Ліризм – це підвищена емоційність, що виражається у мові автора, оповідача, персонажів» [16, с. 198]. Тлумачення українських дослідників (Р. Гром'яка, Ю. Коваліва та ін.) суголосні з думками російських учених, хоча вони бачать ліризм ширше: як пафосно-стильову ознаку (емоційність, схвильованість, сердечність) естетичного сприйняття дійсності, найбільш притаманну ліричним творам, менше епічним і драматичним, та в загальному значенні як піднесено-емоційне переживання будь-якої події чи явища [9, с. 403]. Спільним у всіх термінологічних визначеннях є тісний зв'язок ліричних родових ознак з емоційним переживанням, експресією, чуттєвістю, пафосом, сугестивністю.

Потужна хвиля ліризму, що так увиразнилася на межі ХІХ–ХХ ст., не є пріоритетною для української літератури, вона притаманна й російській літературі, і більшості східнослов'янських. Так російська дослідниця К. Муратова означила ліризм як одне з дійових засобів розкриття світорозуміння автора й зображуваної ним людини [7, с. 21]. О. Васін-Макаров «життєву властивість російських людей» назвав «народним ліризмом», який є не просто ознакою, а «реальною практичною народною філософією (нехай і не сформульованою), що стала основою народного характеру й визначила історію Росії». На його думку, це врешті-решт тип життя, у якому переважає «не дія, а почуття, мрія» [4, с. 2]. Отже, ліризм – спільна природна й національна ознака не тільки української, а й російської літератури.

Посилення стихії ліризму спричинило до перебудови усєї генологічної системи. Найбільш чутливими до змін виявилися новелістичні жанри (ескіз, етюд, образок, поезія в прозі) і власне новела, у якій увиразнювалося суто ліричне бачення світу: заглиблення в духовний світ ліричного суб'єкта, який формує предметний світ не за об'єктивною логікою цього світу, а за логікою руху власної свідомості, яка творить свій світ. Важливу роль стала відігравати поетика самого висловлювання ліричного суб'єкта: це «різні форми його сегментації, т. зв. «ліричного членування» (Н.Т. Римар), яке реалізується порушеннями «лінійної логіки» повісткування, повторами слів і фрагментів тексту, анахроніями (Ж. Жаннет), поверненням думки до одних і тих же предметів і спогадів, рухом за асоціаціями, що створює сугестивні ефекти, «атмосферу», особливий інтонаційний лад і ритм, які часто більше увиразнюють ліричне «я», аніж просте висловлювання» [14, с. 112].

Висновок очевидний: новелу порубіжжя цікавить не розгорнутий у часі й просторі характер, а емоційний стан героя. Така художня настанова формально реалізується у посиленні суб'єктивності повісткування, видозмінюючи й сам жанр новели. Жанрова структура новели допускає таку трансформацію. Епічні елементи (події, характери) розчиняються в потоці асоціацій, ліричних відступів, які переміщуються нібито всередину повістувальної свідомості й обрамляються нею. Суб'єкт повісткування, який є композиційним центром уваги, впливає на новелістичну структуру, яка, будучи «сукупністю факторів художнього враження» (М. Бахтін), характеризується «виходом у незавершену дійсність» (Н. Шумило); фрагментарністю; непослідовністю побудови елементів зовнішнього й внутрішнього плану; несподіваним початком (навіть – кульмінацією); абруптивним закінченням чи взагалі відкритим фіналом.

Ліризм властивий новелістиці багатьох українських митців: С. Коваліва, В. Стефаніка, М. Черемшини, М. Коцюбинського, Ольги Кобилянської, С. Яричевського, Г. Хоткевича та ін. Для російських письменників порубіжжя ХІХ–ХХ ст. ліризм теж був не тільки одним із прийомів нової техніки письма, а й складником «колективно несвідомого», ментальною й національною прикметою. Тож всеохопний ліризм є суттєвою ознакою, на

підставі якої можна говорити про типологічні паралелі в модерністській новелі письменників двох історично, суспільно, психологічно споріднених літератур.

Новелістика С. Коваліва, маловідомого широкому загалу письменника, є багатою на інтерпретаційні можливості й подібності з аналогічними жанрами російських митців. Його стильові пошуки суголосні з основними тенденціями часу – посиленням ліризації й поглибленням психологізму. У творах, які можна кваліфікувати як різновиди модерністської новели («Замість», «Паска», «Моя перша їзда силою пари», «Завіщане», «На Дрімайловім пустарищу», «Кум з маленької хати», «Сільські звіддарі» та ін.), наявний всеохопний ліризм: митець добирає таку манеру оповіді, що дозволяє йому фіксувати рефлексії персонажа, подавати їх як складне мереживо життєвих відчуттів і вражень, коли подійний план фактично переходить у внутрішній.

Наскрізно ліричним є безсюжетний настроєвий «образок з життя» «Замість». У ньому автор відтворює рух рефлексії героя (він відповідає ліричному «я» у поетичному творі), що є «рухомим співвідношенням між зображеною ситуацією і її баченням та оцінкою» (Н. Тамарченко). Крізь призму бачення війта Михайла Кужівки подається заметене снігом убоге село, обідране ексекуторами до нитки: «Дивиться Михайло на світ божий... Та який-то нині той світ божий?» [8, с. 461]. Він такий, ніби його «малий дівчачок змалював вуглем на комині». Героєм оволодіває мінорний настрій, коли йому відкривається сільський пейзаж, що нагадує цвинтар, у якому не видно жодної людини і ознак життя, тільки «ряди білих куп, то більших, то менших» [8, с. 461]. Житла й люди в асоціації Михайла Кужівки – деталі мертвої природи: «ні деревинки, ні плотика, чотири сотки номерів задуло, присипало снігом, ... ані з одної купи не куриться» [8, с. 461]. Лише хрести «святої церкви» показують сільському начальникові, що «тут тисячі голодних черев загребаних під снігом; що тут благовірні християни враз зі своїм імінечком дриголять, куляться, скрегочуть зубами з голоду та студені» [8, с. 461]. Кожна сільська картина відбивається відчуттям нестерпного болю в душі Михайла Кужівки. Зорові враження переходять у глибокі переживання, які викликають зливу думок і емоцій.

У всіх речах і діях домінує сум і скорбота, через що вже в першому абзаці з'являються реквіємні нотки, які увиразнюються почуттєвими висловлюваннями героя: «Яка ж там біда панує в тих засипаних снігом «конскрипційних нумерах, коли з них навіть не куриться?». Роздуми війта обертаються навколо селянської недолі, навколо «крайньої розпуки» і «опириці-нужди», що «розгостилася по кутах у кожній хаті» [8, с. 461].

Таким чином, оповідь у дусі «потоків світосприйняття» ліризує твір, наповнює його животворним духом, співчуттям. Схожими сумними мотивами й ліричним настроєм з новелами С. Коваліва перегукується новела-реквієм Т. Бордуляка «Передновок» (1911). Похмурістю фарб, силою чуття вона суголосить і з новелою Марка Черемшини «Село вигибає» (1925) про «галицьке пекло», про загибель західноукраїнського села. Справді, ці

твори сприймаються майже як народні плачі чи журливі народні пісні. У них помітним є авторське прагнення з максимальною повнотою передати всю багатоманітність вражень, відчуттів, образів, зовнішніх сигналів і асоціацій, які співіснують, переплітаються в свідомості героя.

Перехід у кінцевій ліричній події «суб'єкта мовлення від простої рефлексії до акту самосвідомості» [1, с. 249] спостерігається й в кращих зразках новелістичних жанрів І. Буніна кінця ХІХ – початку ХХ ст.: «В поле» (1895), «Новый год» (1901), «Туман» (1901), «Костёр» (1901), «В августе» (1901), «Тишина» (1901), «Осенью» (1901), «Заря всю ночь» (1903), «Сосны» (1901), «Антоновские яблоки» (1900), «Руда» (1901), «Новая дорога» (1901) та ін. Скажімо, у новелі «В поле» ліричний настрій є наскрізним, він, як «цемент з'єднує далекі один від одного образи, сцени, символи, в єдину художню цілісність, надаючи їй однакового колориту і скеровуючи їхню силу впливу в одному напрямі» [19, с. 100]. Функції ліричного героя на себе перебирає не герой, як у Коваліва, а оповідач, якому автор надає право висловлюватися від свого імені, бо настільки асимільований у внутрішній світ наратора, його думки й почуття, що дозволяє артикулювати йому своє ставлення до зображуваного через експресивно-стильові форми поетичного вираження. У хуторі, названому пафосно-промовисто «Лучезаровкою», усе антиномічне до семантично заявленого топоніму, все руйнується й приходить у запустіння: «Шумит, как море, ветер вокруг неё, и на дворе, и на дворах, по высоким белым сугробам, как по могильным холмам, курится позёмка» [3, с. 106]. Лірико-філософське споглядання наближає наратора-протагоніста до предмета зображення й збільшує міру проникнення його схвильованості в текст, що вибухає неприхованим сумом: «И кажется, что усадьба вымерла: никаких признаков человеческого жилья, [...] ни одного следа на дворе, ни одного звука людской речи! Всё забито снегом, всё спит безжизненным сном под напевы степного ветра, среди зимних полей» [3, с. 107].

Такий метафоричний образ мертвої «усадьби» І. Буніна перегукується з ніби похованим під саваном («сніговим покривом») селом С. Коваліва, посилюючи типологічний збіг художньо-образної структури їхніх творів й увиразнюючи настрій, яким вони пройняті. Люди в «Лучезаровке» почувуються «загубленими в печалі своєї покинутості» [12, с. 214]. Сумний настрій створюється й уведенням у текст «печального романса», слова якого увиразнюють мотив самотності, туги за минулим, що «прошло, пролетело», тож «грустные думы клонят голову» и «печальной удалью звучит песня» [3, с. 115]. Настрій очікуваного свята («Завтра большой праздник...», «Завтра Рождество...») і радості від нього ніби свідомо руйнується концентрацією метафор: «не смолкая бушует метель», «ветер бушует и рвёт крышу», «бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле позёмки», «зимние степные ночи», «метель бушует кругом». Нагнітання відчуття холоду і байдужої безмежності рівнини формує необхідний письменнику мотив самотності, який закріплюється фразою: «... чувствуешь себя затерянным в пустыне, среди вечных северных сумерек...» [3, с. 106]. «Лучезаровка»

перетворюється в символ занепаду, вмирання й, усупереч назві, не випромінює світло, тепло, а сіє розруху й смерть, що в кінці твору «озвучується» гуркотом падаючої з покрівлі цегли, поваленого вітром комина та репліки наратора: «Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от Лучезаровки» [3, с. 118]. Емоційне та конкретно-описове тло, підпорядковане авторському задуму, впливає на жанрову структуру твору, організовуючи в єдину цілісність усі його компоненти.

Новели Коваліва й Буніна споріднює меланхолійно-елегійний настрій; хоча способи творення його різні, та мотивація схожа – суспільні явища й соціальні обставини. Спільним у творах є й мотив смерті, який оприявнюється через нагнітання образу «танатичної» дійсності й адекватно передає дух тієї доби, – дух розкладу, руїництва, котрий уже витав у повітрі як передчуття майбутніх суспільних катаклізмів. Між названими творами й новелою Буніна «Новый год» існує також чимало паралелей, які співвідносні з ліризацією малої прози порубіжжя. У ній ліризм проявляється через суб'єктивну, виражальну «Я (ми)-форму» присутності автора, а оповідь від першої особи фіксує ліричного суб'єкта (суб'єктів) як носія мови й основної точки зору на світ та його оцінки у творі, тобто подієвий план письменник переводить у внутрішню, осмислюючу події сферу. Чуттєво-емоційний світ наратора постає не тільки як рецепція соціальної нерівності («<...> на сто верст в окружности нет ни одного дома, где бы чувствовалось что-нибудь живое! А в деревнях – голод...» [3, с. 247], а і як онтологічна проблема, що поступово переходить в екзистенційну площину, поєднуючись із темою природнього буття. Утомлені від міського життя й цивілізації, випадково опинившись у новорічну ніч у своєму родовому гнізді, чоловік і жінка, уже немолоде подружжя, упадають у дитинний стан, чуттєво-радісно сприймають довкілля, їм усе видається казково-прекрасним. Такі позитивні емоції, піднесені настрій «примиряють» їх і спричиняють переворот у їхніх душах: їм захотілося кохати, співати, читати вірші. Та герої не тільки радіють щасливій миті, а й охоче піддаються рефлексіям про минуле й тлінне в людському існуванні, думають про таємницю життя, загадку смерті. Саме ці рефлексії й відіграють основну структурно-композиційну роль у новелі, роблять її безфабульною, настроєвою, філософічною.

Ліризм Буніна насамперед вияскравлює духовний аспект людського існування. У новелі «Антоновские яблоки» (1900) посилюється ліричне начало, позаяк головне місце посідає суб'єкт повісткування – автор-оповідач. Він – єдиний «наскрізний» герой, який органічно з'єднує в єдине ціле всі чотири частини (глави) твору елегійно-меланхолійним настроєм. Епічні моменти розчиняються в потоці асоціацій, ліричних відступів, спогадів, вони поміщаються нібито всередину оповідної свідомості, обрамляються нею. Структурною особливістю новели стає двоплановість, яка сконцентрована в зовнішньому плані (предметні образи) і внутрішньому, де «образи не співвідносяться, а ідентифікуються, проростають один в один, створюючи цілісний і водночас багатозначний образ-символ, що допускає різні

прочитання» [10, с. 26], а аромат антонівських яблук стає ліричною домінантою й перетворюється в символ поетизації минувшини з її красою, вітальною силою та високою духовністю, яку мають успадкувати нащадки.

Мотив ностальгії, прощання з минулим превалює й у новелі Буніна «Руда». Як поріділий осінній сад в «Антоновских яблоках», так і змінений вигляд беріз і виснаженого житнього поля створюють настроєву атмосферу «Руди»: нові люди, що з'явилися в степу, «без сожаления топчут редкую рожь», «без сожаления закидывают её землёю, потому что ищут они источников нового счастья, – ищут их уже в недрах земли... скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути... поднимется город на месте дикой деревушки» [2, с. 198]. Продовжує цю тему Бунін у новелі-нарисі «Нова дорога». Глибоким ліризмом пройняті сумні роздуми, переживання вразливого, високоінтелегентного наратора, що мандрує щойно побудованою залізницею в глибину Росії, про майбутнє її глухих лісів і злиденних селищ, про долю народу, який відмежований глибокою прірвою від великого світу, що потопає в розкошах і торжествах. Окремі епізоди, фрагменти, які здаються ніби розрізненими, єднають емоції автора: вражений побаченням, він відверто переходить від рефлексій про народ до розмірковувань про свою, особисту долю: «Какой стране принадлежу я, одиноко скитающийся? ... Что общего осталось у нас с этой лесной глушью? Она бесконечно велика, и мне ли разобратся в её печалях, мне ли помочь им? ...» [3, с. 210]. У новелі зливаються воєдино роздуми автора-оповідача про Росію, про майбутнє російського народу після руйнації старого, патріархально-поміщицького та дворянського укладу, та невизначеність ролі й місця інтелігенції в ньому.

Особливої уваги в ліричній прозі надається картинам природи. Лірична стихія, яка в епічних творах лише офарблювала пейзажі, у модерній новелі як найбільш суб'єктивованій формі епосу стала організуючим фактором, пронизавши повістувальне начало, коли сам оповідач готовий розчинитися в природній стихії. Важлива роль у настроєвих пейзажах відводиться місяцю. Якщо в новелах Буніна місяць є свідком радісних подій («Новый год», «Заря всю ночь») і вписується в символістський контекст «настрою світанку» («настроения зорь»), що спрямований у майбутнє, то в новелах Ольги Кобилянської зовсім інша настроєва функція місяця як астрального тіла й частинки природи Всесвіту: він більше тяжіє до декадентської естетики «сутінків і ночі», символізуючи ситуацію помежів'я, коли космічна цілісність світу розпалася й набули чинності сили хаосу, сили розбрату, розпаду, ентропії. Тому письменниця звертається до образу місяця в кульмінаційні, напружені моменти буття й тоді він стає незмінним обсерватором трагічних і драматичних подій, як, скажімо в ситуації, коли Ганнуся з Мартою при місячному світлі чекають повернення Софії того вечора, коли урвалася струна на її інструменті («Valse melancholique») і «розірвалося» її серце; або ж коли Параска подорожує до чортівського млина, і на небі з'являється місяць («Некультурна»); чи коли Матфей копає гріб своїй дружині саме в місячну ніч («А господь мовчить»);

або у випадку, коли коїться страшний злочин – дружина вбиває свого чоловіка й відтягає його з дітьми на город теж при світлі місяця («Огривай, сонце!»); у новелі «Місяць» це астральне тіло набуває рис спостерігача за загибеллю невинної жертви й активно її віддзеркалює.

Отже, постулюючи ідеї гармонізації людини й природи, людини й Всесвіту через такий, здавалося б, незначний, малопримітний образ-символ місяця, Бунін, на відміну від Кобилянської, виражає оптимістичне світосприйняття й, рухаючись у напрямку від неорганізованого хаосу до впорядкованого космосу, готовий подолати «межі» між ними. У контексті сказаного слушними видаються спостереження дослідників про те, що світло заповнює бунінський світ, усього торкається, на всьому відблискує, усе змінює. Поняття світла асоціюється із поняттям самого життя – щастя [15, с. 104–105].

Елегійне захоплення природою, возвеличення її первісної краси, що не зводиться до об'єктів опису, а виражається в тональності, настрої, характері світосприйняття й реалізується в площині суб'єктивної чуттєвості героя, – споріднює твори І. Буніна й Г. Хоткевича. Ця настроєва типологія виникла не випадково, її вперше помітив І. Денисюк. Учений, відзначаючи факт творення Хоткевичем жанру акварелі як різновиду новелістичної продукції порубіжжя, наголошував, що хоч у російській та білоруській прозі немає творів з жанровизначальною дефініцією «акварель», проте багато етюдів І. Буніна, Ш. Ядвігіна фактично мають її атрибути [5, с. 25].

Збірка «Гірські акварелі» (1914) українського письменника складається з новел та нарисів, роздумів-медитацій, об'єднаних у єдиний цикл місцем і настроєм, особливою музичністю й ліризмом. Людина в акварелях Хоткевича, як і в Буніна, завжди в настроєвій єдності з природою. Функція ліричного героя аналогічна до ліричного суб'єкта в поезії: він висловлює свої враження від величної природи Карпатських гір, глибоко переживає цю красу як справжній патріот, генетично залюблений у все рідне, живе й красиве. У цей емоційний потік уплітаються філософські роздуми про вічну боротьбу добра і зла, непримиренність еросу й танатосу. Від особистісних переживань і вражень герой Хоткевича, як і Буніна, переходить до осмислення проблем масштабних, національно-історичних, висловлюючи віру в потенційні можливості й духовну силу народу. Так в етюді «Черемош» образ могутньої гірської ріки набуває значення символу й викликає думки протагоніста про не менш потужні сили людського духу й розуму, які здатні породити творця, теурга, що міг би силою свого таланту потрясати людей, як Черемош гори.

Різномастрєвою, різнокольоровою й чуттєвою постає перед читачами галерея образів природи, які складаються з колористичних деталей і запам'ятовуються завдяки звуковим, зоровим враженням героя, посилюючи ліризм і настроєвість циклу. Оповідач Хоткевича, як і Буніна, розчиняється в природній стихії. Різні природні звуки й шуми, то грізні й сумні лісові, то розмірені, спокійні і радісні гірських потоків (етюди «Два шуми», «З гір потоки»), викликають паралелі з людським життям, навіюють оповідачеві думку про долю людини, у якій чергуються смуги чорні й білі – смутку і

радощів, туги й веселощів. Спостерігаючи за красою смерічки, яка виростає з намулу незабрудненою, «збереженою і дівочу чистоту несе в собі», він звертається до неї з проханням: «Навчи мене, навчи мене, смерічко, бути таким, як ти. З dna життя, з брудів і болю, щоб умів вирости до сонця і усміхнутися світові» [17, с. 300].

Таке одухотворення природи через її «безпосереднє спостереження, через своєрідне «злиття» стану душі героя й стану навколишньої природи (те, що Л. Андреев назвав «об'єднанням ліричного героя і пейзажу в якійсь єдиній істоті, котра, лишаючись природою, стає «людиною»»), спостерігається у всіх творах циклу. Тож ріки, потоки, ліси, гори в акварелях Хоткевича є не тільки картинним зображенням природи, а й своєрідним тлом для відтворення внутрішніх рефлексій персонажа й складовою його душевних переживань. У Хоткевича, як і в Буніна, подіям і вчинкам персонажів передують «модель ліричного світовідчуття» (Т. Гундорова). Це і є однією з важливих ознак, яка відрізняє модерністську новелу від її канонічного зразка.

Опоетизовано сприймаючи природу, Хоткевич загальною настроєвістю «Гірських акварелей» прагнув показати, що карпатська природа плекає українську душу, визначаючи склад українського народного характеру: чуйність і доброту, замріяність і журбу, якусь незбагненну глибину, яка допомагає витримати всі випробування долі. Подібні думки прочитуються й у новелах Буніна, який намагався осмислити російський народний характер, що бере витoki в російській природі, то грізній і бурхливій, то спокійній і лагідній.

Підсумовуючи, акцентуємо, що новела порубіжжя в українській і російській літературах була найтипівішою жанровою формою, у якій простежується процес ліризації прози й здатність її до оновлення й експериментування. Типологія ліризму як однієї з визначальних ознак модерністської новели в обох літературах показала спільність природи ліризму, продемонструвала руйнацію генологічної структури канонічної новели, у якій фабульність ослаблювалася й естетичною домінантою ставав настрій і суб'єктивне чуття.

Література:

1. Бройтман С.Н. Лирика // Филологический журнал. 2006. № 1 (2). С. 249.
2. Бунин И.А. Собр. сочинений: в 9 т. Т. 2. М., 1965–1967.
3. Бунин И.А. Собр. сочинений: в 5 т. Т. 1. М., 1956.
4. Васин-Макаров А. Антология русского лиризма. XX век. М., 2004.
5. Денисюк І. Українська новелістика кінця XIX – початку XX ст. К., 1989.
6. Забужко О. Ліричне як спосіб художнього моделювання дійсності // Радянське літературознавство. 1986. № 6. С. 33–41.
7. История русской литературы: в 4 т. Л., 1983.
8. Ковалів С. Твори. К., 1958.
9. Літературознавчий словник-довідник. К., 1997.
10. Наливайко Д. Французький символізм як зміна метамови європейської поезії // Слово і Час. 1998. №7. С. 23–27.
11. Онацький Є. Українська емоційність // Українська душа: Зб. наук. досліджень. К., 1992. С. 36–47.
12. Рішар Жан-П'єр. Смерть та її постаті // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. Львів, 2001. С. 209–226.

13. Рудницький Л. До феномена української літератури // Українознавство. Електронне фахове видання, 2001. <http://www.ualogos.kiev.ua>.
14. Рымарь Н.Т. Лирический роман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
15. Спивак Р. «Живая жизнь» И. Бунина и Л. Толстого (Некоторые стороны эстетики И. Бунина в свете традиций Л. Толстого) // Учёные записки Пермского университета. Пермь, 1967. Т. 155. С. 104–105
16. Хализев В. Теория литературы. М., 1999.
17. Хоткевич Г. Твори: в 2 т. Т. 2. К., 1966.
18. Янів В. Нариси до історії української етнопсихології. К., 2006.
19. Matuszewski I. Stowacki I nowa sztuka (Modernizm). Warszawa, 1911.

Спиридонов А.В.

*Ассистент кафедры современного русского языка и методики преподавания
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Казань, Россия*

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ АКСЁНОВА

Современная эпоха преобразований в различных сферах жизни характеризуется значительными изменениями в языке, прежде всего, на его лексическом и словообразовательном уровнях.

Проблема возникновения и употребления новых слов, в том числе и окказиональных, интересовала лингвистов всегда. В настоящее время в дериватологии активно изучаются семантические типы, модели и способы образования окказионализмов (Н.Г. Бабенко, Н.Д. Голев, Т.В. Попова). Однако их функциональные особенности до сих пор остаются недостаточно разработанной областью лингвистической стилистики.

В этой связи предметом нашего исследования стали основные функции индивидуально-авторских новообразований В. Аксёнова, извлечённых из его романов «Редкие земли» и «Новый сладостный стиль».

Рассмотрим основные функции окказиональной лексики. На наш взгляд, они соотносятся с функциями лексических единиц и языка в целом, среди которых наиболее частотными являются экспрессивная, игровая, стилистическая и компрессивная. Если выделение последних у большинства ученых не вызывает сомнений, то реализация номинативной функции в окказиональных словах, несмотря на ее базовый характер, многими исследователями подвергается сомнению. Данной точки зрения придерживаются, например, С.В. Ильясова, Р.Ю. Намитокова, А.Г. Лыков. Так, Лыков А.Г. говорит о номинативной факультативности (необязательности) как признаке, указывающем на характер номинации окказионального слова в отличие от номинации канонического слова, так как за таким словом в языковой классификации неязыкового мира действительности с обязательностью не закреплен ни один из ее «кусочков» [4, с. 25].

Другие исследователи (Н.А. Николина, И.С. Улуханов) полагают, что окказионализмы в полной мере способны выполнять номинативную функцию. Отсутствие однословного обозначения какого-либо явления И.С. Улуханов предлагает рассматривать как лауну при наличии коммуникативной необходимости в таком обозначении [6, с. 16]. В частности, анализируя словообразовательную лаунарность, он полагает, что отсутствующие производные слова в русском языке – своего рода «пустые клетки» – могут быть заполнены новыми лексическими единицами, образованными по узуальным или окказиональным словообразовательным моделям [6, с. 203-204]. Н.А. Николина, говоря о такой разновидности окказионализмов, как дефисные комплексы, отмечает, что подобные конструкции «выступают в собственно номинативной функции. Они служат терминологическим обозначением жанров, новых явлений в искусстве, художественных приемов, выделяемых понятий и т.п.» [5, с. 468].

Какие же виды номинаций представлены в окказиональной лексике В. Аксёнова? Авторские новообразования в текстах писателя могут выступать в собственно номинативной функции, т.е. с помощью данного типа языковых знаков может передаваться информация о мире. Так, в романе «Новый сладостный стиль» у писателя возникает необходимость назвать одного из представителей многочисленного семейства Корбахов: *Затем настала очередь самого молодого **корбахёнка*** (НСС, 157). Здесь с помощью суффикса *-ёнок-* со значением незрелости создается нарицательное существительное для наименования младшего представителя семейства Корбахов, ср. *цыганёнок, пацанёнок, октябрёнок, поварёнок, негритёнок* и др.

Приведём следующий пример: *Овал ее лица частично скрыт драгоценным мехом. Ну вот, скажут из вашего числа **антиаксёновисты**, еще одна красивая баба!* (НСС, 301). «*Антиаксёновисты*» в данном контексте – это критики творчества В. Аксёнова. Как известно, при помощи суффикса *-ист-* от имён собственных образуются существительные со значением ‘лицо по объекту изучения’ (пушкинист, иранист, болгарист) или ‘лицо по отношению к общественно-политическому, научному или религиозному течению’ (дарвинист, марксист). Префиксоид *анти-* вносит в словообразовательную структуру окказионализма значение отрицания, в нашем случае – «критика, неприятие творчества В. Аксёнова».

Рассмотрим реализацию номинативной функции у имен существительных, обозначающих абстрактные действия. *Самым замечательным в этой работе было то, что после суточного дежурства о ней можно было на двое суток забыть. В эти свободные дни иногда, стараниями Тиха Буревятникова, подворачивалась недурная шабашка в основном по части ружинга, то есть **крышепокрытия** эмигрантских жилищ* (НСС, 93). В русском языке для обозначения данного действия используются словосочетания «крыть крышу», «менять крышу». Автор в этом случае создает сложное новообразование с отвлеченной семантикой,

образованное по модели «крыша + покрыть + суффикс *-uj-*». Перед нами – буквальный перевод иноязычного слова (в английском языке *roofing* от *roof* – ‘крыша’). Однако следует отметить, что заимствованное слово *руфинг* имеет в русском языке другое значение – ‘лазанье по крышам’.

Проанализируем следующий контекст: *В романостроительстве предварительно заготовленные чертежи нередко полностью опровергаются* (НСС, 333). Аксёнов для обозначения процесса создания художественного произведения создает окказионализм с отвлеченной семантикой, образованный по модели «роман + строитель + суффикс *-ств(о)-*».

Наконец, номинативная функция в чистом виде может встречаться у имен существительных, обозначающих предметы: *Хозяин вышел, клиент снял куртку с тяжелым внутренним карманом (правильно, сударь, – браунинг) и только стащил с одной ноги джинсину, как тут в примерочную снова просунулась голова Агамика с ее отменными, в карандаш толщиной, усиками* (НСС, 128). По аналогии со словом *штанина* с помощью суффикса *-ин-* писатель создает окказионализм *джинсина* (от *джинсы*) со значением ‘одна из одинаковых частей, составляющих предмет, названный мотивирующим словом’.

Индивидуально-авторские новообразования могут использоваться для того, чтобы дать свое собственное, а именно оценочное наименование той или иной реалии. Это связано с отказом от жесткой дефиниции, с попыткой автора отобразить работу своей мысли: *“Мы, кажется, еще не рисовали для вас портрета Дика Путни, этого всемогущего производителя разного рода киновздора, да в этом и нет особой надобности”* (НСС, 431). Окказионализм *киновздор* в этом контексте позволяет выразить отрицательную оценку низкокачественных продуктов киноиндустрии.

В современной художественной речи окказионализмы используются как средство обозначения понятий, не имеющих в языке однословной номинации: *... Вся эта зловещая игра кружилась вокруг быстро возникающих и стремительно возвышающихся олигархических корпораций. В одночасье, а то и в одноминутье, создавались миллиардные капиталы* (РЗ, 119). Окказионализм *одноминутье* (вместо словосочетания *в одну минуту*) построен по той же словообразовательной модели, что и слово *одночасье* – внезапно, неожиданно. В силу необычности своей внутренней формы новообразование *одноминутье* является более экспрессивным.

Большинство окказионализмов в романах Аксёнова параллельно с номинативной выполняют и другие функции, и в первую очередь, эмоционально-экспрессивную, заключающуюся в способности человека передавать с помощью языка свои чувства, эмоции, переживания. «Окказионализм <...> представляет собой один из эффективных приемов реализации авторской установки, повышения экспрессивности и адресованности текстового целого» [1, с. 14].

В процессе анализа установлено, что многие из окказионализмов обладают отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской.

Рассмотрим следующий контекст: *Никаких камней не было видно, просто оттуда по пляжу и по мелководьям отлива двигалась к нам какая-то внушительная мотораскоряка, что-то вроде военного внедорожника «Хамви»* (РЗ, 45). В выделенном окказионализме отрицательная оценка является эксплицитной, так как вторая часть сложного слова *раскоряка* с разговорно-просторечной окраской заключает в своем значении однозначно негативную оценку. «*Мотораскоряка*» в представленном контексте – это ‘автомобиль больших размеров, не соответствующий стандартному типу автомобилей, представляющий угрозу как для водителя, так и для пешеходов’; ср. другую подобную номинацию в этом же романе: *Надо немедленно пресечь жажду юнца оседлать его зловещего мотоосла! Не знаю: почувствовал ли Ник, что я опасаясь за его жизнь? Внешне эта его каталка выглядит не более угрожающей, чем комнатный пылесос <...> однако и пылесосы ведь могут быть чреватые коротким замыканием!* (РЗ, 46). Окказионализм *мотоосёл* образован по модели сложного слова, компоненты которого представляют собой разностилевые элементы.

Проанализируем другой пример: *Одеты все в подогнанные костюмы с ненавязчивыми галстуками, и вот вчерашнему отморозку становится не по себе в том, чем вчера гордился, то есть в тренике из жатого шелка и с большим, как бы отсекающим подколенным дизайном; вдруг начинает ощущать какую-то общую недомытость* (РЗ, 121). В этом случае новообразование *недомытость* образовано от прилагательного *недомытый* при помощи суффикса *-ость*. Оно обозначает отвлеченный признак, названный мотивирующим прилагательным. Значение данного окказионализма – это ‘ощущение грязного тела, неряшливости, неаккуратности, несоответствие общепринятым нормам одежды’.

Номинативная функция в ряде случаев может осложняться магической. Данная функция основывается на том, что, изменяя слово, автор пытается трансформировать реалию, им обозначаемую. «Магическая функция основывается на вере человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет» [3, с. 7].

Так, в «Редких землях» один из персонажей ко всем словам добавляет компонент *нео-*: «...мне захотелось, чтоб мир начинался на „нео“: **неомир, неодень, неожизнь!** Неолит — со следами костей и улиток, неофит — от пещерных камней до калиток. **Неосвет, неодим, неомир!** Пусть он будет всегда неоткрытым, необычным и необжитым. О, мое новое „нео“! Мое озаренье мгновенное — небо необыкновенное!» (РЗ, 342). Префиксоид *нео-* вносит в семантическую структуру слова узуальный смысловой компонент ‘новый’. Последовательное употребление в ряду однородных членов данных единиц создает эффект преобразования окружающего мира.

Наряду с номинативной функцией, окказионализм может выполнять функцию языковой игры, когда говорящий или пишущий «играет» со словом, придавая речи эмоционально-экспрессивный характер.

Проанализируем следующий контекст: *Она нередко посещала с дюжиной своих внуков классический версальского стиля парк своей подруги, где они невинно резвились, охотясь на все тех же стрекоз и до сей поры еще не упомянутых летучих существ **кобыу*** (РЗ, 416). В этом отрезке текста описано насекомое, которое, по версии автора, до сих пор неизвестно науке. Игровой эффект здесь создается за счет сочетания четырех гласных звуков, возможно, благодаря имитации звуковой организации других языков, например, финского или эстонского. С другой стороны, лексему *кобыу* можно рассматривать и как звукоподражание, т.к. данное существо, скорее всего, издает подобные звуки.

Языковая игра может реализовываться и в ойконимах, т.е. в именах собственных, обозначающих географические объекты: *«Есть такой штат **Очичорния**, возле Калифорнии, или его там нет и в помине?»* (НСС, 40). Создавая новообразование *Очичорния*, автор не только дает название административному округу, но и подчеркивает его особенности: в нем проживает много русских. Кроме того, здесь, наряду с номинативной и игровой, реализуется также интертекстуальная функция (отсылка к одному из самых известных в мире русских романов «Очи чёрные»). Прецедентный феномен позволяет Аксёнову представить участников диалога – читателя и автора – как культурных единомышленников.

Рассмотрим другой подобный контекст: *Итак, к концу шестой части, в начале восьмидесят седьмого года, наш герой отметил прохождение середины романа переездом в столицу нации город Вашингтон, который прижившиеся там русские эмигранты именуют **Нашингтоном*** (НСС, 222). Перед нами ойконим *Нашингтон*, «русский вариант» названия столицы США, свидетельствующий о том, что в этом городе живёт много «наших», то есть существует обширная русскоязычная диаспора. Окказионализм образован с помощью контаминации, т.е. взаимодействия близких по значению или по звучанию языковых единиц, приводящего к возникновению новых единиц или к развитию у одной из исходных единиц нового значения (Вашингтон + наши = *Нашингтон*).

Номинация с элементами игры может быть представлена в антропонимах. В одном случае перед нами человек: *Перед камерой этот обожравшийся миллионными гонорарами **Актер Актерыч** иногда вдруг по какому-то наитию находит единственно нужный тон* (НСС, 436); в другом – предмет (шоколад): *А вот вам и **Шоколад Шоколадович**, этот с орехами, «Фантазия», что ли, ну, с балериной* (НСС, 384). В обоих контекстах наблюдается «онимизация – создание двойного наименования по типичной для русской речевой культуры модели (имя + отчество)» [2, с. 220].

Наконец, номинативная функция может осложняться компрессивной, т.е. стремлением к краткости выражения мысли и семантической емкости. Окказионализмы могут заменять собой не только словосочетания, но и предложения. Чаще в данной функции выступают сложносокращенные новообразования: *По ним только шузня с разговорами шлепает,*

банановидные варёнки там мелькают да синие пиджаки с коваными пуговицами — униформа коопщиков, эспешников и ооощиков (РЗ, 67). *Эспешники* в тексте Аксёнова – это ‘учредители (сотрудники) предприятия любой формы собственности, созданного на основе объединения имущества учредителей (юридических и физических лиц, в том числе иностранных)’; ср.: *коопщик* (разг.) – ‘владелец кооператива’; *ооощик* (разг.) – ‘учредитель общества с ограниченной ответственностью’; *чэпэшник* (разг.) – ‘частный предприниматель’.

Компрессия наблюдается и в обычных композитах: *Долго никакого ответа не было – наверно, гады сразу бросают все письма в какую-нибудь письморубку высокой технологии, - как вдруг – звонок, не кто иной, как сам Стенли на линии!* (НСС, 58). *Письморубка* в тексте Аксёнова – это аналог *шредера* – прибора для измельчения бумаг. Словообразовательная модель данного окказионализма: «письмо + рубить + суффикс -к-», ср.: *мясорубка*.

Таким образом, окказионализмы в художественных текстах Василия Аксёнова «Редкие земли» и «Новый сладостный стиль» могут выполнять полноценную номинативную функцию (создание потенциально возможных лексических единиц, обозначение реалий, понятий, не имеющих названия в русском языке). Автор заменяет узувальное название новообразованием, что связано с постоянными языковыми поисками и преобразованиями лексем, характерными для идиостиля В. Аксёнова. Номинативная функция практически всегда осложняется другими функциями: эмоционально-экспрессивной, магической, интертекстуальной и компрессивной. Данная тенденция в полной мере соотносится с общими для языка современной литературы явлениями: возникновением семантической многомерности слова; размыванием границ между морфемами внутри лексической единицы, между словом и морфемой, словами разных частей речи, словом и словосочетанием, компонентами предложения; увеличением способов контаминации и сегментации слов, а также разнообразием языковой игры в целом.

Литература

1. Баталов О. Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: автореф. дис. канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 22 с.
2. Ильясова С.В. Олигарх Олигархович, или Словотворчество в языке современных СМИ (на материале наименований лиц) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, №6 (2). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 217-221.
3. Киклевич А.К. Двенадцать функций языка. // Мир русского слова №3/2009. – СПб: Издательский дом «МИРС» – С. 5–13.
4. Лыков А.Г. Современная лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
5. Николина Н.А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, №6 (2). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 467-469.
6. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Астра семь, 1996. – 224 с.

Источники

1. Аксёнов В.П. Новый сладостный стиль. – М.: ИЗОГРАФ, 1997. – 560 с.
2. Аксёнов В.П. Редкие земли. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.

Чайка Л. В.

*кандидат філологічних наук, доцент,
докторант Центру наукових досліджень
та викладання іноземних мов НАН України,
м. Київ, Україна*

СЕМАНТИЧНІ ДЕФОРМАЦІЇ У ВЕРБАЛЬНОМУ КОНФЛІКТІ

Одним із кардинальних понять теорії вербального конфлікту є поняття конфліктогенного фактора, тобто чинника, який породжує вербальний конфлікт. Особливістю вербального конфлікту є те, що комуніканти ніколи – або майже ніколи – адекватно не усвідомлюють ні предмет, ні об'єкт конфлікту; відбиття конфліктної ситуації у психіці комунікантів рідко відповідає реальному стану справ. Зазвичай, вони підміняють справжній конфлікт мовного або контактного характеру конфліктом психологічним [2, с. 23]. Це пов'язано з тим, що в конфлікті зіштовхуються не самі суб'єкти мовлення (ми виключаємо фізичні й такі граничні форми вияву конфлікту, як війна, терористичні акти тощо). У мовній комунікації (письмовій або усній її формах) проявляються, зустрічаються й стикаються відмінності в інтенціях суб'єктів, їх стереотипні реакції й уявлення про норми комунікації, установки на певний тип мовленнєвої поведінки й реалізації комунікативного наміру, що, власне, стає приводом для виникнення й розвитку конфлікту [3, с. 117–126]. Тому люди, тобто суб'єкти мовлення, через те, що саме вони здійснюють процес комунікації, є тільки джерелами вербальних конфліктів.

Психологи відзначають, що більша частина конфліктів виникає поза бажанням їх учасників. Відбувається це, головним чином, через особливості людської психіки, а також внаслідок того, що більшість людей не знають про ці особливості, або не надають їм значення. «Основну роль у виникненні конфліктів відіграють так звані конфліктогени, тобто слова, дії (або бездіяльність), що можуть призвести до конфлікту» [9, с. 7]. У перебігу конфлікту під впливом конфліктогенних чинників відбувається його ескалація.

Під **конфліктогенним фактором (чинником)** вербального конфлікту розуміємо явище мовної системи, яке негативно характеризує комуніканта (мовну особистість) з лінгвальної, паралінгвальної та екстралінгвальної сторін, із соціальних, культурних, етнічних, психологічних, власне мовленнєвих та інших позицій, так чи інакше пропущених через систему мови. Послідовно проводячи нашу думку про розрізнення в комунікативно-функціональному підході до мовних явищ факторів соціолінгвістичного (комунікативного), психолінгвістичного (когнітивного) та інтралінгвістичного (конструктивного) характеру, ми спробували розбити конфліктогенні чинники відповідно на три групи – соціолінгвістичні конфліктогенні фактори; психолінгвістичні конфліктогенні фактори; інтралінгвістичні конфліктогенні фактори.

Приймаючи таке позначення, ми маємо на увазі, що перша частина терміна (тобто, *соціо-, психо-, інтра-*) указує на позамовний або внутрішньомовний характер конфліктогенного фактора, а друга частина (*лінгвістичний*) – на предмет нашої особливої уваги – обумовленість вербального конфлікту будь-якої генези системою мови.

Лінійне розгортання комунікативного акту як мовленнєвого процесу (діалог або полілог) обумовлене різнопорядковими, проте взаємозалежними чинниками, лінгвістичними й екстралінгвістичними процесами. Тому пошук конфліктогенних чинників вербального конфлікту має проводитися на різних рівнях: у соціально-культурних стереотипах комунікантів, у їхніх фонових знаннях та пресупозиціях, у розбіжностях комунікативної та когнітивної компетенції, у психології статі / гендеру, віку, особистості. Крім того, природно, негативний вплив на результат мовного спілкування може спричинити характер каналу зв'язку між комунікантами, їх дистантність, присутність сторонніх осіб, спілкування через записки чи листи, телефон або Інтернет. Значну роль відіграють особливості розвитку комунікативної ситуації, включаючи психічний стан чи настрій комунікантів. Тому примарна аморфність, імпліцитність складових вербального конфлікту дозволяє виділити декілька груп несприятливих, конфліктогенних чинників, що призводять до вербального конфлікту, або потенційно здатні до цього.

Деформації значення знаку відбуваються при зміні його ідеальної сторони, таким чином, вони пов'язуються вже не із субзнаковим рівнем (як у випадку з деформаціями експоненційними), а з цілим знаком, оскільки значення мовного знаку є симультанним й недискретним. Такі деформації можуть мати своїм чинником різні сприйняття комунікантами мовних значень при незмінному «тілі знаку».

Особливо конфліктогенними, приводячи до нерозуміння й навіть до судових позовів, є різні інтерпретації термінів. Так, наш досвід свідчить про те, що, зокрема, інтерпретація терміна *income* зі сфери бухгалтерського обліку є яскравим прикладом виникнення ускладнень при переході з американської на англійську системи обліку. Британська версія значення слова *income* – це дохід як елемент фінансового звіту, що характеризує результати діяльності компанії, у той же час *comprehensive income* означає не *сукупний дохід*, а *повний прибуток* (запозичення з американських стандартів 2007), і переклад слова *comprehensive* буде більш адекватним за умов використання лексеми «повний», а не «комплексний» чи «сукупний». Позамовний аспект використання лексеми *income* пов'язується з бухгалтерською необхідністю розмежовувати прибуток фірми та прибуток власників фірми, що не дозволяє необгрунтовано підвищувати результативність економічної діяльності фірми перед очима осіб, які зацікавлені у таких результатах.

Згідно з даними психолінгвістичного експерименту, проведеного Р.Г. Піотровським, носії російської мови по-різному позначають смисл російських слів *ночь, утро, день, вечер* на 24-годинній шкалі [8, с. 137]. У між-

мовному плані подібний експеримент проводився Ч. Осгудом за методикою семантичного диференціалу [4; 5, с. 291; 6, с. 228–229]. Неоднаковість семантичного диференціала для представників різних мов та різних культурних спільнот може бути причиною виникнення вербального конфлікту. Так, наводячи слова Е. Золя ‘Я цілих десять років їв хліб’, П. Д. Боборикін додає: «Французькою “їсти хліб” означає зовсім не те, що в нас. По-нашому – це бути забезпеченим і навіть благоденствувати; а француз вживає це у значенні життя, якщо не голодного, то дуже великопісного, на одному хлібі» [1, с. 401].

Для аналізу вербальних конфліктів важливим є той факт, що поряд з універсальними семантичними диференціалами, побудованими на базі лексики з різних семантичних класів, будуються й локальні та індивідуальні семантичні диференціали зазвичай для обмежених поняттєвих класів. Наприклад, можна побудувати низку таких локальних семантичних просторів: «особистісний семантичний диференціал», «диференціал політичних термінів» тощо, причому саме побудова таких локальних семантичних просторів дозволяє проводити й більш тонкий семантичний аналіз, а самі факторні структури можуть інтерпретуватися як категоріальна сітка даного понятійного класу. Локальні семантичні простори, побудовані для даної соціальної групи або окремого індивіда, не мають міжкультурної інваріантності та несуть лише диференційні психічні ознаки. Наприклад, у діалозі:

Then Lady Cicely says to Sir John, "You are going out?"

"Yes, immediately."

"To the House, I suppose."

This is very impressive. It doesn't mean, as you might think, the Workhouse, or the White House, or the Station House, or the Bon Marche. It is the name given by people of Lady Cicely's class to the House of Commons, –

індивідуальний семантичний диференціал слова **House** не тільки несе в собі вербально-конфліктогенні потенції, а й покликаний підкреслити власну значущість леді (як дружини лорда, а не як етикетної форми звертання) та поставити себе на вищий щодо іншого комуніканта щабель соціальних сходів.

Нерозрізнення вільного й пов'язаного значень слів викликає курйози й непорозуміння, що в своєму граничному вияві чудово ілюструється наступною анекдотичною ситуацією, у якій окремо підкреслюється, що «білявка» прагнула довести саме власну розумність:

A blonde decided one day that she was sick and tired of all the blonde jokes and how all blondes are perceived as stupid, so she decided to show her husband that blondes really are smart. While her husband was off at work, she took it upon herself to paint a couple of rooms in the house. The next day, right after her husband left for work, she got down to the task at hand. Her husband arrived home at 5:30 and smelt the distinctive smell of paint. He walked into the living room only to find his wife lying on the floor in a pool of sweat. He noticed that she was wearing both a ski jacket and a fur coat at the same time. Going

*over to her he asked her if she was OK. Yes she replied, so he asks what she was doing. She replied that she wanted to prove to him that not all blonde women are dumb and she wanted to do it by painting the house. He then asked her why she had both a ski jacket and a fur coat on. Then she replied that she was reading the directions on the paint can and it had said, **for best results, put on two coats,***

проте буквально зрозуміла фразу з інструкції «Для покращення результату нанесіть два шари» як «надягніть два пальта».

Негативне ставлення мовця до адресанта, виражене за допомогою лексичної атракції спостерігаємо в такій ілюстрації:

"I feel like an animal. A pig or rabbit or a dog. [...] But it wasn't the real me. I'm not that hateful, beastly, lustful woman. I disown her. It wasn't me that lay on that bed panting for you when my husband was hardly cold in his grave and your wife had been so kind to me, so indescribably kind. It was only the animal in me, dark and fearful like an evil spirit, and I disown, and hate and despise it" (W.S. Maugham).

Змішання значень омонімічних слів також може призводити до вербальних конфліктів, наприклад:

Hello are you there?

– *Yes, who are you, please?*

– *Watt*

– *What's your name?*

– *What's my name.*

– *Yes, what is your name?*

– *My name is John Watt.*

– *John what?*

– *Yes.*

– *???? I'll call you again.*

– *All right. Are you Jones?*

– *No, I'm Knott.*

– *Will you tell me your name then?*

– *Will Knott.*

– *Why not?*

My name's Knott.

– *Not what?*

– *Not Watt, Knott!*

– *What...*

Подібна ж ситуація на графічному рівні: емігрант з Росії викладає, відповідно, російську мову американцям і на запитання учня: «Як російською пишеться "MY COP"» відповідає: «Так само, тільки разом»

Каламбур взагалі є одним з найважливіших каталізаторів вербального конфлікту, оскільки передбачає неконвенційне використання мовних знаків, є результатом «гри на гранях мови» й доволі часто не знає мовних, соціальних, етнічних та політичних меж:

A man's voice said:

"Mr. Mason?"

Surprised, Mason said, "Yes. Who is it?"

The voice said crisply:

"You are talking with Cash."

Mason sat up in bed, bolstering himself against the pillow.

"That's nice," he said. "How's Carry?"

For a moment the voice was puzzled.

"Carrie?" it asked. "I don't know to whom you refer."

"Come, come," Mason said amiably. "If you're Cash, you must know Carry."

"Oh, a pun," the voice said with the offended dignity of a man who has no sense of humor. "I didn't understand at first."

Синтагматично виправдана послідовність одиниць «**Cash**» та «**Carry**» настільки відверто адресує до відомого формату торгівлі «Cash & Carry», що герой Ерла Стенлі Гарднера, інтелектуал та відомий популярний адвокат Перрі Мейсон просто не може не вдатися до каламбуру, що, між тим, кривдить другого комуніканта, його клієнта на прізвище Кеш. Після усвідомлення каламбурного, жартівливого характеру слів Мейсона другий комунікант дещо пом'якшується, ситуація вербального конфлікту вирівнюється, проте образа залишається й далі.

Назва останнього роману В. Пелевіна «Операція 'Burning Bush'» відсилає одночасно до англійської фразеологічної одиниці **burning bush** 'неопалима купина' – та до прізвища американського президента *Джорджа Буша*, який, власне, і мається на увазі [7].

У наступному прикладі помилка в розумінні слова призводить до вербального конфлікту з подальшим припиненням спілкування:

Husband and wife were enjoying a quiet evening by their fireside, he deep in a book and she in a crossword puzzle. Suddenly she questioned him:

«Darling, what is a female sheep?»

«Ewe [ju:],» he replied.

His further explanations hardly soothed her.

Відповідно, наголосимо на авторських неологізмах:

In the same way it was I who brought word to the Wilhelmstrasse of the rapprochement between England and Russia in Persia.

"What did you find?" asked the Chancellor as I laid aside the Russian disguise in which I had travelled.

"A Rapprochement!" I said. He groaned.

"They seem to get all the best words," he said.
(<http://www.ebooksread.com/Frenzied Fiction by Stephen Leacock>)

Створення нового слова на позначення взаємин зближення між Росією та Англією на початку Першої Світової війни викликає оцінний вербальний конфлікт, комунікативну невдачу, пов'язану з адресатом (коментар: *"They seem to get all the best words,"*).

Англійські журналісти газети *The Guardian* утворили нищівне дієслово від прізвища відомого російського футболіста Кержакова – *to kerzhakov*: «*who turned and Kerzhakoved a volley wide from six yards out*», –

на позначення в футболі удару по м'ячу з близької відстані, що не досягає цілі, хоча влучити було простіше, ніж не влучити [10] – так, російський форвард Олександр Кержаков встановив антирекорд чемпіонатів Євро, у матчі проти Чехії пробив сім разів і навіть не влучив у створ воріт (усього в матчах пробив дванадцять разів, влучивши один раз).

Таким чином, конфліктогенними чинниками, або конфліктогенами, що провокують вербальний конфлікт, можуть ставати будь-які мовні маркери комунікантів, аж до інтонації й тембру голосу, акценту й порядку слів, своєрідності побудови синтаксичної конструкції та специфіки використання лексем, тематичної орієнтованості тощо – тобто в потенції конфліктогенними чинниками в комунікації стає все, що вирізняє мовця серед інших.

Література:

1. Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания / П. Д. Боборыкин. – М. : Захаров, 2003. — 688 с.
2. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб : Питер, 2002. – 464 с.
3. Комалова Л. Р. Речевая коммуникация в ситуации конфликта / Л. Р. Комалова // Вестник МГЛУ. – Серия 1: Филология – № 5. – Минск, 2008. – С. 117–126.
4. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The measurement of meaning / Ch. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum. – Urbana : Univ. Illinois Press, 1957. – 342 p.
5. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Осгуд., Дж. Суси, П. Танненбаум // Семантика и искусствоведение. – М. : Прогресс, 1972. – С. 278–297.
6. Основы теории речевой деятельности / Ответственный редактор доктор филологических наук А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
7. Промежуточное звено. Писатель Александр Генис — о том, как сделать популярной современную русскую литературу // Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/527092>
8. Семчинський С. В. Загальне мовознавство / Станіслав Семчинський. – К.: Вища школа, 1988. – 327 с.
9. Шейнов В. П. Как управлять другими. Как управлять собой / В. П. Шейнов. – Мн.: Амалфея, 1996. – 368 с.
10. Kerzhakov // Режим доступа: <http://nrm.ru/blogs/chestermms/kerzhakov/>

Харишин Д.Г.
асист. кафедри китайської, корейської та японської філології
Інституту філології Київського національного університету
імені Тараса Шевченка
Україна

ОБРАЗИ ІДЕАЛЬНОЇ ЛЮДИНИ У ПУБЛІЦИСТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ ЛУ СІНЯ

Видатний китайський письменник і публіцист Лу Сінь (鲁迅, 1881-1936рр.) був одним з небагатьох культурних діячів свого часу, які намагалися змінити уявлення про закони моралі та спрямувати національну психологію й духовний стан китайців до загальних тенденцій розвитку західної культури.

Життя Лу Сіня припадає на період, коли Китай перебував у глибоких національній та соціальній кризах. Адже, правителі держави Цін (маньчжурська династія, що правила Китаєм з 1644 по 1912 роки) проводили політику ізоляції Китаю від зовнішнього світу і, перш за все, турбувалася про укріплення особистої влади над китайцями, ніж за національно-економічний розвиток країни.

Ретельну увагу Лу Сінь приділяв обговоренню сутності культурних традицій, національного характеру китайського народу, ціннісних орієнтирів китайців. Він прагнув показати високу вартість людської особистості, вважаючи неможливим суспільний прогрес без справжнього звільнення людини. Проблема визначення сутнісних рис особистості китайців розглядається у тісному зв'язку з питанням про національний характер, з особливостями соціально-історичного розвитку країни ще часів становлення конфуціанського вчення, що зародилося у Древньому Китаї. І лише наприкінці ХІХ століття в Китаї почали сприймати надбання європейської науки, філософії та літератури, що прискорило звільнення свідомості китайців від феодальної ідеології.

У цілому, в традиційній китайській культурі Лу Сінь вбачав духовне пригнічення, інертність суспільства та ігнорування будь-яких змін у процесі суспільної плюралізації вже у ХХ столітті. У зв'язку з цим у художній та публіцистичній творчості Лу Сіня звучить гостра критика конфуціанського вчення як антигуманістичного. Воно здійснило ідейно-психологічний вплив на формування китайського національного характеру. Лу Сінь засуджував конфуціанське вчення, спрямоване на виховання покійного раба, слухняного чиновника, закабаленого нормами та правилами, відхід від яких прирівнювався до злочину і вбачав вади даного вчення у зневажанні людини як істоти індивідуальної (вільної), яка належить не собі, а родині, суспільству, державі. Своєрідна концепція людської особистості на ранньому етапі творчості письменника (1903-1908рр.) пов'язана з ідеєю *наукового просвітництва*.

У науковому просвітництві Лу Сінь бачив шлях до “формування людини” її “становлення” та звільненні особистості, і в результаті наука слугуватиме важливим фактором у процесі формування освіченого громадянського суспільства. Саме в цьому полягає зміст лусіневського погляду на роль розвитку науки [1, с.13].

У 1907-1908рр. Лу Сінь написав декілька знакових публіцистичних розвідок: «Історія людини» («人之历史»), «Сила сатанинської поезії» («摩罗诗力说»), «Чому вчить історія науки» («科学史教篇»), «Про однобічність культури» («文化偏至论») і «Про знищуючі зло голоси» («破恶声论»).

У статті «Про однобічність культури» Лу Сінь зазначив, що формування людини – це передумова появи “*держави людей*”, необхідної для звільнення будь-якого суспільства і його процвітання. Письменник переконаний що, шлях відродження китайської цивілізації повинен базуватися на появі “*держави людей*”. Він визнавав, що у спілкуванні із зовнішнім світом китайський народ не повинен нехтувати прогресивними ідеями і водночас не повинен забувати своє коріння. Він закликав прийняти сьгоднішнє та оновити старе, створити нове підґрунтя, що уможливить пробудження самосвідомості нації та формування особистості. У результаті, Китай з конгломерату піщинок перетвориться на державу людей. У цьому він бачив шлях відродження Китаю [2, с.9].

У цей період Лу Сінь також послідовно звертає увагу на роль літератури у формуванні особистості. Головним завданням літературної творчості він бачив проникнення у мовчазну душу своїх співвітчизників, здійснення глибокого аналізу вроджених вад та витоків слабкості духу китайського народу, який протягом довгого часу перебував у стані феодального існування. Тому людська особистість завжди була в центрі уваги письменника. Лу Сінь підкреслював гуманістичні завдання та виховне значення літератури. Ще у статті «Сила сатанинської поезії» (1907р.), він зазначав, що “література повинна нести знання”, і, що “обов’язок літератури – жити думки людей” [3, с.25].

Література образно демонструє те, що наука подає сухо і відсторонено, тому ідея необхідності самопізнання найкраще реалізується у прозі на прикладі розкриття характерів героїв. У своїх літературних творах письменник викривав та засуджував хиби людської природи. Він прагнув, щоб китайці зрозуміли, що вони не раби, бажав, щоб вони “щасливо жили та були чесними, справедливими людьми” [4, с.142]

У Лу Сіня основні риси ідеалу особистості розглядалися як дух боротьби за звільнення людей від духовного пригнічення, дух опору темноті та дух самопожертви заради всього цього. Тих, кому притаманні такі духовно-моральні якості, Лу Сінь називав “*руйнівниками ідолів*” (偶像破坏者), “*бійцями у духовній сфері*” (精神界战士), “*геніями*” (天才), “*справжніми героями*” (真的猛士). Вони виступали образами ідеальної людини у Лу Сіня.

Лу Сінь виступав за вибіркоче прийняття культурних віянь західного світу, прогресивних в уявленні письменника для Китаю в умовах початку ХХ століття. Лу Сінь перераховував діяльність і досягнення визначних релігійних діячів та філософів християнського світу, таких як М. Лютер, Ф. Ніцше, А. Шопенгауер, Г. Ібсен, М. Штірнер, яких мало цікавив об’єктивний світ і наукова істина, а більше хвилювала людина, її внутрішній світ. Він їх називав “*руйнівниками ідолів*” і зараховував до одного з джерел прогресу суспі-

льства як тип ідеалу особистості який відступив від застарілих моральних норм що скалічили людську природу.

Для Лу Сіня яскравими особистостями, які відповідали характеристикам *“бійців у духовній сфері”*, виступали відомі діячі західних літератур та мистецтва, а також образи християнських святих-сподвижників, зокрема і власне Ісус Христос. Наприклад, в особі Ісуса Христа він вбачав високу духовність і самопожертву, що були продемонстровані у спробі пробудити неосвічені маси, заради чого він віддав власне життя. Варто зазначити, що у публіцистиці Лу Сіня засновник християнства був охарактеризований як людина, яка прагнула наставити народ на істинний шлях. Вся сутність діяльності Ісуса, на думку Лу Сіня, полягала у його розп'ятті. Розп'яття – це пасивна форма боротьби за утвердження особистості, але також і засіб для пробудження народу, і перший крок до звільнення людей. У статті *«Про односторонність культури»* Лу Сінь у загальних рисах дав своє уявлення про головну ознаку культури християнського світу: *“вона завжди розвивалася у глибину, і душа людей не заспокоюється у статичності”* [2, с.18]. Тому Лу Сінь був переконаний у необхідності руйнування старих стереотипів і моральних заборон для саморозвитку людини.

Для Лу Сіня, *“бійцями у духовній сфері”*, які відстоюють ідею звільнення особистості, були *“сатанинські та романтичні поети”*: Дж.Байрон, П.Шеллі, М.Горький, Ф.Достоевський, М. Гоголь, А.Міцкевич, С.Красинський, А.Петефі, яким були притаманні риси людяності, волелюбства, бунту проти існуючої моралі. Лу Сінь високо оцінював їх творчий спадок і сподівався на те, що китайці нового покоління врахують бойовий дух митців християнського світу за незалежність думки, істинні знання. Він казав, що ці поети піднялися проти суспільства, як сатана повстав проти влади бога, але їх життя, їх геній віддані справі звільнення народів, і тому вони – благородніші з людей. Творчий шлях кожного з поетів Лу Сінь розглядав у зв'язку з його громадською діяльністю, підкреслюючи факти його участі у визвольному русі, переслідування поетів владою та консервативним суспільством.

Різку негативну оцінку дав Лу Сінь усій існуючій літературі Китаю. Адже замість того, щоб виховувати у читачів прекрасні почуття і величні думки, поети звеличували правителів, плазували перед владними людьми. Література не виражала людських прагнень, віддала свободу владі кайданів та бичів. Виключення Лу Сінь робить лише для великого поета древності Цюй Юаня (屈原, 340-278рр. до н.е.), який нехтував усіма заборонами й сміливим словом викрив недосконалість світу. Для Лу Сіня важливим було вказати на недоліки літератури минулого, щоб зробити більш видимими ті нові риси, які він хотів би бачити у творах письменників сучасного Китаю.

У *«Силі сатанинської поезії»* Лу Сінь закликав: *“А тепер спробуйте пошукати, чи є в Китаї бійці у духовній сфері. Хто може словами, що лунають з глибини душі, повести нас до краси та сили? Хто може словами, сповненими тепла, допомогти нам вийти з холодної пустелі? Країна прийшла*

у занепад, а в нас немає Ієремії, який склав би останній шолом і розповів би про нас потомкам. Такі бійці або ще не народилися, або ж народжувалися, та їх занапали. Кожна із цих обставин, а можливо, і обидві разом, привели Китай до застою” [3, с.36].

У статті «До появи генія» («未有天才之前», 1924) Лу Сінь писав, що в Китаї ще не з’явився “геній”. При цьому він зазначав, що він “може вирости серед народу, здатного породити і виховати його” [5, с.37]. Тож, без народу не може бути й генія. У статті Лу Сінь закликає молодь займатися живою наукою та новим мистецтвом, а не читати “мертві книги”. Письменник зазначав, що у слідуванні звичаям предків та шануванні книг старовини закладені елементи заперечення нових ідей, що може призвести до відчуження Китаю від світової суспільної думки” [5, с.37-38]. Лу Сінь говорить що першочерговою справою є необхідність створення основи для вирощення генія. Цією основою має бути народ, який збагачуватиме свій духовний світ, сприйматиме нові ідеї та звільниться від старої шкарлупи [5, с. 38]. Він зазначає, що генієм може стати лише міцна, сильна людина.

Письменник дав визначення “справжньому герою”. Так, у статті «Пам’яті Лю Хежень» («纪念刘和珍君», 1926) Лу Сінь писав: “справжній герої не боїться тиранії та сміливо дивиться на потоки крові, він відчуває і велике страждання і справжнє щастя” [6, с.120]. Далі письменник робить заклики: “Якщо не вибухнути у мовчанні, то у мовчанні загинеш” [6, с.122]. Автор мав на увазі випробовування, які проходить кожен на шляху до формування власної особистості. Коли зникне мовчання, боягузтво, нерішучість, лише тоді можна прийти до чіткого усвідомлення ідеї відродження особистості та перетворення суспільства.

Лу Сінь закликав своїх співвітчизників, що саме людина є найвищою цінністю, що кожна людина незамінна, незалежно від того, яке суспільне положення вона займає. Він безжалісно критикував традиційні риси китайців, вважаючи, що без самокритики неможливо викоринити ті негативні якості, які насаджувалися їм століттями. До кінця свого життя Лу Сінь боровся за виховання нової, вільної, самостійної людини.

Література

1. 鲁迅: 《坟·科学史教篇》, 《鲁迅全集》, 第1卷. – 北京: 人民文学出版社, 1981年版.
2. 鲁迅: 《文化偏至论》, 《鲁迅全集》, 第1卷. – 北京: 人民文学出版社, 1981年版.
3. 鲁迅: 《坟 摩罗诗力说》, 《鲁迅全集》, 第1卷. – 北京: 人民文学出版社, 1981年版.
4. 鲁迅: 《我们现在怎样做父亲》, 《鲁迅全集》, 第1卷. – 北京: 人民文学出版社, 1981年版.
5. 鲁迅: 《未有天才之前》, 《鲁迅全集》, 第2卷. – 北京: 人民文学出版社, 1981年版.
6. 鲁迅卷: 中华散文珍藏本丛书, 《纪念刘和珍君》. – 北京: 人民文学出版社, 2008年版.

Коломієць Н. В.
викладач кафедри китайської, корейської та
японської філології Інституту філології
Київського національного університету імені Тараса
м.Київ, Україна

«МЕНТАЛЬНІСТЬ» ЯК КОНЦЕПТУАЛЬНЕ ПОЛЕ КИТАЙСЬКОЇ МОВИ

Опис картини світу вимагає опису членування дійсності, зафіксованої в мові, та опису національно-культурної своєрідності значень мовних одиниць з метою виявлення унікальних концептів. «Когнітивна лінгвістика займається як репрезентацією власне мовних знань у голові людини й стикається з когнітивною психологією, так і тим, як і в якому вигляді вербалізуються сформовані людиною структури знання, а, отже, когнітивна лінгвістика вторгається в найскладнішу область дослідження, пов'язану з описом світу й створенням засобів такого опису» [5, с. 54]. При цьому подібне дослідження мовної картини світу припускає системний підхід і зіставлення мови з іншими мовами. І перший крок у напрямку реалізації цього завдання – системне дослідження фрагмента картини світу, що описує ментальну діяльність людини, як його концептуально представлено в китайській мові.

Дослідження поля ментальності в різних мовах має довгу традицію у вітчизняному мовознавстві. «Основну кореляцію структур думки й мови, ментальний простір мови, – зауважує О. В. Телегіна, – можна представити у вигляді наступного ланцюжка послідовних залежностей: мовне мислення → мовна ментальність → ментальний досвід → ментальні стереотипи → ментальний лексикон (ментальні слова, що відбивають ментальні (розумові) стани й ментальну активність) → мовна інтуїція → мовна свідомість. Ментальний простір мови, ментально – когнітивні феномени репрезентують ментальні слова й концепти, що виражають предмети думки, способи думки, ментальні стани й процеси, механізми пам'яті (включаючи семантичну й культурну пам'ять), а також концептуальні ментальні метафори, ментальні стереотипи, що реалізуються на вербальному рівні» [7, с. 5]. З теоретичного боку звертають на себе увагу роботи, у яких аналізуються різні концепти ментальних станів. Г. К. фон Вригт порушує питання про можливість локалізації ментальних станів у часі й просторі [1, с. 16–19], В. Г. Гак аналізує актантну структуру *grіxів* і *чеснот*, у тому числі *віри* й *надії* [2], І. М. Кобозева розглядає концепти *думка* й *ідея* й їх метафоричну реалізацію [4], О. А. Круглікова прослідковує представлення концепту *надія* в засобах масової інформації [6], С. М. Толстая розглядає зміст концепту *знання* в слов'янській народній традиції [8], Л. О. Чернейко також використовує як матеріал для лінгвофілософського аналізу сутності абстрактного імені з когнітивних позицій деякі концепти ментальних станів: *знання*, *свідомість*, *думка*, *ідея*, *увага*, *надія*, *сумнів* [9; 10]. Такі розвідки надають можливості вже апіорі отримати всю орієнтовну сукупність семантичних компонентів для системного опису концептів ментальних станів у китайській мові.

Відповідно до концепції В. Г. Гака (якої ми дотримуємося як методологічної схеми) аналіз поля ментальності передбачає виділення основних параметрів мисленнєвого процесу, що визначають внутрішні опозиції одиниць ментального поля та кладуться в основу виділення основних секторів поля:

1. Ситуація ментального процесу. Мислення є процесом і, як будь-який процес, має такі компоненти, як суб'єкт, сам процес, об'єкт, другий об'єкт (бенефіцієнт), місце, знаряддя, характеристика процесу, часові параметри. Виходячи із трьох основних компонентів: суб'єкта – процесу – об'єкта формуються дві базові моделі: а) безоб'єктна модель при описі процесу «мислити»: 思维 sīwǐ 思维 мислити, 推理 tuīlǐ міркувати, 知识 zhīshì мати знання, 沉思 chénsī медитація (+ інтенсивність), 想望 xiǎngwàng мріяти (+інтенсивність+невідповідність дійсності). б) об'єктна модель, при якій можливі чотири види об'єктних конструкцій, що можуть виражати: створення або знищення об'єкта, зміну об'єкта, переміщення об'єкта, афінування (дія стосується об'єкта).

2. Пізнання. Цей параметр містить у собі поняття новизни: 认识 ginshi пізнавати, 想出 xiǎngchū придумувати, 臆造 umzao видумувати, 念头 niantou, 想法 xiǎngfǎ думка/ідея (коли мова йде саме про новизну знання: 他产生一个念头 йому в голову прийшла думка, 头脑里闪过一个有趣的念头 в голові майнула цікава думка, 有了一个念头 прийти до думки, 这使他产生一个想法 це навело його на думку, 他一个想法也没有 у нього немає ніяких думок).

3. Збереження пізнаного: 知道 zhī·dao знати, 记住 jìzhù пам'ятати, 记忆 jìyì пам'ять.

4. Співвіднесеність фактів за їхніми ознаками, пошук подібностей і відмінностей: 辨别 biānbī, розрізняти, 相比 xiāngbǐ порівнювати, 综合 zōnghé узагальнювати тощо.

5. Виявлення причинно-наслідкових зв'язків: 了解 liǎojiě, 理解 lǐjiě; 明白 míngbai, 懂得 dǒngde розуміти, 作出结论 zuōchūjiéluàn робити висновки тощо.

6. Ступінь адекватності дійсності. Її можна розглядати як технічну оцінку знання. Тут виділяються три основні рубрики: а) відповідність знання дійсності (об'єкт реальний): 知道 zhīdao знати, 真理 zhēnlǐ істина/правда; б) невизначеність (об'єкт недостовірний): 怀疑 huáiyí сумніватися, 相信 xiāngxin вірити (визнавати що-небудь дійсним), 认为 rēnwéi; вважати, 被认为是 bèi rēnwéi вважатися (припускати можливість), 假定 jiǎdìng припускати, 判断 pànduàn; судити, 有见解 yǒujiànjiě мати думку; в) невідповідність знання дійсності (об'єкт нереальний): 臆造 umzao вигадувати або捏造 niēzao придумувати, 撒谎 sāhuǎng брехати, 弄错 nòngcuò помилятися, 想象[力] xiǎngxiàng[lì] уява, 幻想 huànxiǎng ілюзії тощо.

7. Темпоральний аспект. а) спрямованість у минуле, ретроспективний процес: 想起 xiǎngqǐ згадати, 记忆 jìyì спогад, 打听 dǎtīng довідатися, 得知 dézhī

dǐyǎn *вивідати*, 理解 lǐjiě *пізнавати* б) спрямованість у майбутнє, проспективний процес: 预见到 yùjiàndào *передбачити*, 预定 yùdìng *заздалегідь намічати* тощо.

8. Характеристика. Процес мислення може одержувати різні характеристики й оцінки: індивідуалізовану характеристику (思想方法 sīxiǎng fāngfǎ *напрямок думок*, 想法 xiǎngfǎ *точка зору*), «технічну» характеристику (自言自语地想 zìyánzìyǔ de xiǎng, 出声地边想边喃喃自语 chūshēng de biān xiǎng biān nǎnǎn zìyǔ *думати вголос*, 心里想 xīnlǐ xiǎng *думати про себе*, 用汉语思考 yòng hàn yǔ sīkǎo *думати китайською мовою*), якісну й суб'єктивну оцінку (理智 lǐzhì *розсудливість*, 谨慎 jǐnshèn *обачність*). Цей аспект виражається в основному у відтінках значень слів, а не в особливих лексемах.

Ментальні процеси можуть зазнавати різних модифікацій:

А. Модифікації диктуму, що характеризують сам процес.

1. Фази процесу. Модифікації можуть указувати на початок, продовження або кінець процесу. Продовження процесу нерідко рівнозначно стану ((*отримувати дані*) 打听 dǎtīng – 知道 zhīdào – 忘记 wàngjì *довідатися – знати – забути*).

2. Тривалість у часі. Наприклад, довжина (обмежена або тривала) представлена в дієсловах: (мислити) 想 xiǎng *роздумувати*, 考虑 kǎolù *міркувати*, 想一想 xiǎng-yī-xiǎng, 考虑一下 kǎolù yīxià *подумати небагато*; завершеність і результативність відбиваються в словах: 想到 xiǎngdào, 考虑到 kǎolùdào *додумати*, 猜到 cāidào *здогадатися*.

3. Інтенсивність. Вона відрізняється від тривалості в часі спрямованістю усередину самого процесу й представлена в словах: [仔细]考虑 [zǐxì] kǎolù *продумувати*, 想法 xiǎngfǎ, 思考 sīkǎo *думи*, 梦想 mèngxiǎng *мріяння*.

4. Актантні й станові модифікації: 记得 jìde – 提醒 tǐxǐng *пам'ятати – нагадувати*, 知道 zhīdào – 告诉 gaosu, *знати – повідомляти*, 想 xiǎng, 有想法 yǒuxiǎngfǎ – 使产生想法 shǐchǎnshēngxiǎngfǎ *думати, мати думку – наводити на думку*.

5. Інтерперсональність. Ця модифікація вказує на співучасть різних суб'єктів в одному процесі. Так, дієслово «*радити*» вказує на часткову співучасть, слово «*обговорення*» вказує на повну й рівноправну співучасть у розумовому процесі. *Радити* 建议 jiànyì – *обговорення* 讨论.

В. Модифікації модусу, що характеризують ставлення суб'єкта до процесу.

6. Заперечення: 同意 tóngyi – 反对意见 fǎnduì yìjiàn *згода – заперечення*, 注意 zhùyì – 忽视 hūshì *увага – игнорування*, 希望 xīwàng – 失望 shīwàng *сподіватися – зневірятися*.

7. Емоційно-оцінний компонент. З думкою про об'єкт можуть бути пов'язані позитивні або негативні емоції суб'єкта: 信心 xīnxīn *упевненість*,

希望 xīwang *надія* (передбачається щось гарне) – 絕望 jùewang *розпач* (майбутнє безсумнівно погане).

8. Ставлення. Ставлення може бути індивідуальним і соціальним: *що ви думаєте про нього* – 自由思想 zìyóusīxiǎng *вільнодумство*, 異己思想 yìjǐsīxiǎng *інакомислення* [3].

В. Г. Гак також відзначає, що семантика всіх лексичних одиниць, що співвідносяться з поняттям «мислити», утворює **семантичне поле ментальності** [3, с. 23].

Як показує аналіз, у дослідженні концептуальних полів більш продуктивною є широка трактовка структури й семантики слів ментального поля, коли до нього відноситься все те, що виражає розумову діяльність та її результати, зокрема, концепти ментальних здібностей людини; концепти продуктів ментальної діяльності; концепти видів ментальності; концепти процесів мислення та станів ментальності; концепти ментальних розладів. Відповідно до думки П. В. Чеснокова, лексема й концепт тісно пов'язані, а тому мислення може досліджуватися через лінгвістичний аналіз концептів як ментальних утворень, які представляють цілісне й нерозчленоване відбиття факту дійсності [11].

Література:

1. Вригт Г. Х. фон. О локализации ментальных состояний / Георг Хенрик фон Вригт // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 16–19.
2. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. : Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.
3. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Ментальные действия / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М. : Наука, 1993. – С. 22–40.
4. Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен / И. М. Кобозева // Логический анализ языка: Ментальные действия / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1993. – С. 95–104.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
6. Кругликова Е. А. Представление концепта «надежда» в средствах массовой информации // Язык образования и образование языка. – Великий Новгород, 2000. – С.161–162.
7. Телегина О. В. Языковая объективация ментально-когнитивных феноменов (на материале русских и английских научно-публицистических и художественных текстов) / О. В. Телегина – Автореф. канд. филол. наук ; ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет». – Краснодар, 2011. – 24 с.
8. Толстая С. М. Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М. : Изд-во «Индрик», 2000. – С. 52–95.
9. Чернейко Л. О. Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л. О. Чернейко, В. А. Долинский // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9: Филология. – 1996. – № 6. – С. 20–41.
10. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М. : Б. и., 1997. – 319 с.
11. Чесноков И. И. Концепты основных инстинктов в русской лингвокультуре / И. И. Чесноков. – Волгоград : Перемена, 2005. – 60 с.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Язык, несомненно, является важнейшей составляющей человеческой жизни, в связи с чем он нуждается в тщательном научном исследовании. Лингвистика рассматривает процессы происхождения и развития языка, внешние и внутренние факторы его развития. Взаимосвязь же этих факторов сама по себе является предметом философского анализа.

Литература, посвященная вопросу эволюции языков и языковых изменений, необычайно обширна. Но:

1. Большая часть опубликованных работ носит исключительно лингвистический характер, в них изменения рассматриваются в одной сфере языка (например, в фонетике, синтаксисе, лексике).

2. В философских работах факторы развития систем языка рассматриваются односторонне, в отрыве друг от друга. Взаимосвязь же внешних и внутренних факторов если и упоминается, то в большинстве случаев вскользь, детальному анализу данная проблема не подвергалась.

Необходимо признать, что внешние и внутренние факторы развития языка находятся в диалектическом единстве. Язык проявляет двоякую зависимость. Лосева О. А. и Новикова И. А. отмечают: «Тщательный анализ языковых явлений свидетельствует о том, что в развитии и функционировании языка сложно взаимодействуют внутренние, собственно языковые, и внешние, социальные, факторы» [4, с. 57]. По мнению Ю. Д. Дешериева, «магистральный путь познания природы языка, его сущности и закономерностей его функционирования и исторического развития – это путь познания его социальной природы наряду с познанием сущности внутренних законов языка» [2, с. 5].

В противовес этим точкам зрения существуют концепции, которые абсолютизируют внешние или же внутренние факторы развития языка.

1. Концепции, абсолютизирующие внешние факторы развития языка.

Согласно им все изменения в языке обусловлены экстралингвистическими причинами, в первую очередь условиями существования того общества, в котором бытует язык. А. Соммерфельт в работе «Общество и язык» пытался проследить влияние устройства общества на язык и пришел к выводу, что все разнообразные факторы изменений имеют в конечном счете социальный характер. Иногда подобная прямолинейная концепция модифицируется в том смысле, что ее сторонники, признавая возможность выявления ряда внутренних причин эволюции, полагают вместе с тем, что даже за этими внутренними причинами стоят экстралингвистические факторы.

Если принять тезис о том, что все изменения в языке имеют внеязыковые причины появления, то необходимо признать, что язык – это исключительно пассивное образование. Язык – это зеркало, единственная способность которого – отражать. Да, несомненно, язык не может не отражать того, что происходит в среде, его окружающей, но отражение не единственное свойство систем языка. Язык – это зеркало, обладающее как функцией отражения, так и функцией «над-отражения», то есть способностью формирования своей сущности своими внутренними силами.

2. Концепции, абсолютизирующие внутренние факторы развития языка.

При данном подходе утверждается, что в любых изменениях языка все вызывается исключительно внутренними причинами. Согласно биологизаторской концепции А. Шлейхера язык предстает как живой организм и существует вне воли человека, его нельзя изменить, он развивается по определенным законам, язык со временем стареет и отмирает. Существует концепция, которая вовсе отрывает язык от действительности. Она получила распространение под воздействием тезиса Соссюра: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассмотренный в самом себе и для себя» [3, с. 207].

Подлинная специфика языка обнаруживается в связи языка с мышлением людей, в связи языка с потребностями общества и с культурой народа. Специфику языка следует искать не в изоляции языка от общества данной эпохи, а во взаимодействии языка и общества.

Как пишет Н. С. Валгина, «язык – это не просто набор, сумма языковых знаков (морфем, слов, словосочетаний и т.п.), но и отношения между ними, поэтому сбой в одном звене знаков может привести в движение не только рядом стоящие звенья, но и всю цепь в целом (или ее определенную часть)»[1]. Язык – это открытая система, в связи с чем внешняя среда способна оказывать влияние на язык благодаря собственной сущности языка и законам его функционирования.

Таким образом, внешние факторы развития языка являются проявлением его внутренней организации, а внутренние процессы в языке способны либо активизироваться, либо замедляться под действием внешних факторов. Язык по своему происхождению и назначению является социальным образованием, поэтому решающую роль в его развитии играют социальные факторы. Но то, что большинство исследователей принимает за внешние факторы развития и справедливо отдает им ведущую роль, является внутренними факторами развития. Ведь язык – это система знаков, а вне отношения к значению знаков не существует, сами по себе они в природе не возникают. Таким образом, знаки непосредственно представляют собой материальную оболочку, но имплицитно содержат в себе весь бесконечный мир.

Жизнь языка, его история органично связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке/ Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
2. Дешериев Ю. Д., Крысин Л. П. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка/ Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин – М.: Наука, 1988. – 200 с.
3. Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. 3-е изд., доп./ В. А. Звегинцев – М.: Просвещение, 1964. – 329 с.
4. Лосева О. А., Новикова И. А. Социокультурные факторы развития языкового общения на рубеже XXI века/ О.А. Лосева, И. А. Новикова // Философия и общество. – 2008. – №1(49). – С. 57-66.

Айданова Ю.Ф.

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Омского государственного
педагогического университета
г. Омск, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В предпринятом исследовании мы исходим из того, что советский прототекст современной прозы представляет собой когнитивно-семантическое единство, включающее когнитивный уровень (базовые смыслы), когнитивно-языковой уровень (когнитивные структуры – концепты, прототипические модели, фреймы, сценарии), языковой уровень (языковые репрезентанты когнитивных структур). В работе выявлены две базовые стратегии в отношении интертекстуальных знаков советского прототекста – стратегия реконструкции и стратегия деконструкции. Стратегия реконструкции Л. Улицкой позволяет воссоздать жизнь советских людей в эпоху постоянного государственного контроля и вмешательства в частную жизнь, в условиях ограничения личной свободы в рамках социалистического строя. Стратегия деконструкции В. Пелевина построена на ироническом переосмыслении интертекстуальных знаков советского прототекста посредством их вовлечения в языковую игру.

В статье обсуждаются актуальные в современном переводоведении проблемы перевода темпорально- и этноспецифических текстов, на основе современных исследований формулируются рекомендации по переводу национально-маркированных текстов, выявляются стратегии перевода интертекстуальных знаков советского прототекста, анализируются конкретные примеры перевода.

Соглашаясь с большинством исследователей во мнении, что универсального переводческого приема при переносе этноспецифической лексики, реалий и лакун в иноязычную среду не существует и не может существовать, полагаем, что в каждом отдельном случае возникает

необходимость декодирования функционирующих в оригинальных текстах национально-маркированных элементов. Мы считаем важным определение того, является ли актуализация стоящей за интертекстуальными знаками имплицитной информации обязательным или факультативным условием понимания текстового фрагмента. Так, в последнем случае для читателя переводного текста вполне достаточным будет восприятие интертекстуального знака как маркера другой культуры, другого времени. Принципиально иная ситуация возникает тогда, когда отсутствие фоновых знаний может привести к непониманию текстового фрагмента. Высказывания должны интерпретироваться «на основе значительного объема контекстуальной информации, большая часть которой является имплицитной» [1, с. 275]. В этом отношении считаем справедливым замечание У. Эко, рекомендующего «предварить перевод критическим чтением, интерпретацией, текстуальным анализом» [2, с. 297], поскольку «общественное предназначение перевода состоит в том, чтобы *создать для адресата перевода равные с адресатом оригинала возможности для смысловой интерпретации текста* (выделено нами – Ю.А.). На практике это означает, что переводчик должен тем или иным способом преобразовать неявное (подразумеваемое) содержание в содержание явное» [3, с. 201], иными словами, переводчик должен перевести часть имплицитной энергии ИТ-знаков в эксплицитную (Н.А. Кузьмина). Л.К. Латышев предлагает для осуществления этого принципа два пути. «Первый из них - компенсировать "недостающее" содержание с помощью примечания переводчика» [3, с. 201]. «Второй способ, позволяющий компенсировать у адресата перевода неизвестную ему подразумеваемую информацию, заключается в том, что она вводится непосредственно в текст» [3, с. 202].

Анализ переводного варианта повести Л. Улицкой «Веселые похороны» показал, что переводчик Cathy Porter использует в основном *стратегию адаптации* (описательный перевод, приближенный перевод, замена стилистически окрашенных слов и выражений на стилистически нейтральные).

Приведем в качестве примера фрагмент анализа функционирования ИТ-знака *песочить на собраниях*, реализующего стратегию реконструкции Л. Улицкой:

Какая же это была древняя и милая музыка, все ей улыбались, и американцы, и русские, но русским она дороже стоила, эта музыка, - за нее когда-то песочили на собраниях, выгоняли из школ и институтов... [Everyone smiled at this old music, Americans and Russians alike, but it meant much more to the Russians: because of it they had been attacked at meetings, expelled from schools and colleges...]

В русском тексте слово *собрание* имплицитно передает идеологему советской эпохи – *партсобрание*. Переводчик, прибегая к приближенному переводу (*meetings*), не передает эту имплицитно заложенную информацию. В советскую эпоху подражание западному стилю не просто критиковалось с

позиций партии, как это переведено при помощи нейтральной лексики *attack*: to strongly criticize someone or something for their ideas or actions (критиковать кого-то за его взгляды и поступки), но также преследовалось и подвергалось гонениям. В переводе данное несоответствие частично снимается благодаря контексту: *expelled from schools and colleges*. Англоязычный читатель понимает, что из школ и колледжей выгоняют за очень серьезный проступок, однако в чем этот проступок заключается в данном случае, остается непонятным.

Невозможность восстановления читателем не выраженных вербально социокультурных, темпорально-маркированных смыслов, стоящих за исследуемыми знаками, приводит к непониманию текстовых фрагментов реципиентом перевода, к искажению авторского замысла. Думается, что перевод в этом случае должен предполагать восполнение этих имплицитных смыслов. Возможным способом преодоления смысловой редукции считаем прием введения комментария от переводчика в виде затекстовых примечаний и внутритекстовых комментариев. Таким образом, от переводчика требуется знание социокультурного и политического контекста советского времени и навыки использования компенсирующего перевода.

С другой стороны, при переводе фрагментов, построенных по принципу языковой игры, наиболее удачной считаем используемую Cathy Porter стратегию адаптации оригинала к художественному универсуму принимающей культуры, заключающуюся в подборе творческих функциональных эквивалентов, актуальных для исходного текста:

Она встрепенулась, метнувшись в угол, куда Либин составил полное собрание сочинений Марьи Игнатьевны в семи бутылках. Вытащила самую маленькую из бутылочек, свинтила с нее пробку и сунула Алику под нос. [She had jumped up and ran to the corner of the room, where Libin had arranged Maria Ignatevna's herbal masterpieces in seven bottles on the floor. Taking the smallest one and removing the cork, she pushed it under Alik's nose].

Смысловая контаминация выражения *полное собрание сочинений* и травяных настоев знахарки Марьи Игнатьевны конструирует их ассоциативную координацию по семам 'совокупность созданного' и 'выдающийся продукт творческой деятельности'. В переводном фрагменте актуализируется только последняя благодаря лексической единице *masterpiece* (шедевр). Сочетание *herbal masterpieces* также представляется конструируемым по принципу языковой игры на основе несочетаемости существительного *masterpiece* и прилагательного *herbal*: connected with herbs or made from herbs (ср. *herbal remedies, herbal tea*), а также их стилистического различия: *masterpiece* (шедевр) относится к миру искусства, *herbal* (травяной) – к миру естественной природы. Таким образом, идеологический смысл (отсылка к работам идеологов социализма и коммунизма (ср. *полное собрание сочинений В.И. Ленина*) в переводе утрачивается, однако перлокутивный эффект стилистического контраста сохранен.

В прозе В. Пелевина советский прототекст подвергается деконструкции. Писатель дестереотипизирует идеологемы-цитаты, изменяет их лексический состав, автор в данном случае работает со знаками как с пустыми означаемыми, симулякрами. В этом случае на первый план выходит понимание интертекстуального характера знаков, а не точное опознание их имплицитной составляющей. Как показал сравнительный анализ, Andrew Bromfield в переводных вариантах исследуемых произведений не решает задачу воспроизведения языковой игры, данная переводческая позиция в большинстве случаев не позволяет сохранить стратегию деконструкции В. Пелевина. Так, к примеру, интертекстуальный знак *слет экстрасенсов* переведен при помощи ближайшего по значению английского слова *congress*. В оригинальном тексте писатель использует «ассоциативную бинарность» (Т.А. Гридина) восприятия слова *слет* (с одной стороны, В. Пелевин апеллирует к социокультурным реалиям советского времени (ср. *слет пионеров*), а с позиции повествования о комарах – буквализирует метафору). При этом теряется важная составляющая идиостиля В. Пелевина. Мы считаем, что воссоздание стратегии деконструкции в переводных текстах – сложнейшая задача, поскольку условием и предварительным этапом деконструкции является реконструкция советского прототекста, а для этого переводчику необходимо не просто знать язык и культуру оригинала, но и обладать общефилологической писательской компетенцией.

Вместе с тем при трансляции стратегии В. Пелевина, направленной на реконструкцию базовых смыслов и когнитивных структур советского прототекста, считаем оправданной использование переводчиком Andrew Bromfield`ом стратегии отчуждения. Рассмотрим пример реализации данной стратегии посредством использования компенсирующего перевода:

И вот еще, думал я, всю свою жизнь я шел к тому, чтобы взмыть над толпами рабочих и крестьян, военнослужащих и творческой интеллигенции... [And me, I thought, all my life I've been journeying towards the moment when I would soar up over the crowds of what the slogans called the workers and the peasants, the soldiers and the intelligentsia...]

Переводчик предлагает внутритекстовый комментарий: *over the crowds of what the slogans called the workers and the peasants, the soldiers and the intelligentsia*, который подчеркивает интертекстуальную природу последующего сочетания, и даже указывает источник цитируемого текста - *slogans* (лозунги).

Ведущая стратегия отчуждения, используемая Andrew Bromfield`ом, направленная на тщательное сохранение советского прототекста имеет немало плюсов: она позволяет сохранить в переводе знаки чужой культуры, передает хронотоп культуры оригинала, побуждает реципиента перевода к конструированию образа советского прототекста.

Подводя итоги, делаем вывод о том, что перевод этноспецифического художественного текста – сложный когнитивный процесс, предполагающий осуществление переводчиком некоего филологического исследования:

анализа законов текста оригинала на разных языковых уровнях (от фонетического до дискурсивного). В современном переводоведении представление о переводе художественных текстов как традиционном «выравнивании исходного и переводного текстов по объему семантического инварианта» [4, с. 66] меняется на представление о нем как о сотворчестве автора оригинала, переводчика и читателя. Как представляется, разграничение авторских концепций в отношении этноспецифических знаков и применение при их трансляции различных переводческих стратегий, предлагаемое в данном исследовании, поможет переводчику в этом сложном процессе и, надеемся, послужит стимулом для появления качественно новых переводов текстов современной прозы.

Литература

1. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М., 2003.
2. Эко У. Сказать почти то же самое. СПб., 2006.
3. Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2005.
4. Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сб. науч. тр. Пермь, 2000.

Направление «ИСТОРИЯ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО»

Блохина Е.А.

*преподаватель Рязанского музыкального
колледжа им. Г. и А. Пироговых (г. Рязань)
аспирант Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

ДВОРЦЫ И МУЗЕИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В культурный ландшафт российских провинциальных городов вписаны дворцы и дворцовые ансамбли, построенные в конце XVIII-начале XIX веков. Часть из них появились в эпоху Екатерины II, когда после губернской реформы и создания новых генеральных планов городов, стали строить здания для должностей городской управы. Дворцы губернаторов, наместников, вице-губернаторов создавались при активном участии столичных архитекторов в соответствии с модными художественными тенденциями и становились новыми градостроительными доминантами. Если в допетровское время (да еще и в течение практически всего XVIII века) в роли городских центров – и в топографическом, и в идейно-содержательном плане – выступали кремли и соборы, то в конце XVIII и в XIX веке к ним присоединились губернаторские и наместнические дома-дворцы. Стоит отметить, что «ценность дворцов как объектов наследия, обусловленная их художественными достоинствами и величию власти, определяла отношение к данной группе памятников не только как к жилым резиденциям, но и как к символам государственности. «Идеологами» художественного облика дворцов являлись, как правило, сами владельцы, которые воплощали в архитектуре собственные художественные вкусы и ярко демонстрировали свою избранность» [5, с. 10].

Кроме административных дворцов, которые, впрочем, всегда соединяли жилые и представительские функции, в провинциальных городах появились резиденции влиятельных лиц, сначала дворян, а к концу XIX века и богатых купцов и промышленников, которые могли себе позволить построить резиденции дворцового типа. Однако, в отличие от Петербурга, в провинциальных городах дворцов было немного. Они сегодня нередко функционируют в качестве музеев – художественных, краеведческих.

Историческая судьба провинциальных дворцов не была легкой, но те из них, которые стали музеями, сохранили, как минимум, свой внешний облик, а иногда частично и интерьеры. Дворцы, музеями не ставшие, находятся нередко в тяжелом состоянии, порой на грани исчезновения: «осыпается лепнина и штукатурка, рушатся капители колонн, фасады засоряются рекламными вывесками, безжалостно дробящими массивы стен» [6, с. 29]. Проблема дворцовой архитектуры провинции поставлена заново – «встает острый вопрос изучения дворцового типа архитектуры, особенно в провинциальной среде, небогатой на подобные сооружения» [6, с. 20].

Сегодня понятно, что когда мы говорим о провинциальных дворцах, речь идет не о перечне памятников большего или меньшего художественного достоинства, а о целом пласте культурного наследия, составлявшим своеобразие исторического городского ландшафта XVIII – XIX века.

Дворец в провинциальной императорской России выполнял огромный спектр функциональных обязанностей для города и губернии. Как главный административный и политический центр он являлся резиденцией генерал-губернаторов, вице-губернаторов, наместников, а так же олицетворением государственной власти на местах. Во дворце размещались приемные глав городской управы, а как главный информационный центр он являлся транслятором всех общественно-значимых событий местного и столичного значения. Нередко дворцы предназначались для отдыха членов императорской семьи при длительных путешествиях по России, где специально для этого были обустроены личные апартаменты. Интерьер императорского путевого дворца в Твери, предназначенного для отдыха членов семьи по пути из Петербурга в Москву, оформлялся согласно пожеланием заказчика. Известно, что занимаясь устройством домашнего очага своей любимой сестрицы, Александр I давал подробные указания архитектору по окраске и оформлению «Голубой гостиной» и «Лилового кабинета». В общий контекст органично были включены и предметы, доставшиеся великой княгине Екатерине Павловне от бабушки, и допустимая в новой стилистике утварь «никитинского» периода, и «переехавшая» из других петербургских императорских дворцов мебель, а так же личные вещи новой владелицы [12].

Дом ярославского губернатора, являлся не только официальной резиденцией ярославских губернаторов, но и выполнял функции путевого дворца во время приезда высочайших особ. Посещая Ярославль, здесь останавливались все российские императоры – от Александра I до Николая II. Во время проезда Николая I через Нижний Новгород в 1834 г., он собственноручно начертал плана расположения губернаторского дома с царскими апартаментами и церковью. Вообще, истории (или легенды) о собственноручном участии императоров и императриц в указании места дворцов или даже начертание планы – один из провинциальных нарративов. Некоторые исследователи считают, что Нижегородский дворец, спроектированный сообразно вкусам Николая I, получился «суховат и вышколен, как солдат на строевой» [3]. Архитектура его проста, главные фасады его обращены: южный – к собору, а северный с террасой – в сад. Нижний этаж этого дома занимался начальником губернии; во втором находилась императорская квартира, столовая, гостиная, кабинет, спальни, уборная, ванная, буфет и еще нескольких комнат. Все эти комнаты были отделаны и меблированы роскошно и с большим вкусом. Третий этаж был занят жилыми комнатами и церковью Святого Духа, которая была устроена в зале, выходящем на северо-восточный угол дома.

Дворцы нередко являлись градостроительными центрами, новыми доминантами городского ландшафта – не только в силу функций административного центра, но и по месторасположению: они «фокусировали главные композиционные оси города, фиксировали кульминационные точки городских ансамблей. Часто именно с дворца губернатора начиналась реализация новых градостроительных планов» [8, с. 270].

В Рязани такого рода дворец появился со времени утверждения города центром наместничества в 1778 году. Были перепланированы улицы согласно регулярному плану застройки, который предполагал прямолинейное расположение основных магистралей, завершающихся площадями [10, с. 741]. Главный архитектурный ансамбль при этом составляли административные правительственные здания или дома состоятельных слоев населения.

Заблаговременно, ко дню официального открытия наместничества (16 декабря 1778 года) в Рязани были построены главные административные здания, а также дом для пребывания Государева наместника. Согласно историческим документам «корпус для всех присутственных мест был построен деревянный, на 120 сажень в длину, и в ширину на 5 сажень и находился при въезде от Москвы через Московскую заставу. Наместнический дом так же был деревянный двухэтажный на каменном фундаменте по левую сторону от Московской заставы. Это был огромный деревянный корпус с двумя деревянными флигелями на 150 сажень» [2, с. 331]. Позднее присутственные места и дом наместника были заново отстроены из камня к 1788 году. «По Высочайшему указу, Иван Васильевич Гудович [третий государев наместник] принял два великих намерения к построению двух обширных каменных зданий в губернском городе Рязани, а именно: построение обширнейшего каменного корпуса в двух этажах для помещения в нем Присутственных мест, и дома для пребывания Государева наместника» [2, с. 334]. Однако в исторической географии Рязани сохранился до наших дней другой губернаторский дом, построенный спустя столетие в 1876 году как резиденция рязанских губернаторов. В своих апартаментах губернатор устраивал официальные встречи, принимал гостей и просителей.

Важной составляющей жизни дворца была его социально-культурная функция, что является для дворцов не исключением, а правилом. Дворец этого времени представляет собой универсальное общественное здание – это одновременно и дом, и государственное учреждение, и театр, и место, где собирается общество, и музей [8, с. 205]. На территории дворцовых комплексов организовывались государственные праздничные торжества, которые проводились при участии в этих церемониях значительной части городского населения независимо от сословной принадлежности. Известная поэтесса XIX века Юлия Жадовская так описывала посещение в 1841 году ярославского губернаторского дворца Николаем I: «Какое бесчисленное стечение народу! Какое многоцветное разнообразие лиц и костюмов! ...Тут ведь не один Ярославль, – нет сюда пришли жители из всех его уездов и

селений, у всех одно намерение, одно желание – посмотреть своего государя – Красное солнышко. Какое умиленное зрелище! Тесно, но делать нечего пройдем далее. Ну, слава Богу! вот мы и против дворца. О, да здесь весь Ярославский beau-monde. ... Но взоры всех были обращены на балкон и кабинет дворца; все с нетерпением ждали появления Государя» [7, с. 5].

Местом организации городских праздников в Рязани являлся дворец Гаврилы Васильевича Рюмина (1751-1827 гг.). Известный благотворитель, купец, а позже дворянин, он построил один из первых каменных особняков в городе. В конце XVIII века Рюмину была выделена огромная территория под строительство двухэтажного каменного дома, включавшая в себя склон с оврагом и ручьем. Ландшафт давал возможность устроить здесь обширную городскую усадьбу в модном тогда пейзажном стиле. На территории дворца располагался уютный парк, который служил местом проведения различных гуляний [1].

Постепенно провинциальные дворцы становились практически воплощением истории Российского государства для населения. Парадность самой губернаторской резиденции олицетворяла репрезентативность императорского двора на местах. Назначаемые императорами высшие чины губернской администрации вносили в провинциальную жизнь столичные обычаи и нравы, задавая тон нижестоящим чиновникам. В залах дворца устраивали приемы, балы, светские рауты, беседы, встречи с представителями разных сословий. Интерьер губернаторских резиденций оформлялся с европейским вкусом. Из столицы выписывали мебель, зеркала, люстры. В соответствии с модой, в уютных, изящно обставленных гостиных появились трельяжи, увитые зеленью. В них часто устраивались музыкальные вечера, столь популярные в придворных кругах. В просторных столовых проходили пышные обеды, куда приглашали не только членов губернаторской семьи, но и состоявших на службе чиновники.

Перемены в судьбах провинциальных губернских дворцов происходят после Февральской революции. Упразднение должности генерал-губернатора и национализация имущества превращает дворцы в Дома народа или в Дома республики, которые тоже мыслились как универсальные общественные здания – соединявшие все возможные функции. В них устраивались залы для заседаний и театральных представлений, библиотеки, спортивные залы, комнаты для занятий, музеи, разумеется, иной идеологической направленности, нежели губернаторские художественные коллекции. Все эти новшества приводят к изменению облика дворцов, они перепланируются, постепенно ветшают, меняется их отделка и убранство, устраиваются перепланировки.

В стремлении сохранить архитектурную уникальность в облике города, а так же культурологическую функциональность, здания дворцов постепенно стали передаваться музеям. К примеру, бывший генерал-губернаторский дворец в Омске, в 1923 г. был отдан Западно-Сибирскому Краевому музею. Через год омская общественность стала свидетелем знаменательного события

в культурной жизни города. Пригласительный билет сообщал: «Государственный Западно-Сибирский Краевой музей просит Вас пожаловать на открытие картинной галереи, имеющее быть в воскресенье 21-го сего декабря в 12 часов дня. Директор музея Мелехин». На втором этаже в самом большом зале, где когда-то проходили важные приемы и решались судьбы Сибири, перед изумленными зрителями предстали около 90 произведений замечательных русских художников [9].

В современном музееведении памятники архитектуры, включаемые в музейную деятельность, по характеру использования подразделяются на три основные группы. К первой относятся музеи-памятники, являющиеся самостоятельными объектами музейного показа, при этом подлинные интерьеры могут выступать в качестве основы ансамблевой композиции. К примеру, в территории губернаторской усадьбы в г. Ярославле, была проведена комплексная научная реконструкция. В бывшем Губернаторском доме был воссоздан интерьер XIX века, построены ретроспективные экспозиции отечественного искусства XVIII-XX вв. [11]. Ко второй группе относятся памятники, используемые для размещения экспозиции различного профиля и содержания. Богатые коллекции живописи, скульптуры, предметов интерьера экспонируются в отреставрированных залах конца XVIII-начала XIX веков. К примеру, в Воронежском дворце, интерьеры не сохранились и историческая планировка частично утрачена, так как во время Первой Мировой войны здесь был организован санитарный пункт, а после Октябрьской революции располагались военные, хозяйственные и административные организации. На сегодняшний день в стенах дворца размещается областной художественный музей имени И.Н. Крамского, где находится богатая коллекция западноевропейского и отечественного искусства. В здании Рязанского губернаторского дворца, где в советское время располагались различные организации, и даже жилой фонд, в 1978 г. была проведена капитальная реставрация, после чего в апреле 1980 г. сюда был перемещен областной художественный музей им. И.П. Пожалостина.

К третьей группе относятся памятники, приспособленные под фондовое хранения, реставрационные мастерские, служебные помещения [4, с. 182-190]. В качестве примера можно отметить дворец губернатора в Нижнем Новгороде, где с 1992 г. размещаются фонды Нижегородского художественного музея, которые считаются одними из старейших в России. Его коллекция насчитывает более 12 тыс. экспонатов, среди которых памятники мирового значения: иконы XIV-XVII вв., произведения русских живописцев XVII-XX вв., а также классиков западноевропейского и восточного искусства. Омский дворец генерал-губернатора во время Великой Отечественной войны также являлся местом хранения коллекции Государственного исторического музея, музеев Новгорода и Воронежа. В настоящее время в здании располагается Омский музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Нередко дворцы-музеи совмещают в себе в той

или иной степени свойства всех трех групп – они и сами являются объектом экспонирования, и вмещают в себя музейные экспозиции и фонды.

Современный провинциальный музей, который располагается в исторических стенах дворца, является не только учреждением предназначенным для сбора, хранения и открытого экспонирования широкой публике художественных собраний, но и сам выступает как памятник архитектуры. Причем является не чистым эстетическим объектом, а воплощает в себе непростой исторический опыт страны, и этот слой значений и смыслов также не должен быть утрачен. Музейные судьбы провинциальных дворцов не только связаны с хранением и демонстрацией памятников прошлого, но и по-прежнему являются разновидностью публичного пространства, центром праздничной, досуговой, просветительской жизни города.

Проблемы сохранения дворцов в столичных городах и в провинциальных имеют разные особенности. Для столичных городов, с многими дворцами-музеями и многими публичными пространствами, может стоять вопрос о немусейном использовании дворцового памятника. В провинциальных городах – вряд ли. Переоборудование имеющихся немногочисленных памятников под учреждения, или резиденции новых обеспеченных людей, неминуемо выведет их из публичного функционирования. Поэтому оптимальным представляется развитие именно музейной практики по отношению к провинциальным дворцам.

Литература

1. Аграмаков Н.Н. Меценаты губернской Рязани – Рязань, 1995.
2. Воздвиженский Т.Я. Историческое обозрение Рязанской губернии –Рязань, 1995
3. Губернаторский дворец. Нижний Новгород [Электронный ресурс] // URL: http://www.extra-n.ru/text/bisnes/gubernatorskij_dvoretc/
4. Кальницкая Е.Я. К истории вопроса о музейной коллекции Михайловского замка / Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – № 12 (81). – СПб., 2008.
5. Кальницкая Е.Я. Музеефикация дворцов. Актуализация архитектурного наследия в современной теории и практике. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени доктора культурологии по специальности 24.00.03 – музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов. – СПб., 2009.
6. Лётин В.А., Иванова В.Н. Роль усадебных ансамблей дворцового типа второй половины XVIII века в формировании архитектурной среды центра наместничества // Городская усадьба в архитектурной среде Ярославля: От классицизма до модерна. Коллективная монография. – Ярославль, 2009.
7. Мельгунов Б.В. Два дебюта // «Очарованный странник» – 1995 – № 8 (26).
8. Никифорова Л.В. Чертоги власти: Дворец в пространстве культуры – СПб, 2011.
9. Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vrubel.ru/museum/history/index.htm>
10. Полное собрание законов Российской Империи. – СПб.
11. Серова И. Страницы из жизни губернаторской усадьбы в Ярославле // Мир музея. – 2007 – №4.
12. Тверская областная картинная галерея. История Дворца [Электронный ресурс] // URL: <http://gallery.tver.ru/palace/history/>

Соловьева Е.А.
*ассистент кафедры истории
Ульяновского государственного
педагогического университета имени И.Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия*

ДЕНЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В современной России особое внимание уделяется изучению проблем местного управления. Опыт работы губернской администрации дореволюционной России может помочь в понимании и разрешении проблем в сфере управления в современной России. В современной России много делается для повышения уровня жизни населения: повышаются з/п, пенсии и пособия бюджетникам, военным и другим категориям. В дореволюционной России также существовала система социального обеспечения, защищавшая часть населения страны.

В статье рассматриваются размеры пенсий нижним воинским чинам (отставным солдатам) и денежных пособий их семьям.

Источниковую базу статьи составляют фонды Государственного архива Ульяновской области содержащие информацию о размерах денежного обеспечения нижних чинов.

Система призрения (социального обеспечения), правительственной и частной поддержки отставных военнослужащих и военных инвалидов не имела в России значительной исторической традиции. Только в XVII в. начали издаваться специальные законодательные акты, регламентирующие некоторые стороны социальной защиты семей военнослужащих.

Первые сведения о назначении пособий воинским чинам российской армии относятся к указу Петра I, изданному в 1716 г. По нему «офицеры, неспособные к службе в полевых войсках, переводились в гарнизон или определялись по губерниям на гражданские места или, наконец, получали определенное жалованье до самой их смерти» [11], хотя оно первоначально касалось только морских чинов. Пенсионный устав для сухопутных войск был издан лишь в 1763 г. К концу царствования Александра I начались работы по объединению всех отдельных пенсионных положений в один общий устав, который был объявлен уже при Николае I 6 декабря 1827 г. Данный устав в главных положениях сохранил силу до 1917 г.

Первоначально в России в XVIII в. помощь (предоставление натуральных льгот и привилегий) оказывалась нижним чинам (солдатам), пострадавшим на войне, – увечным воинам, инвалидам, потерявшим трудоспособность, а также членам их семей. В XIX в. выходили нормативные акты, регламентировавшие социальный статус и поддержку семей отставных солдат, а также солдатских детей (кантонистов, солдатских девок и сирот из семей отставных военнослужащих) [12].

Первые сведения об отставных солдатах появились еще во второй половине XIX в. в сборниках отдельных ведомств [1] или в статистических

обзорах. Так «Так, в историческом очерке о министерстве государственных имуществ была охарактеризована система призрения отставных солдат в государственной деревне» [12]. Историко-правовые аспекты выхода солдат в отставку проанализированы в работе П.Н. Заусцинского [10]. На протяжении XX века проблеме изучения социально-экономическому положению отставных военных уделено много внимания [9]. Однако данная проблема еще себя не исчерпала.

После реформ 60-70-х гг. XIX в. в ведении созданных земств стала относиться выдача пенсий нижним воинским чинам и денежных пособий их семьям, однако решения земств по этому вопросу часто оспаривались губернским правлением и губернатором. Существовало ряд ограничений, при наличии которых пенсии и пособия не выдавались, которыми губернатор пользовался в целях наименьшей траты бюджета на выплату пенсий нижним воинским чинам и денежных пособий их семьям.

Губернатор распоряжался назначением пенсий из инвалидного капитала воинским нижним чинам или их семьям, «солдатским детям и сиротам пособие не полагалось, а также если отставной военный покалечился на уже находясь в отставке, а не на службе, то ему также отказывалось в получении ежемесячного денежного пособия» [5, л. 59], по три рубля в месяц. Но не все так было просто, не все военные, желающие иметь пенсию, в размере жалких трех рублей, могли ее получить. Пенсии по инвалидности выдавались лишь в том случае, если увечье было получено в период службы. Если же увечье получено после выхода в отставку, то нижним чинам запаса отказывалось в получении ежемесячного денежного пособия от земства. Губернское правление, а если быть честными, то губернатор, как мог, затягивал процесс определения, кто достоин пенсии, а кто нет. Даже запросы Министерства военных дел не давали результатов. Например, «в 1878 г. из 412 поданных заявлений было удовлетворено лишь 53» [4, лл. 50-52]. Те, кто не был включен в список лиц, получающих ежемесячную пенсию, имел возможность «подрабывать», конвоиром при арестантах гражданского ведомства, высылаемых на работы в места заключения. За эту работу устанавливалась определенная плата.

В ведении губернатора находилась и выплата денежных пособий женам и вдовам (солдатским детям пособия не полагались), нижних военных чинов «в размере от 1 руб. 28 коп. до 6 руб. 40 к. на одно лицо в месяц» [2, л. 49]. Денежные пособия выдавались при наличии малолетних детей, при отсутствии средств к пропитанию, в виде денег или остатков от предыдущего урожая, скотины или работы, или недвижимого имущества, а так же при отсутствии родственников, которые могли бы приютить у себя вдову и детей. Пособие полагалось нищим, без определенного места жительства людям! «В 1878 г. прошений поступило 59 – отказано 48-ми, по известным причинам. В 1879 г. из 40 прошений удовлетворено только 20» [3, л. 50].

В 1878 г. было выдано земских денежных пособий семьям нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное

время на службу девяти семьям в губернии, «на сумму 642 руб. 81 коп. (для сравнения в 1877 г. земских денежных пособий было выдано на сумму 16.777 руб. 74 коп.)» [3, л. 50]. Прослеживается тенденция к уменьшению количества выдаваемых пособий, либо средств городского бюджета на эти цели, либо увеличение мастерства чиновников Губернского правления в выискивании причин, дающих право не выдавать денежные пособия.

После контрреформ в ведении губернатора и губернского правления по-прежнему была выплата денежных пенсий и пособий женам и вдовам нижних военных чинов. Тенденция к уменьшению количества выдаваемых пенсий и пособий сохранилась. Губернское присутствие старалось выдавать как можно меньше пенсий. Предпочтение отдавались единовременным пособиям в размере 3-х рублей, и те выдавались только после изучения характера увечий полученных нижними военными чинами во время войны. В 1880-82 гг. пособия были выданы нижним чинам, которые во время войны лишились «членов или зрения вследствие болезни или несчастных случаев». «Из 36 прошений было удовлетворено 9, из которых пособия в размере 3-х рублей получили 7 человек, и двое получили пенсию в размере 57 руб. в год (8;6-23). В 1885 г. из 20 прошений на выдачу пособий было удовлетворено лишь три (большинству отказано по известным причинам)» [6, л. 3].

В конце 80-х гг. XIX века в Симбирском губернском правлении, из-за упрощения делопроизводства по назначению ежемесячных пособий, в соответствии с циркулярным распоряжением от 4 февраля 1887 г., за № 866, «в паспортах вдов должно быть обозначено о вхождении их мужей в сельские, мещанские или ремесленные общества» [8, л. 1]. Таким образом, если они при жизни не состояли в этих обществах, то после смерти вдовы нижних воинских чинов не могли получать данные пособия.

Анализ практики выдачи пенсий нижним воинским чинам и денежных пособий их семьям позволил зафиксировать ее следующие характерные черты: 1) на протяжении второй половины XIX в. прослеживается тенденция к уменьшению количества выдаваемых пособий солдатам и их вдовам; 2) не все военные инвалиды и ветераны могли получить заслуженное пособие. Существовал ряд критериев, которые ограничивали его выдачу, но даже если инвалид и имел право на получение пособие, губернское начальство могло просто отказать, без объяснения причины; 3) право на пособие, помимо самих инвалидов, имели вдовы и жены солдат, однако дети, оставшиеся сиротами, под категорию нуждающихся не попадали;

Литература

1. Варадинов Н. История Министерства Внутренних Дел. – Ч. 3. – Кн. 2. – СПб., 1862; Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855-1880 гг.). Т. 2. СПб., 1879.
2. ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 163, л. 49
3. Там же, л. 50
4. Там же, лл. 50-52
5. ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 259, л. 59

6. ГАУО, Ф. 76, Оп. 2, Д. 658, л. 3.
7. ГАУО, ф. 76, оп. 5, д. 39. лл. 6-28
8. ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 215, л. 1
9. Герасимова, Ю. И. Крестьянское движение в России в 1844-1849 гг. // Исторические записки. М., Т. 50. С. 230; Найденов, М. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861-1863 гг.). М., 1955. С. 98-99 и др.; Александров, В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976; Форсова В. В. Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник РАН, 1996. Т. 66. № 8. С. 750-758; Яременко В. А. Социальная защищенность военных чинов в России до 1917 г. // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 177-183; Чиненный С. А. Пенсия не милость, а долг государства // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 59-67.; Попов Ю. М. Зарождение системы социальной защиты военнослужащих (XVIII в.) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 133-152.; Щербинина Ю.В. Особенности формирования системы социальной защиты военнослужащих в XVIII-XIX вв. // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 2005. С. 91-93; Ее же. Участие отставных и бессрочноотпускных солдат в социальном протесте в российской провинции в XIX в. // Общество и государство в России: Традиции, современность, перспективы: Сб. науч. ст. Вып. 2. Тамбов, 2006. С. 35-45; Ее же. Монастырское призрение отставных солдат в России в XVII – XVIII вв. // Православная история и традиционная история Тамбовского края: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Тамбов, 2007. С. 109-112; Ее же. Власть, общество и военные инвалиды в XVIII в. // Армия и общество в российской истории XVIII – XX вв.: сб. трудов междун. науч. конф. Тамбов, 2007. С. 61-66; Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). Научное издание. СПб., 2006.
10. Заусцинский, П. Кодификация русского военного законодательства в связи с историей развития русского войска до реформ XIX в. СПб., 1909.
11. Пенсионное обеспечение российской императорской армии [Электронный ресурс] // Международная военно-историческая ассоциация. Военная энциклопедия Сытина, 1916 г. т. 18. URL: http://imha.ru/2012/04/17/pensionnoe-obespechenie-rossiyskoj-imperatorskoj-armii.html#.UKSr3_uCmWw (дата обращения: 15.11.2012).
12. Щербинин П. П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] // [The Peculiarities of Social Welfare for Military Service Veterans in the Russian Empire, XVIIIth through early XXth Centuries] », The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies [Online], Issue 6/7 | 2007, Online since 20 December 2007, connection on 14 November 2012. URL: <http://pipss.revues.org/973> (дата обращения: 15.11.2012).

ТРАНСФОРМАЦІЯ МУЗЕЙНОЇ СФЕРИ: ВІД ТРАДИЦІЙНОГО МУЗЕЮ ДО ВІДКРИТОГО

В складній ситуації суспільних трансформацій, культура виступає одночасно і змінюваною сферою і рушійною силою цих змін. В свою чергу музей змінюється на зламі століть, виникають нові форми музейної експозиції, нові типи музею та нові технології впроваджуються до повсякденної роботи музею. Всі ці процеси неминуче призводять до зміни музейних функцій.

Можна виділити дві основні тенденції трансформації музейної сфери: по-перше, це створення внутрішньо музейних та навколо музейних структур, а, по-друге – об'єднання музеїв та культурних установ різного профілю в єдину структуру. По всьому світу всередині музеїв створюються гуртки, центри музейної педагогіки, сучасної культури, співтовариства художників тощо. Паралельно із цим, керування музеями все частіше частково чи повністю переходить навколо музейним структурам: фондам, меценатам, товариствам. Феномен меценатства та спонсорства поступово набуває провідної ролі в фінансуванні музеїв. Другою тенденцією є створення надмузейних установ з інтегративною функцією у вигляді асоціацій, договорів співпраці, конкурсів. Такі структури є як на регіональному рівні, так і на державному, і, навіть, міжнародному.

Та все ж таки головною тенденцією розвитку музейної сфери є всебічна направленість в бік відкритості музею. Це проявляється як в реформації самого музейного простору, реорганізації експозицій, зміні форм роботи музейних працівників, в спрощенні доступу до керування музеями, так і в створенні нових типів музеїв: музею під відкритим небом, екомuzeю, дитячого та віртуального музею.

Зміни в бік більшої відкритості музею наприкінці минулого століття стали поштовхом для виникнення музею під відкритим небом. Цей процес пов'язан з тим, що у двадцятому столітті значно розширилось поняття культурної спадщини, змінилось розуміння часових періодів, що відносяться до неї. На відміну від традиційного музею, музей під відкритим небом має більш широкий спектр функцій. Його робота не обмежена трансляцією історичних надбань. Музеї під відкритим небом зазвичай мають проекти, які залучають відвідувача до активної участі в комунікаційних музейних процесах. Таким чином відвідувач «занурюється» в іншу історичну епоху, доповнюючи своє інтелектуальне пізнання емоційним. Прикладом такого музею є Національний музей народної архітектури та побуту України, в якому відвідувач може ознайомитись з архітектурою, традиційним побутом різних регіонів України, і навіть ландшафтний дизайн цього музейного комплексу імітує природні умови тієї чи іншої частини України.

У той же час в теорії і практиці зарубіжної музейної справи з'явилося нове поняття - екомuzeї. У буквальному перекладі це будинок-музей, за змістом - синтез природи, культури і традиційного соціально-економічного життя населення конкретного регіону. У музейній типології екомuzeї утвердилися до середини 1980-х рр. «Найважливішу роль у становленні теорії екомuzeя зіграв проведений в Квебеку в 1984 р. міжнародний семінар "Екомuzeї і нова музеологія", на якому була прийнята "Квебекська декларація". Декларація констатувала виникнення нового типу музейної установи, що характеризується яскраво вираженою соціальною місією, і зафіксувала найважливіші положення цього нового напрямку в світовому музейну справу».[3] Екомuzeй виступає як можливість введення в чужу культуру, не тільки споглядання, а й активного освоєння іншого способу розуміння світу. Прикладом такого музею в Україні є Кам'янець-Подільська фортеця, в якій щороку проводиться фестиваль та історична реконструкція Terra Heroica, під час якої «вживання» в історію відбувається не тільки в учасників історичних реконструкцій, але і у відвідувачів свята.

Так само широку популярність сьогодні отримало рекреаційно-прикладне освоєння архітектурних об'єктів, що мають історико-культурне значення: «в колишніх замках, палацах, фортифікаційних спорудах, в старовинних будинках, коморах, млинах відкриваються торгово-ресторанні заклади, які стають відомими завдяки своїй "культурної" начинці».[2, с. 42] Однак у подібних закладах, у порівнянні з екомuzeями, екзотична середа є скоріше декоративною, рекламною, ніж культууроутворюючою. Реального синтезу «високого» і «низького» не відбувається, оскільки торгово-економічна функція зазвичай тяжіє над історико-культурною. Також існує варіант створення в історичних спорудах центрів сучасного мистецтва, концертних залів, тощо. Прикладом такої формації є замок Сент-Міклош в Закарпатській області. Який зараз перебуває в оренді подружжя художників Бартош і виступає одночасно пам'яткою архітектури, галереєю картин родини Бартошів, центром сучасного мистецтва, платформою для історичних реконструкцій і, навіть, місцем проведення весільних церемоній.

Ще одним інноваційним типом музею став дитячий музей. Останнім часом дитяча аудиторія стала пріоритетною для багатьох музеїв. Активного розвитку набула музейна педагогіка. Відмінними характеристиками дитячого музею є «пріоритет освітньо-виховної функції, доповненої здійсненням соціальної адаптації дитини до навколишньої дійсності; інтерактивна експозиція музейна, стимулююча творчу і ігрову діяльність дітей.»[1] Інтерактивна організація музейного простору, на відміну від традиційної експозиції, є більш цікавою для дітей, а залучення до активної комунікації з музейними предметами надає більшого емоційного досвіду, що сприяє запам'ятовуванню отриманої теоретичної інформації. Прикладом дитячого музею є музей популярної науки і техніки «Експериментаніум» в м. Київ. Вся експозиція є повністю інтерактивною. Відвідувачам пропонується на власному досвіді переконатися в істинності законів фізики, також

випробувати на точність історичні моделі різноманітних механізмів і власноруч вирішити логічні задачі різного рівню складності.

З поширенням Інтернет-технологій та розвитком цифрової техніки з'являються перші віртуальні музеї. Спочатку створення власних віртуальних експозицій було притаманне лише великим музеям, як Лувр, Ермітаж, музей Білого Дому. Але на даний час ця технологія вже є дуже поширеною, і власні віртуальні версії мають і маленькі музеї, наприклад «Музей писанкового розпису» в Коломиї. Таким чином з унікальною та єдиною в світі колекцією писанок може ознайомитись будь-який користувач мережі Інтернет, не відвідуючи при цьому маленьке місто в Карпатах. Окремо треба відмітити Google Art Project, який є сайтом-агрегатором для музеїв, галерей, окремих художників та митців. Завдяки високим технологіям цей сайт надає змогу роздивитись твори видатних творців в дуже детальному розширенні, навіть ближче ніж в самому музеї, через існуючі правила безпеки.

Відповідно, до вищезазначених змін, сучасний музей стає центром культури, освіти і виховання. Отже ми можемо зробити висновок про зміну головних функцій музею порівняно з традиційним музеєм:

1. Функція зберігання втрачає провідне значення. Музейний предмет отримує нове розуміння в якості інструмента створення антуражу та «духу» певної історичної епохи.

2. Освітньо-виховна функція, навпаки набуває провідного значення. Збільшення уваги до дитячої аудиторій, високий рівень інтерактивності музейних експозицій та музейні фестивально-культурні заходи відкривають нові можливості для музейної педагогіки.

3. Наукова робота в сучасному музеї теж змінює свій формат відповідно до нових принципів практичних досліджень в сучасній прикладній науці.

Отже, наслідками «музейного буму» другої половини двадцятого століття стали трансформаційні процеси музейної сфери, направлені в бік більшої відкритості музеїв, та переорієнтації центру їх уваги з музейної колекції в бік відвідувача, через створення нових типів музеїв та нових принципів їх функціонування.

Література:

1. Детский музей. Российская музейная энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?53>
2. Поляков. Т.П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» / Т.П. Поляков // Музей и новые технологии // На пути к музею XXI века / Сост. и науч. ред. Н.А. Никишин. М. : Прогресс-Традиция, 1999, С. 41 – 44.
3. Экомuseum. Российская музейная энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.museum.ru/rme/sci_eco.asp

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях происходящих изменений в сфере культуры и науки актуальным является культурологический подход к образованию, который предполагает создание условий для творческого духовного самоопределения личности. Особая роль в решении этой задачи принадлежит музейной педагогике.

Одним из приоритетных направлений в развитии системы образования Аскизского района Республики Хакасия является создание сети школьных музеев и введение музейной педагогики в образовательный процесс. Школьные музеи создаются и функционируют с целью повышения эффективности учебно-воспитательного процесса, развития познавательной и творческой активности учащихся, формирования у них навыков ценностно-ориентированного отношения к культурно-историческому наследию и приобщения к нему.

Необходимым условием использования музейной педагогики в образовательном процессе является создание музейной среды в образовательных учреждениях.

Управлением образования работа по созданию школьных музеев ведется с 2004 года. За этот период произошли заметные количественные и качественные изменения.

В 2005 г. были открыты 7 школьных музеев, в 2006 г. – 17, в 2007г. – 21. В настоящее время практически во всех средних, основных и Югачинской начальной школах имеются музеи, музейные уголки, кабинеты. 17 школьных музеев (68%) имеют отдельные помещения, остальные располагаются в совмещенных с предметными кабинетах, библиотеках. В 2012 году отдельные помещения выделены для музея «Панорама» СОШ пос. Аскиз, музея «Память» Аскизского лицея, построена юрта-музей в В-Аскизской СОШ.

Во всех образовательных учреждениях назначены руководители школьных музеев, организована работа краеведческих кружков. В 18 школах (72%) производится оплата труда за счет кружковой работы, в 2-х школах (8%) – за счет стимулирующего фонда, в 5 школах работа ведется на общественных началах.

В музеях сформированы детский и взрослый актив, созданы органы самоуправления – Совет музея. В каждой школе организована подготовка юных экскурсоводов.

Основной фонд школьных музеев комплектуется, как правило, из предметов бытовой утвари, охотничьего промысла, хозяйственной деятельности, национальной одежды, украшений и т.д. Вспомогательный

фонд включает документы, фотографии, справочные материалы. В школьных музеях имеются предметы, представляющие материальную и историческую ценность. Например, в музее «Сахсар» Усть-Камыштинской СОШ хранятся женская шуба и шапка свахи, праздничное седло, псалтырь XIX в.

Источниками комплектования фондов школьных музеев являются предметы, полученные от учащихся, учителей, родителей, жителей населенных пунктов, предприятий. Так, основной фонд музея «Маначах» Усть-Таштыпской ООШ пополнился хакасскими музыкальными инструментами, подаренными компанией ООО «ВСК-Импульс». За последние 2 года школьным музеям передано более 100 предметов.

Количество хранимых в музеях предметов составляет от 28 в Югачинской НОШ до 416 в Усть-Камыштинской СОШ.

Научно-методическое сопровождение деятельности школьных музеев обеспечивают научные сотрудники Хакасского республиканского национального музея-заповедника и муниципального музея «Хуртуях тас».

Профиль школьного музея, направление его деятельности педагогические коллективы выбирают исходя из местных условий, накопленного опыта работы. Например, этнографический музей «Тадар иб» Н-Тейской СОШ, хакасского языка и литературы – Калининской СОШ, боевой славы – в Аскизском лицее, орнотологический – в Югачинской НОШ. Вместе с тем большинство школьных музеев являются комплексными, т.е. ведущими работу по разным направлениям. Это связано с особенностями работы школьных музеев, деятельность которых неразрывно связана с жизнью школы, села, района. Как правило, в них представлены экспозиции, посвященные культуре и быту народа, истории школы и села, деятельности совхозов, промышленных предприятий, ветеранам войны и труда, знаменитым людям села, генеалогическому древу родов, выставки изделий учащихся. Кроме того, тематика экспозиций отражает историю населенного пункта. Например, в музее «Моя малая Родина» Балыксинской СОШ оформлены экспозиции «История золотодобычи», «Промыслы в нашей тайге», в музее «Истоки» Болгановской СОШ – «Природно-исторические объекты Пуланколя», в музее «Сахсар» У-Камытинской СОШ – «Культура и быт переселенцев», в музее «Чити хыс» В-Аскизской СОШ – «История родов с. В-Аскиз».

Все школьные музеи доступны для посетителей. Основными категориями посетителей школьных музеев являются учащиеся, учителя, родители, жители населенных пунктов. Количество посетителей музеев зависит от активности музея и количества обучающихся в школе. Школьные музеи ежегодно посещают более 10 тысяч детей и взрослых.

В настоящее время накоплен опыт работы по использованию музейной педагогики в образовательном процессе по следующим направлениям:

1. Проведение педагогическими работниками музейных уроков.

В методической копилке педагогов накоплен обширный материал по проведению уроков по всем учебным предметам с использованием музейных

предметов. Причем один и тот же музейный предмет может служить иллюстративным материалом для изучения различных научных дисциплин.

Так, макет юрты используется при проведении урока технологии в 5 классе по теме «Оборудование кухни и хакасской юрты» (учитель Мамышева Н.С., Усть-Чульская СОШ), урока русского языка в 3 классе по теме «Склонение имен существительных» (учитель Майнагашева М.С., Базинская СОШ), урока геометрии в 9 классе по теме «Многогранники» (учитель Карамчакова О.Р., Усть-Есинская СОШ), на уроках хакасской литературы при знакомстве с убранством юрты хакасского народа в драме М.С. Кокова «Акун» (учитель Канзычаков Р.Ю, Калининская СОШ).

В исследовательской работе «Физика о юрте и очаге» (авт.Топоева А., 9 класс, Катановская СОШ) изучаются геометрические чертежи и особенности юрты, технология и материалы, использованные при строительстве юрты. Автором раскрыты возможности применения законов физики, объяснены способы теплопередачи, хорошей слышимости, освещенности и особенности устройства очага.

Таким образом, музейная педагогика имеет широкие возможности обеспечения междисциплинарного подхода, сведения воедино знаний по всем учебным дисциплинам на основе анализа музейных предметов.

На всех музейных уроках даются исторические сведения о музейных предметах, народных традициях и обычаях, успешно решаются образовательные, воспитательные и развивающие задачи.

Музейные уроки позволяют учителям-предметникам расширить и углубить учебную программу, наполнить содержанием национально - региональный компонент предмета, обеспечить межпредметную связь и связь теории с жизнью.

2. Применение музейных средств для организации и проведения воспитательных мероприятий во внеучебное время.

Повышенный интерес у учащихся вызывают внеклассные мероприятия, проводимые в школьных музеях: тематические классные часы, родительские собрания, вечера, встречи, КВН, театральные постановки, конкурсы, экскурсии, интеллектуальные марафоны. В музее Аскизского лицея учащиеся на классном часе «Хакасия в годы войны» (учитель Чудочина И.В.) знакомятся с подвигами наших земляков; в Лесоперевалочной СОШ №1 музейные материалы являются обязательные элементы оформления праздника «День Земли» (учитель Тюкпиекова Г.К.).

Имеющийся обширный краеведческий материал учитель Калининской СОШ Тобурчинова О.Г применяет при проведении викторин и игр «Счастливый случай», «Брейн-ринг», «Слабое звено».

Особенно эффективно решаются задачи воспитания подрастающего поколения на традициях национальной культуры при проведении школьных и районных детских праздников «Тун пайрам». Музейные предметы, макеты, новоделы используется для оформления юрты – традиционного жилища хакасского народа, музейные материалы – для подготовки и участия

детей в конкурсах традиционной музыкальной культуры, декоративно-прикладного искусства, национальной кухни, конкурсов красоты для девушек, соревнования по народным играм и состязаниям.

Таким образом, через внеклассные мероприятия формируется система ценностей учащихся, успешно ведется патриотическое воспитание, прививается любовь к малой родине.

3. Организация на базе музея учебно-исследовательской деятельности учащихся.

Современная школа призвана обеспечить новые подходы к организации образовательного процесса, акценты в котором делаются на создание школьного пространства, дающего возможность развития и реализации детских способностей, навыков исследовательской деятельности.

Научно-исследовательская деятельность учащихся организована в общеобразовательных школах района по всем образовательным областям. Достаточно отметить, что только педагогами и учащимися Казановской ООШ опубликовано более двадцати исследовательских работ. При этом обязательным требованием практически всех исследований является закрепление теоретических знаний на практике. Учащимся школы удалось принять участие в археологических раскопках, фольклорных, лингвистических, экологических, флористических экспедициях, поработать над производством сувениров.

Работа в этом направлении способствует формированию исследовательских навыков учащихся, становлению творческой личности, приобщению к духовным и культурным ценностям народа.

4. Организация сотрудничества школьных музеев с республиканским и муниципальными музеями.

В практике работы сложились следующие формы взаимодействия:

- *разработка музейно-педагогических программ*, которые являются продуктом творческого взаимодействия музейных работников и школьных педагогов. Музейные, краеведческие материалы стали основой для разработки образовательных, воспитательных программ, элективных курсов. Так, в образовательном процессе Казановской ООШ успешно прошли апробацию образовательные программы «История культуры одного края для 1-9 классов» (авторы Еремин Л.В, Кулимеева В.К.), «Сакральная экология» (Майнагашева С.М.), «География местного края» (Сербигешева К.А.), «Основы музейной педагогики и памятниковедения» (Еремин Л.В.).

В последние годы в образовательных учреждениях района реализованы образовательные программы: в Калининской СОШ – «Краеведение» для 6-8кл (авт. Тобурчинова О.Г), в Аскизском Центре детского творчества – «Мир моды» (авт. Мишакова И.Е.), в Усть-Камыштинской СОШ – элективный курс по истории для 9 класса «Народные праздники Хакасии» (Ултургашев А.А.).

- *проведение семинаров, мастер-классов, научно-практических конференций.*

В целях изучения, обобщения и распространения опыта лучших школ по введению музейной педагогики в образовательный процесс проводятся семинарские занятия со всеми категориями педагогических работников. В программе семинаров – доклады, лекции о музейной педагогике, открытые уроки и внеклассные мероприятия, мастер-классы, обмен опытом, экскурсии по музеям района.

Совместно с Хакасским республиканским национальным музеем-заповедником проведены районная научно-практическая конференция «Инновационные подходы в образовании: опыт и перспективы», семинар-практикум по теме «Проектирование экскурсионных программ: образовательно-воспитательный аспект».

Муниципальным музеем «Улуҕ Хуртуях Тас» и Анхаковской НОШ проведена научно-практическая конференция «Проблемы сохранения историко-культурного наследия Хакасии».

На базе музеев Есинской СОШ, Лесоперевалочной СОШ № 1, Калининской СОШ регулярно проводятся открытые мероприятия, мастер-классы для участников региональных, межрегиональных, всероссийских и международных научно-практических конференций. Например, в 2010 г. проведены мастер-классы для участников III Международной научной конференции «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России», в 2011 году для делегации представительства Европейского Союза в России и Бюро по делам ЮНЕСКО в Российской Федерации в рамках проекта ЕС/ЮНЕСКО «Расширенный доступ к локальным культурам посредством инновационной сетевой образовательной модели развития и поддержки культурного разнообразия». В 2012г. в рамках данного проекта на детском празднике «Тун пайрам» в с. Аскиз приняли участие делегации 13 субъектов России.

- *организация тематических выставок.*

Аскизский краеведческий музей им. Н.Ф.Катанова традиционно в рамках проведения районных конкурсов юных художников «Тигір хуры» организует выставку декоративно-прикладного и технического творчества учащихся «Твори, выдумывай, пробуй!». Как правило, одновременно проводится и выставки картин профессиональных художников. В период работы данных выставок организованы экскурсии для учащихся, родителей и населения района.

- *проведение образовательных экскурсий*

Руководителями школьных музеев района разработаны образовательные, обзорные, тематические, воспитательные экскурсионные программы. Например, активом музея У-Чульской СОШ (руководитель Толмашова Ж.Г.) разработаны 9 экскурсионных программ – 1 обзорная, 8 тематических. В музее Верх-Аскизской СОШ проводятся интересные экскурсии по истории родов, об известных земляках, в музее Катановской СОШ – по истории села, об известном ученом Н.Ф.Катанове.

В целях улучшения деятельности школьных музеев управлением образования ежегодно проводится районный смотр-конкурс.

Победители и призёры конкурса определяются в соответствии с критериями, предусмотренными Положением о проведении конкурса. Критерии конкурса призваны способствовать дальнейшему развитию школьных музеев, поэтому они обновляются ежегодно. Так, основными критериями в первые годы проведения конкурса были: пополнение фонда музея, организация учета музейных предметов, улучшение условий для организации музейной работы, деятельность актива и Совета музея.

В последующие годы такими критериями стали: совершенствование оформления музейных экспозиций и выставок, организация культурно-просветительной, общественной деятельности музея, сотрудничество с родителями, общественными и другими учреждениями, степень востребованности фондов и экспозиций школьных музеев в учебно-исследовательской деятельности (количество публикаций, экскурсий, участие в летних экспедициях, проведение уроков, внеклассных мероприятий), наличие экскурсионных программ, использование при организации музейной деятельности компьютерных и медиатехнологий (наличие видео - ролика о школьном музее, материалов фондов и экспозиций на электронном носителе).

Для проведения районного конкурса школьных музеев привлекаются представители Совета старейшин Аскизского района, сотрудники государственных, муниципальных музеев, Комитета по спорту, туризму и молодежной политике, управления культуры.

Сегодня в оценке деятельности школьных музеев являются актуальными следующие показатели: музейное проектирование (презентация концепции развития школьного музея), издательская деятельность школьного музея, техническая модернизация, качество экскурсионного рассказа и показа.

Кроме того, за достижения в различных направлениях деятельности школьные музеи ежегодно награждаются денежными призами в различных номинациях, которые также ежегодно меняются – «Самый оригинальный музейный проект», «Лучшая экскурсионная программа», «Открытие года», «За сохранение культурных ценностей народов Хакасии», «За развитие музейной педагогики», «Музейная инновация», «Совершенствование музейных экспозиций», «Развитие фонда музея».

Таким образом, использование музейной педагогики в образовательном процессе способствует эффективному достижению триединой педагогической цели: обучению, воспитанию и развитию учащихся. При этом расширяется образовательное пространство школы, реализуется культурно-исторический, системно-деятельностный, интерактивный подход в обучении и воспитании. Успешно формируются метапредметные компетенции учащихся, развиваются личностные качества учащихся, любящих свой край и Отечество.

Традиционная классно-урочная система дополняется новыми формами учебных занятий (музейными уроками), которые отличаются как по форме проведения, так и по содержанию. Музейная педагогика становится одним из эффективных форм работы по духовно-нравственному, гражданско-патриотическому воспитанию личности в едином образовательном пространстве. Она воспитывает у учащихся толерантность, уважение к культуре других народов.

Однако сегодня ясно, что деятельность школьных музеев может отвечать современным требованиям только при условии их дальнейшего развития. Причем требуется улучшение как материально-технической базы, так и совершенствование образовательных программ. Для решения этих задач во всех школьных музеях имеются перспективные планы развития. Так, в настоящее время в Балыксинской СОШ ведется строительство избы-музея «Быт шорского охотника». Бирикчульским сельским советом планируется строительство поселенческого избы-музея «Старообрядческий скит» на базе Лестранхозовской СОШ.

Требует внимания техническая модернизация школьных музеев, обеспечение их информационно-коммуникативными средствами, экранно-звуковыми пособиями, техническими средствами обучения. Это позволит школьным музеям построить свою работу в соответствии с современными требованиями

Учитывая требования Федерального государственного образовательного стандарта о самостоятельном формировании 30% основной образовательной программы основного общего образования, актуальным является издательская деятельность музеев. Издание каждым образовательным учреждениям пособия по краеведению с использованием накопленных школьными музеями краеведческих материалов позволит выделить в учебном плане часы на изучение родного края и удовлетворить этнокультурные потребности обучающихся и их родителей. Перспективным представляется развитие мультимедиа-технологии (создание электронных учебных фильмов, программ). С 2013 года планируется организация летнего профильного лагеря юных экскурсоводов совместно с республиканским национальным музеем-заповедником и Аскизским центром занятости населения на базе Казановской ООШ.

Дальнейшему развитию школьных музеев будет способствовать организация передвижных выставок. Это позволит участникам образовательного процесса ознакомиться с опытом работы всех музеев района.

Активной интеграции музейной педагогики в основной учебный процесс способствует и то, что методическим кабинетом обобщается и распространяется опыт работы лучших учителей района по использованию музейной педагогики в образовательном процессе. Изданы сборники практических материалов с обобщением данного опыта. В этих сборниках опубликованы образовательные, воспитательные программы, элективные

курсы, проекты, конспекты уроков, сценарии внеклассных мероприятий с использованием музейных и краеведческих материалов, а также исследовательские работы педагогов и учащихся.

Литература

1. Васичева Э.В. и др. Музейная педагогика в образовательном пространстве школы // Методист. Москва, № 6, 7, 2007
2. Еремин Л.В., Сагалаков Н.У. Этнопедагогика в современной школе. Абакан, 2010.
3. Сагалаков Н.У. Национально-региональный компонент и музейная педагогика в образовательном процессе: Аскизский опыт. Абакан, 2006.
4. Сагалаков Н.У., Еремин Л.В.. Музеи Аскизского района Хакасии. Абакан, 2007.
5. Сагалаков Н.У., Еремин Л.В.. Организация краеведческой учебно-исследовательской деятельности в школе. Абакан, 2008.
6. Сагалаков Н.У., Еремин Л.В.. Хакасский детский праздник Тун Пайрам. Абакан, 2011.
7. Сагалаков Н.У., Еремин Л.В., Мишакова И.Е.. Детский праздник Тун пайрам. Новосибирск, 2011.
8. Сагалаков Н.У., Еремин Л.В.. этническая и экологическая культура хакасов в исследованиях учащихся Аскизского района Республики Хакасия. Новосибирск, 2012.
9. Столяров Б.А. Музейная педагогика. Москва, 2004.

Целовальникова И.И.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Ульяновского государственного педагогического
университета имени И.Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия*

*(статья подготовлена за счет средств внутривузовского гранта УлГПУ для
поддержки молодых ученых)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В ПРОМЫШЛЕННОМ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война стала рубежным событием в истории России, изменила весь ход общественно-политического и экономического развития страны. В политической сфере привела к вызреванию общенационального кризиса, росту революционного движения, переходу всех политических сил в оппозицию к правительству, в итоге – революционным потрясениям 1917 года. В экономике начавшаяся война вызвала усиление механизмов государственного регулирования, мобилизацию и перераспределение материальных и людских ресурсов. Одной из основных проблем в экономическом развитии страны стала нехватка рабочих рук, вызванная мобилизацией основной части трудоспособного мужского населения в армию.

Уже в первый год войны в армию было призвано 6,5 млн. человек, а к концу войны в армии находилось уже более 18 млн. человек. Одним из крупнейших поставщиков пополнений для фронта в Казанском военном

округе являлась Симбирская губерния. Здесь в пяти городах дислоцировались 10 запасных пехотных и один кавалерийский полк, ополченская дружина и несколько отдельных команд. Местные гарнизоны ежемесячно отправляли на фронт не менее 50 маршевых рот [18, с. 237]. На фронт была призвана основная часть работоспособного мужского населения. Только за 1914 год в Симбирской губернии прошло 4 мобилизации. Но фронт требовал все новых и новых солдат – боевые потери России за 3,5 года войны составили: убитыми – 775,4 тыс., увечными – 348,5 тыс., пленными – 3 млн.349 тыс., ранеными и контуженными – более 3 млн. человек [25, с. 4]. Из-за нехватки требуемого количества людей власти вынуждены были прибегнуть к переосвидетельствованию ранее освобожденных от службы крестьян и отправке их на фронт. В Симбирской губернии мобилизации следовали одна за другой, в среднем было проведено 10 мобилизаций (их число для каждого уезда было свое, строго определенное). Всего к концу 1917 года в губернии было мобилизовано в армию 49,4% трудоспособных мужчин (в возрасте от 18 до 50 лет) [17, с. 152].

Мобилизации мужчин в армию весьма чувствительно ударили по деревне. Из новобранцев принятых на службу в 4-х призывах более половины приходилось на земледельцев. Например, в волостях Курмышского уезда столяры и плотники, кузнецы и слесари, печники и каменщики, сапожники и портные составляли 11,8% от общего числа мобилизованных в октябре 1914 года [12, л. 25, 54, 85]. С учетом того, что в армию призывалась самая жизнедеятельная и наиболее квалифицированная часть населения, урон, нанесенный всему хозяйству губернии мобилизациями, был очень высок. Сокращение численности мужского населения в сельской местности (уже в 1915 году убыль составила по сравнению с 1913 годом 21106 человек) привело к изменению соотношения численности мужчин и женщин [9, л. 4; 21, с. 11; 21, с. 11]. Так, на третий год войны число мужчин трудоспособного возраста в волостях Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии по сравнению с 1911 годом сократилось более чем на 1/3 – с 53604 до 35285 человек. При этом в Алатырском уезде в 1911 году на 100 мужчин приходилось 104,5 женщины, а в 1916 году - уже 138,7. В 1911 году в целом по губернии на 100 мужчин приходилось 99,4 женщин, в 1916 – 124,5 [23, с. 46].

Мобилизация мужчин на фронт была главным, но далеко не единственным каналом, по которому происходил отток рабочей силы из деревни. Немало крестьян уходило на сторонние заработки. Оставшиеся в деревне мужчины привлекались местными властями к рубке леса, выполнению подводной и многих других повинностей. Заботы по ведению хозяйства легли в основном на плечи женщин, подростков и стариков. Так, на третий год войны на одно крестьянское хозяйство в волостях Алатырского уезда в среднем приходилось 0,78 работника и 1,5 работницы, в волостях Буинского – соответственно 0,96 и 1,28, Курмышского – 0,83 и 1,43 [24, с. 2,4].

Мобилизация в армию и уход крестьян на заработки вызвали резкую нехватку рабочей силы как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйствах. Но в первую очередь от недостатка рабочих рук страдали бедняцкие хозяйства. Зажиточные крестьяне зачастую откупались от службы – получали отсрочки или неподалеку от дома устраивались снабженцами, подрядчиками в различные тыловые организации военного ведомства. Не удалось прекратить данную практику и после создания в 1916 году специального комитета [19, с. 11]. О последствиях мобилизации большого числа трудоспособных крестьян говорится в документах Алатырского уездного земского собрания, состоявшегося 19 ноября 1914 года: «...Положение многих крестьянских хозяйств, особенно молодых, оставшихся без работников, печально, что в значительной мере усиливалось исключительно неблагоприятной погодой. Скошенный и сжатый хлеб портился и в рядах, и в снопах; снопы, благодаря дождям и размокшим дорогам, нельзя было перевезти на гумно; молотить даже на семена и то приходилось урывками... Озимый сев в силу чрезвычайной сырости почвы задерживался и часто выполнялся наспех и не аккуратно даже в хозяйствах с полным составом работников, а солдаткам-хозяевам волей-неволей приходилось ждать не только благоприятной погоды, но и посторонней помощи» [15, с. 73]. Значительную помощь солдатским семьям в уборке хлебов и севе озимых оказывали сельские общины, организовывая по воскресным и праздничным дням «помочи». Но подобная практика получила развитие только в начальный период войны.

Нехватка рабочей силы, как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйствах вызвала значительное удорожание труда наемных рабочих, которое проявилось уже в первый год войны по всем видам сельскохозяйственных работ (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика цен на сельскохозяйственные работы в Симбирской губернии в 1902–1914 годы (в руб.) [20, с. 18; 21, с. 12; 22, с. 12]

Виды сельскохозяйственных работ	1902 год	1913 год	1914 год
Уборка 1 дес. ржаного хлеба	5–10	9–30	12–40
Уборка 1 дес. ярового хлеба	4,8–9,7	7–32	9,5–50
Молотьба хлеба	0,18–0,6	0,35–0,95	0,4–1,0
Косьба десятины пахотной и луговой	2–5,5	2–5,5	2–6

По материалам министерства земледелия, в 1916 году цены на рабочую силу увеличились в Симбирской губернии по сравнению с 1913 годом на 17,2%. [2, с. 28].

Но рост поденной платы не означал повышения жизненного уровня крестьян, работавших по найму. В годы войны темпы роста заработной платы отставали от темпов роста цен на сельскохозяйственные продукты и

промышленные товары, а покупательная способность рубля накануне Февральской революции составляла лишь 26–27 довоенных копеек [14, с. 66].

Проблему обеспечения сельского хозяйства рабочими руками правительство пыталось решить путем использования труда военнопленных и беженцев. Из 553,2 тысяч солдат и офицеров противника, захваченных в плен Россией к 1 сентября 1915 года, в распоряжение Министерства земледелия было выделено 326,5 тыс. человек (59%) [26, с. 451].

В Симбирской губернии работало в сельском хозяйстве около 9 тысяч военнопленных (преимущественно чехов и поляков). Около 70% их использовались на работе в помещичьих хозяйствах, остальные находились в хозяйствах зажиточных крестьян [1, с.19]. Труд военнопленных в сельском хозяйстве применялся во всех уездах губернии. Так, в Алатырском уезде было занято 123 военнопленных, в Буинском – 444, Курмышском – 315. Всего в данных трех уездах было задействовано 882 военнопленных, из них - 694 человека земства выделили частновладельческим хозяйствам [24, с. 2, 4]. В сельских общинах военнопленные использовались главным образом в кулацких хозяйствах, так как бедняки, не имея денежных средств, не могли прибегнуть к их найму.

Уровень стоимости труда военнопленных по уездам существенно колебался – от 3 до 10 рублей в месяц к 1 июня 1916 года (в Симбирском уезде – 6-10 руб., в Курмышском – 3-6 руб., в Карсунском – по 3 руб., в Сызранском – 7 руб., в Ардатовском – по 3 руб. в месяц) [7, л. 36]. Половина указанной суммы поступала в распоряжение земств в возмещение расходов на найм охраны, покупку обмундирования и тому подобное, а другая часть выдавалась пленным на руки.

Военнопленные лишь незначительно восполняли изъятую из села рабочую силу: в целом в губернии было мобилизовано 150–160 тысяч человек, военнопленные, занятые здесь на хозяйственных работах, составляли лишь 9 тысяч человек. К тому же в 1917 году число пленных в губернии резко сократилось на 35–60%, видимо, это было связано с крайне низкой производительностью труда подневольных иностранцев. Об этом свидетельствуют сообщения различных источников: «Высланные в пределы Симбирской губернии военнопленные, находящиеся на сельскохозяйственных работах в экономиях, упорно отказываются от выполнения этих работ», «пленные работали менее производительно, чем местные рабочие», «иностранцы вообще выражали нежелание идти на работу в уезде» и т.д. [27, с. 2]. Отчасти это объясняется теми ужасными условиями, в которых им приходилось жить и работать. По принятым правилам военнопленные предоставлялись сельским хозяйствам на работы за плату, половина которой поступала в земскую управу в возмещение расходов по их содержанию, в которые входило: распределение на работы, обеспечение медицинской помощью, наблюдение за обеспечением их продовольствием, одеждой и обувью, за санитарным состоянием их мест работы. Но даже этот

минимальный комплекс житейских мероприятий не выполнялся. Сообщения о многочисленных нарушениях дошли даже до штаба Казанского военного округа, который привлекал к ним внимание симбирского губернатора в телеграмме от 19 февраля 1916 года. Ключарев, в свою очередь обратился к губернским и уездным земским и городским управам губернии: «Поступают заявления о крайне разнообразном содержании военнопленных, отпущенных на работы, причем некоторые организации не считают себя обязанными заботиться о военнопленных, почему прошу подтвердить организациям, что учреждения, получившие в свое ведение военнопленных обязаны ... питать пленных не менее того, что им положено по закону: 2ф. хлеба, 24з. крупы, и четверть фунта мяса, давать возможность военнопленным посещать бани, предоставлять соответствующие помещения и при заболевании оказывать медицинскую помощь» [7, л. 1, 15]. Но ситуацию изменить не удалось, несмотря на относительное увеличение заработной платы пленным (в 1917 году она составила 15 руб.) [5, л.1]. Командование Казанского военного округа «засыпало» симбирского губернатора гневными телеграммами, а губернатор переадресовывал их городским и земским управам. Вот одна из таких телеграмм губернатора от 9 марта 1916 года: «Командующий войсками Казанского военного округа уведомил меня, что предъявленные им требования, направленные к закономерной постановке дела устройства быта и довольствия пленных, состоящих на работах, большинством работодателей не выполняются. Так, при осмотре пленных, прибывших с работ к одному из воинских начальников, на них обнаружено совершенно истлевшее, пропитанное грязью белье, большей частью одна смена, изодранная, в лохмотьях, одежда, негодная к носке обувь и масса паразитов (вшей) на белье, одежде и на теле большинства пленных. Предлагаю безотлагательно принять меры к устранению этих непорядков» [7, л. 19].

Проблему дефицита рабочих рук в сельском хозяйстве правительство пыталось решить и за счет привлечения к нему беженцев. По данным Министерства земледелия общая их численность превышала 3 млн. человек. Их и решено было распределить по уездам на сельскохозяйственные работы. 4 февраля 1916 года в Симбирскую губернию пришло постановление «Министерство земледелия губернским и уездным земским управам о восполнении убыли рабочих рук в сельском хозяйстве», в котором были соответствующие распоряжения. Привлечение беженцев к труду в сельском хозяйстве обосновывались тем, что «для большинства из них земледелие составляет исконный промысел» [7, л. 13]. Вскоре с началом наступления германской армии на фронтах, в Симбирскую губернию хлынул поток беженцев, которые довольно неравномерно распределялись по уездам. Например, к началу октября 1915 года в Алатырском уезде находилось 3509 эвакуированных, в Курмышском – 1109, Буинском – 2677 человек [8, л. 12].

Распределением эвакуированных на различные сельскохозяйственные работы правительство стремилось сократить расходы на пособия беженцам и одновременно несколько смягчить недостаток рабочих рук в деревне. В 1916

году в Симбирской губернии в сельском хозяйстве уже работало более 4 тысяч беженцев. В случае отказа от предоставляемых работ они лишались всякой государственной помощи. Поэтому уже к лету 1916 года основная часть трудоспособных беженцев была трудоустроена в сельском хозяйстве [11, л. 112, 113]. Но производительность их труда была очень низкой, что можно отчасти объяснить тяжелыми условиями, в которых они оказались. Пособия были незначительными. Квартирная и продовольственная помощь предусматривалась только для детей до 14 лет, нетрудоспособных и трудоспособных, не могущих покинуть семью. Размер продовольственного пайка в зависимости от местных цен и условий устанавливался Губернским Собранием от 15 до 20 копеек в день на человека. Даже правительство понимало, что этот паек недостаточен и может служить лишь прибавкой к имеющемуся заработку. А с 1 октября 1916 года к тому же с пайка снимались беженцы, устроенные на сельскохозяйственные работы (примерно 50% от общего их числа) [4, л.1]. Поэтому и правительство, и губернские власти содействовали благотворительным акциям, направленным на оказание помощи беженцам. Народ откликнулся на подобные мероприятия, но собранные на них средства зачастую терялись, а их организаторы безуспешно пытались найти их следы. Так, в 1915 году в селениях от Ардатовского уезда производился добровольный сбор пожертвований под названием «ковш зерна нового урожая» на нужды местным беженцам. По Ардатовской волости собрали 219 пудов 10 фунтов ржи, 280 аршин холста, 13 шт. полотенцев, 2 платка, 7 рубах, 4 кальсон; хлеб был продан по 1 рублю за пуд, всего на 219 руб. 15 коп. Подобные сборы прошли и по другим волостям. Организатором акции выступило Ардатовское отделение Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. Дела были столь сильно запутаны, что даже в 1917 году бывший Татьянинский комитет, преобразованный во Всероссийский комитет, все еще пытался выяснить, куда пошли собранные средства [3, л. 1].

Неэффективность привлечения к сельскому хозяйству беженцев объяснялась не только их тяжелым положением. Эвакуированные неохотно шли на сельскохозяйственные работы из-за более низкой, чем у местных наемных работников, оплаты труда.

Попытки администрации решить проблему восполнения рынка рабочей силы использованием в народном хозяйстве также иностранных рабочих (наемных рабочих из Китая и Ирана) и солдат запасных войсковых частей также не дали результата. Нежелание нанимателей принимать иностранных рабочих объяснялось, по их словам, тем, что «желтый труд был дорогим и малопродуктивным» [16, с. 70, 71].

Таким образом, использование в народном хозяйстве незначительного числа военнопленных и беженцев, как и другие мероприятия властей, лишь немного обеспечили нужды крестьянства в рабочей силе, несколько сократив мобилизацию местного населения на тыловые работы (строительство дорог, рубка леса и т.п.). Недостаток рабочих рук и рабочего скота явился одной из

причин сокращения посевных площадей в губернии (да и по всей стране). Уже в 1914 году симбирские власти говорили о неизбежности этого: «Нужда в посевных семенах и довольно острая, будет наблюдаться во всех уездах... особенно в западных. Надо иметь в виду, что во многих случаях сократились заработки и сократилось число рабочих рук, население пойдет по пути наименьшего сопротивления – сократит запашку» [6, л. 13].

Сокращение посевных площадей, мобилизация мужчин на фронт, реквизиция рабочего и продуктивного скота вызвали в свою очередь падение урожаев всех сельскохозяйственных культур, которое в значительной мере проявилось уже в 1914 году, когда сбор фактически всех зерновых культур в губернии упал до уровня 1902 года, валовый сбор зерна упал на 15-20% [20, с. 3; 21, с. 3; 22, с. 3].

Проблема нехватки рабочих рук препятствовала также развитию промышленных предприятий Симбирской губернии. В промышленности возросла доля женского и подросткового труда, труда военнопленных. Одновременно снизилась производительность труда, ухудшилось качество выпускаемой продукции. Кроме того, в связи с тем, что железнодорожный и водный транспорт был занят главным образом перевозкой войск и военных грузов, промышленные предприятия не обеспечивались в должном объеме сырьем и топливом, а население – предметами первой необходимости. Многие предприятия, производившие товары для гражданского населения, вынуждены были сократить производство. Так на канатно-прядельном заводе М.Е. Рябова падение производства составило 25%, число рабочих на 15 марта 1915 года сократилось с 24 до 18 человек по причине уменьшения спроса на производимую продукцию. На писчебумажной фабрике Т.Д. Щербакова падение производства составило 15%, сокращение рабочих с 200 до 180 человек произошло по нескольким причинам: железнодорожные трудности, уменьшения кредита. Завод механической обработки дерева «Фанера» В.Н. Гергена заявил о сокращении объемов производства на 60% и рабочих с 25 до 10, в связи с затруднениями в сбыте изделия, ранее вывозимого за границу. Падение производства на 35–50% с сокращением числа рабочих на 1/3 было отмечено также на многих других предприятиях, не работавших на военное ведомство. До войны данные предприятия приносили большую прибыль владельцам и ежегодно увеличивали производство [10, л. 39].

Как и в сельском хозяйстве, правительство пыталось решить данную проблему привлечением труда военнопленных. Сохранились отрывочные сведения о числе военнопленных на суконных фабриках Симбирской губернии на 1915 год. Так в товариществе «Наследники А.И. Виноградова» было занято 200 военнопленных, на суконных фабриках М.М. Кузнецова – 172. Труд военнопленных использовался в Товариществе Старо-Тимошкинской мануфактуры братьев Акчуриных, при восстановлении сгоревшей и строительстве новой Языковской фабрики. Только на суконных фабриках в Буинском уезде было занято 1210 военнопленных [13, л. 31].

Положение военнопленных было крайне тяжелым: владельцы заводов не снабжали их теплой одеждой, хотя это вменялось им в обязанность, не следили за условиями их труда и качеством питания. Часто в связи с этим возникали случаи отказов пленных от выполнения работ. В конечном счете, привлечение военнопленных для работы на промышленных предприятиях также не решило проблемы дефицита рабочей силы в промышленности. В годы первой мировой войны подавляющая часть предприятий, прежде всего, выпускавшие товары широкого потребления, закрываются или сокращают производство. Мероприятия правительства по преодолению кризисных явлений в экономике не дали результатов.

Одними из важнейших показателей эффективности экономической системы государства являются возможности мобилизации и перераспределения материальных и людских ресурсов в экстремальных условиях военного времени. События первой мировой войны, вызванные ею топливный, продовольственный, транспортный кризисы, острый дефицит рабочей силы, возникшие проблемы размещения и содержания военнопленных и беженцев свидетельствовали о том, что мобилизационные механизмы в России сформировались не в полной мере и работали не эффективно. Устойчивое развитие рыночных, капиталистических отношений в стране начинается только со второй половины XIX века. Россия включается в мировые хозяйственные связи, становится частью мирового рынка. Российское правительство вело поиски наиболее оптимального сочетания рыночных механизмов, эффективно работавших на западе, и собственных, исторически сложившихся традиций, связанных с наличием мощного государственного сектора в экономике и определяющим влиянием государственной власти на хозяйственное развитие страны. Процесс выработки своей модели экономического развития в начале XX века не был завершен, что стало одной из причин дезорганизации экономической системы в годы первой мировой войны. Аналогичные процессы наблюдались и в других странах-участницах конфликта. Попытки создания такого механизма будут предприняты уже советским правительством после октябрьской революции, но уже в совершенно иных общественно-политических условиях, на основе командно-административных методов управления экономикой.

Литература

1. Вестник сельского хозяйства. – 1916. – №2. – С. 19.
2. Вестник статистики. – 1920. – №11. – С. 28.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф.36, оп.1, д.9.
4. ГАУО, ф.46, оп.2, д. 864.
5. ГАУО, ф.46, оп.3, д.155.
6. ГАУО, ф.46, оп.9, д.120.
7. ГАУО, ф.46, оп.10, д.183.
8. ГАУО, ф.46, оп.11, д.4.
9. ГАУО, ф.48, оп.1, д. 309.
10. ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 1107.
11. ГАУО, ф.76, оп.2, д. 2048.
12. ГАУО, ф.78, оп.2, д.1229.
13. ГАУО, ф. 195, оп. 1, д. 6.
14. Гусаков А.Д. Денежное обращение дореволюционной России. – М., 1954.
15. Журналы Алатырского уездного земского собрания: сессия 1914 года. – Алатырь, 1915.
16. Журналы и доклады Симбирского городского земского собрания очередной сессии 1916 года. – Симбирск, 1917.
17. Захаров С.П. К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне февральской буржуазно-демократической революции // Ученые записки УГПИ. – Ульяновск, 1957. – Вып. 1. – Т. 12. – С. 142–157.
18. Край Симбирский. Краткий исторический очерк / под ред. В.Н. Сверкалова. – Ульяновск, 1989.
19. Николаев Г.А. Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.) // Чувашия в годы первой мировой войны: сборник статей. – Чебоксары, 1985. – С.5–23.
20. Обзор Симбирской губернии за 1902 год. – Симбирск, 1903.
21. Обзор Симбирской губернии за 1913 год. – Симбирск, 1914.
22. Обзор Симбирской губернии за 1914 год. – Симбирск, 1915.
23. Ойкин С.А. Экономика Симбирской губернии в годы первой мировой войны. Деятельность военно-промышленных комитетов. – Ульяновск, 1990.
24. Поездные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года. – Симбирск, 1917.
25. Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М., 1925.
26. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М., 1973.
27. Симбирянин. – 1916, 12 августа. – С. 2.

Направление «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, СЕРВИС И ТУРИЗМ»

Березянко Т.В.

*к.е.н., доц., ПДО, Національний
університет харчових технологій*

ІНСТИТУЦІОНАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ДІЛОВОГО СЕРЕДОВИЩА УКРАЇНИ

Анотація. В статті розглянуто основні проблеми становлення інституціональних заasad в ринковій економіці України. Досліджено проблеми посилення потужного корпоративного сектору на державне управління, менеджмент та засоби розвитку підприємства.

Ключові слова. Інституціоналізм, корпоративний сектор, менеджмент, конфлікт

Березянко Т.В.,

*к.э.н., доцент, ИПО, Национальный
университет пищевых технологий*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ УКРАИНЫ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы трансформации деловой среды под давлением крупных корпоративных структур. Влияние корпоративного сектора рассматривается в качестве одной из институциональных сил с неформализованной системой власти. Исследованы направления влияния на государственное управление, менеджмент, сотрудников и общество.

Ключевые слова. Институционализм, корпоративный сектор, менеджмент, конфликт

Berezianko T.

*National University of
Food Tekhnology, Ukraine, Kiev*

THE INSTITUTIONAL PROBLEMS OF DOING BUSINESS IN UKRAINE

Annotation. This article deals with the transformation of the business environment under the pressure of large corporations. The influence of the corporate sector is seen as one of institutional forces. Investigated the influence on the direction of public administration, management, employees and society.

Key words. Institutionalism, the corporate sector, management, conflict

Постановка проблеми. Сучасний етап розвитку економіки характеризується необхідністю винайдення нових поштовхів для зростання та подолання рецесивності і розвитку. Головним чинником вважається діяльність корпоративного сектору.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Останнім часом активізувалась наукова діяльність інституціонального напрямку. Крім відомих робіт А.Май [1], Р.Нуреева [2], В.Радигіна, [1] значний внесок зроблено українською наукою: Б.Гаврилшин [3], В. Геєць [4], В.Дементьев [5], Т.Мостенською [6].

Невирішені раніше частини загальної проблеми. Але в науковій літературі інституціональні складові здебільшого розглядаються у

традиційному політекономічному баченні. На макрорівні корпоративний сектор виступає у ролі регулятора економічних відносин між суб'єктами у сформованого ним соціально-економічному середовищі та державою.

Основні результати дослідження. За оцінкою міжнародних експертних організацій [7] національна економіка не може бути віднесена до кластеру високо конкурентних. Результати економічного аналізу свідчать, що відсутній належний рівень інституціонального порядку в ринковій конструкції країни.

Потужна рецесія змушує вести мову не про формування конкурентоздатної моделі економіки та про визначення пріоритетних галузей національного господарства, а скоріше на завданні формування національного ділового середовища з визначеними правилами поведінки, видалення конфліктності з державного управління, корпоративного сектору та переведення дозріваючого соціального конфлікту у стан соціального партнерства та підтримки. Оцінку ведення бізнесу в Україні, що проводиться Світовим банком по 169 країнам світу, знову знижено (табл. 1)

Таблиця 1

Ведення бізнесу в Україні 2012 р.

Україна		Бізнес 2012	Бізнес 2011	Зміни
Рівень доходу	Нижче середнього ¹	152	149	- 3
Реєстрація підприємства		112	118	+ 6
Отримання дозволів на будівництво		180	182	+ 2
Реєстрування власності		166	165	- 1
Кредитування		24	21	- 3
Захист інвестора*		111	108	- 3
Оподаткування		181	181	-
Міжнародна торгівля		140	136	- 4
Виконання контрактів		44	44	-
Розв'язання неплатоспроможності		158	158	-

* Інвестором у системі оцінок міжнародної спільноти вважається в тому числі акціонер, власник, кредитор.

В цьому контексті цікаво розглянути результати порівняння із індексами Центральної Азії та Європи (табл.2).

Таблиця 2

Захист інвесторів в Україні, Європі та Центральній Азії

Показник	Україна	Європа, Центральна Азія	ОЄСР
Індекс відкритості	4,5	7	6
Індекс відповідальності директорів	2	4	5
Індекс можливості подання позову акціонерами	7	6	7
Індекс співпадіння інтересів	3,7	5,7	6,0

¹ Дохід на душу населення складає 3010 дол., нижня межа – 2500 дол. США

Стосовно показника відкритості бізнесу (діяльності підприємства) – ця система впроваджується у міжнародну практику понад 10 років. Україна стабільно отримує оцінку нижче середньої (10 балів – максимум): рівень захисту – 4,7; легкість ведення обліку реєстру – 7; ефективність директорату – 2; легкість закриття бізнесу – 5; рівень податкового навантаження – 57,1%; витрати на оформлення – 657 годин на рік; кількість платежів на рік – 135; витрати на реєстрацію – 3,95 % доходу; вартість захисту контрактних прав – 41,5% від обсягу позову.

Постійний моніторинг, що проводиться ЄБРР та Heritage Foundation виявив якісну стагнацію інституціонального розвитку в Україні (табл.3). У результаті лише 29,5% законопроектів, поданих до розгляду у цей час до Верховної Ради України стосувались економічних питань [8], з яких прийнято лише 6%. У той же час питанням лібералізації економіки присвячено 68,2%, забезпеченню євроінтеграції – 13,7%. У цей час національну конструкцію економічного простору забезпечували рекомендації іноземних фахівців та консультантів: в період 2005-2009 роки знизився рівень зв'язків з профільними міністерствами (з 51,4 до 34,1%); роль рекомендацій USAID зростає до рівня 47,3%, тоді як національні науково-дослідні інститути лише на 13,2% задовольняли вимоги парламентаріїв.

Таблиця 3

Оцінка трансформаційних змін та інституціонального розвитку (%) [9]

Показник	1997	2000	2003	2006	2009	2012
Темпи приросту індексу структурних реформ						
Україна	15,5	10,8	0,9	1,8	1,4	1,7
Росія	4,9	2,9	3,5	0,0	1,6	1,8
Казахстан	3,1	1,9	0,9	0,9	2,7	2,8
Темпи приросту індексу економічної свободи						
Україна	10,3*	19,0	21,6	3,0	1,9	-0,8
Росія	-7,5*	11,1	15,9	7,9	5,3	6,7
Казахстан	10,3*	22,1	11,1	18,7	11,6	13,1

• Данні за 1999 рік.

Виникає питання – то чим же пояснити розбіжності у динаміці та хвилястість змін та напрямків процесу реформування. Сучасна економічна наука, що досліджує трансформаційні країни надає три найбільш вірогідні пояснення інституційної динаміки: низька ефективність нових інститутів, нерозвиненість етики ринкового бізнесу та переформатування інститутів владою елітою для забезпечення своїх позицій [10]. Незважаючи на відсторонення в економічних роботах від дослідження впливу політичних чинників на розвиток інституціонального середовища все більша кількість науковців, навіть і західних, визнають не тільки існування значної кореляції, а і безпосередній зв'язок між ними (рис. 1).

У 1994 р. А.Шляйфером та Р.Вішні були отримані результати, що розподіл влади серед менеджерів та чиновників не впливає на структуру

фінансових потоків і безпосереднім чином залежить від конфлікту серед бізнес операторів, які використовують владу. В цих умовах витрати корупційної діяльності близькі до нуля. Проте у період переходу до другої трансформації розподіл влади відіграє суттєву роль для отримання економічних результатів. Саме це обумовлює необхідність впливу потужних гравців на економічну політику та формування такої системи інститутів, які б забезпечували най триваліший доступ до економічних потоків. Із цього можна зробити досить логічний висновок, що саме економічна еліта зацікавлена у збереженні «недосконалих інститутів», які в інтересах корпоративного сектору змушені підтримувати менш ефективний економічний порядок.

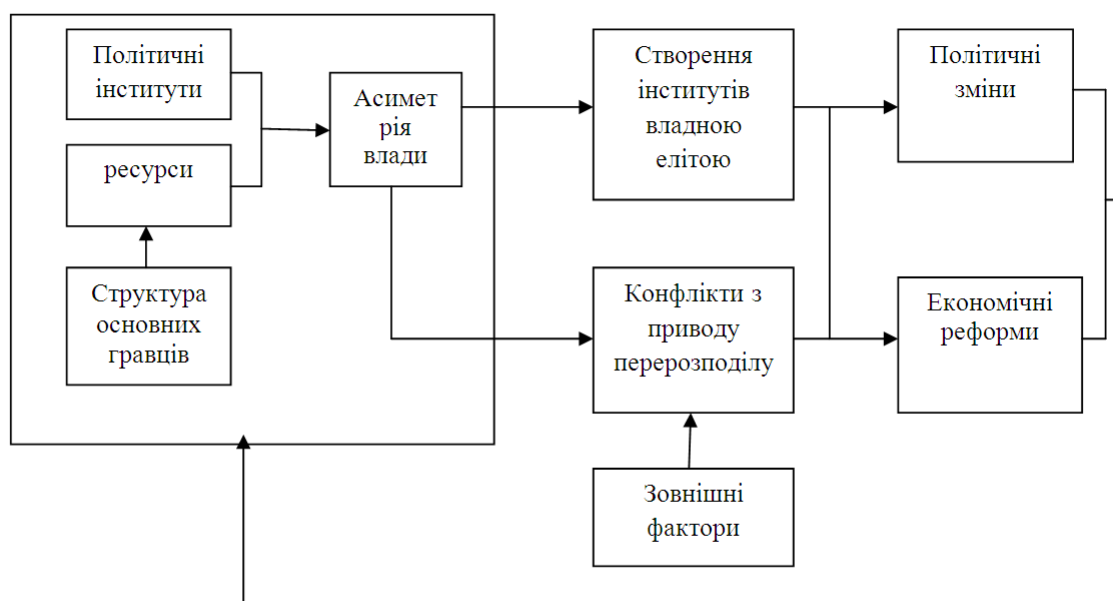

Рис. 1. Модель відношень політичних та економічних гравців [11]

Прихильники раннього економічного інституціоналізму (Д.Норт, Д.Томас) вважали, що ситуація схилиться до регульованого інституціоналізму коли буде вичерпаний ресурс для розподілу та національний бізнес буде інтегрований у глобальну економіку. Другою необхідною умовою визнається самовідсторонення засновників корпорацій від управління створеними компаніями. Потреба створення дієвих ринкових інститутів буде пов'язана із переданням корпорації в управління найманим менеджерам. Це шлях знизу.

Інший варіант підвищення ефективності інституціональної конструкції полягає у нейтралізації конфліктів перерозподілу за рахунок використання держави як просувної сили реформ. Для забезпечення дієвості цього шляху потрібне відсторонення бізнесу від політики та боротьби за владу. Ця ситуація можлива у разі здійснення «жорсткого формату управління» та диверсифікації економічного ресурсу політичної підтримки. Останнє сприятиме демократизації суспільства.

Підтвердження теоретичним викладкам надає досвід розвитку ситуації у Росії, яка у 2000 р. перейшла від стосунків 1-го типу до стосунків 2-го ти-

пу, Казахстані, де існували паралельно обидва варіанти з перших років трансформації (інструментом проти вагового впливу виступали транснаціональні західні корпорації) та Україні, де по цей час використовується елітно регульований інституціоналізм [12].

У наслідку очищення інститутів Росії від персоніфікованого впливу відомих олігархів був отриманий позитивний для національного економічного розвитку результат. Але, оскільки ініціатором реформ та забезпечення верховенства права виступали державні органи, реакцією преференційного бізнесу стала концентрація власності для створення противаги та забезпечення протидії. Проте ставка на середній бізнес принесла бажаний ефект.

Аналогічний процес із невеликою затримкою у часі відбувся і у Казахстані. Згодом, і світова фінансова криза не завадила створити спільний між цими країнами концерн для ефективного управління усіма державними активами.

За висновком міжнародних та незалежних національних експертів-науковців та практиків для України з початку 2000 р. характерним є консервація поєднання найбільшої економічної влади гравців із найменшими темпами реформ серед означеної трійки. Саме Україна визнана типовим прикладом впливу конфліктів економічних та політичних гравців на стан розвитку (точніше рецесію): протистояння бізнесу та держави стало одним із вагоміших чинників політичних подій 2005 р. та наступного перерозподілу власності, грошових потоків, векторів міжнародної орієнтації, маніпулятивності законодавчого процесу. Таким чином, національна практика підтвердила справедливості існування вищевказаної моделі відносин (рис. 1) та деструктивного впливу на економіку політики та корпоративного бізнесу у незабезпечених інституціональним коридором та для розвитку умовах. Припинення реальної фази політичного суперництва у 2010 р. вичерпало і неефективну економічну та законодавчу політику першої половини 2005 р. [13].

Вплив корпоративного сектору на розвиток реформ здійснюється і у транскордонному варіанті. Транснаціональні корпорації активно долучаються до існуючих інструментів викривлення влади, приймають участь у корупційних схемах, пропонують послуги із поза легального обертання, вивезення капіталу та виходу із національної податкової площини. Цьому достатньо прикладів в поточній економічній діяльності України, Росії та Казахстану. Але досвід останнього заслуговує на увагу. З одного боку, ТНК сприяли наближенню національного законодавства з корпоративного управління та економічної політики до світових стандартів, сприяли стабілізації політичної влади, розвитку поміркованих компромісних стосунків із національною політичною та економічною елітою. Результатом стало формування блоку привілейованих корпорацій, які приймають участь у розподілі надлишкової ренти. З другого боку, ТНК активно долучились до корупційних схем і приєднались до групи корпоративних структур зацікавлених у стагнації реформ.

Економічним наслідком консервації інституціональних реформ стала відсутність площини для розвитку середнього прошарку корпоративного сектору, згорання суспільної прибутковості та формування чіткого олігопольного ринку безвідносно до товарних ознак.

У такий спосіб було сформовано інституціональну пастку національного розвитку.

Таблиця 4

Рівень корпоратизації секторів національної економіки (%)

Сектори економічної діяльності	Корпоративний сектор	Державний сектор	Комунальне (муніципальне) господарство
Металургія	95,51	3,21	0,28
Машинобудування	78,95	21,0	0,06
Виробництво та мережі постачання електроенергії, газу, води	29,5	50,85	19,65
Будівництво	67,9	18,32	13,78
Транспорт	35,2	53,49	11,31
Зв'язок	96,58	3,36	0,06
Хімія та нафтохімія	81,15	8,84	0,005
Легка промисловість	95,3	4,28	0,42
Харчова промисловість	95,44	4,51	0,05
Добувна промисловість	48,84	51,14	0,02
АПК	30,5	60,8	9,15

Таблиця 5

Порівняльна характеристика економічної результативності державного та корпоративного сектору за напрямками діяльності (2009 р.) (%)

Сектора економічної діяльності	Корпоративний сектор		Державний сектор	
	Частка успішних* підприємств	Частка збиткових підприємств	Частка успішних підприємств	Частка збиткових підприємств
АПК	8,98	17,31	10,98	8,81
Харчова	8,3	8,4	5,83	1,93
Легка	3,07	2,59	1,96	1,17
Хімічна	4,67	3,88	1,96	1,43
машинобудування	12,94	8,31	7,76	3,61
будівництво	7,55	4,34	3,59	7,13
транспорт	9,47	5,02	4,6	4,45
Наукова діяльність	3,18	1,22	27,74	22,48
інші	41,84	48,93	35,59	48,99

* - підприємства, що розширюють частку ринку, обсяги виробництва, прибутку та частку основних фондів

Висновок. 1.Тривалий характер перебування у інституціональній пастці формує викривлену господарську етику стосунків на рівні пересічного підприємства середньої та малої ланки бізнесу, яка розповсюджується та закріплюється у суспільстві.

2.Дотримання економічних правил є серйозною проблемою особливо у молодих ринкових економіках, де господарчі суб'єкти, які спромоглися в значній мірі консолідувати галузевий сектор, суттєвим чином впливають на економічну результативність національного господарства.

3.Вважаємо, що зростання процесів тінізації є результатом невміння державного менеджменту сформувати привабливі напрямки для росту та реалізації надлишкової ринкової активності. Означений чинник, на наш погляд, є більш вагомим ніж «ефект жадібності», на якому наголошують західні дослідники. Ми також переконані, що в переважній більшості за рахунок цього фактору не подолане таке явище як «рейдерство». Його використання стало майже єдиним засобом розвитку активних корпоративних підприємств в умовах нерегульованої економіки та «сплячої» держави.

Література:

- 1.Особенности формирования национальной модели корпоративного управления /под ред. ак.Радыгина А.Д. — М: Институт экономики переходного периода, 2003. — 164 с. — Электронный ресурс —www.iet.ru
2. Р.Нуреев Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес – Ростов-на Дону, 2006 – С.10-76
3. Б.Гаврилiшин До ефективних суспiльств: Дороговкази в майбутнє. Доповiдь Римському клубу / Гаврилiшин Богдан. – К.,вид-во Пульсар, 2009. – 248 с.
- 4.Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави: національна доповідь / за заг. ред. В.М.Гейця [та ін.]. — К.: НВЦ НБУВ, 2009. — 687 с.
- 5.В.Дементьев Структура економічної влади і поведінка власника підприємства - Электронний ресурс – Режим доступу: http://ief.org.ua/Arjiv_ET/Dement208.pdf
6. Т.Мостенська Основні причини виникнення конфліктів в організаціях та шляхи їх подолання / Теоретичні та прикладні питання економіки, 2010, Вип.21 – С.181-188
- 7.Ведение бизнеса в более прозрачном мире – Электронний ресурс – Режим доступу: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB12-Chapters/Country-Tables.pdf>
- 8.Шосте опитування народних депутатів України / Програма сприяння парламенту України II. За підтримки Місії USAID – Київ, лютий-квітень 2009. – 60 с.
- 9.Economic Freedom of the World. Heritage Foundation. 2006 <http://www.heritage.org/research/features/index/downloads.cfm>); Transition Report 2006: Business in Transition. EBRD. 2006; [2012 Index of Economic Freedom . The Heritage Foundation http://www.heritage.org/index/ranking](http://www.heritage.org/index/ranking); European Bank for Reconstruction and Development. Regional economic prospects. July 2012. <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data/macro.shtml>
10. Дьянков С., Глэзер Э., Ла Порта Р., Лопес-де-Силанес Ф., Шляйфер А. Новая компаративная экономическая теория – Білоруська цифрова бібліотека – Режим доступу:

http://library.by/portalus/modules/economics/readme.php?subaction=showfull&id=1127694636&archive=&start_from=&ucat=1&category=1

11. Либман А.М. Конкуренция юрисдикций, гармонизация экономической политики и формирование корпоративных стратегий // Российский журнал менеджмента, 2006, Т. 4, № 4 - С. 23-44.

12. Kuzio T. Ukrainian Economic Policy after the Orange Revolution: A Commentary on Aslund's Analysis // Eurasian Geography and Economics. 2005. Vol. 46; Murphy J. Illusory Transition? Elite Reconstitution in Kazakhstan, 1989 - 2002 // Europe-Asia Studies. 2006. Vol.58; Libman A. Ex Ante and Ex Post Institutional Convergence: Case of the Post-Soviet Space. Paper Presented at the European School on New Institutional Economics. Cargese (France), 2006. May.

13. Kravchuk R.S. Kuchma as Economic Reformer // Problems of Post-Communism. 2005. Vol. 52; Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine and the United States. CASE Studies and Analyses 296. 2005a; Libman A. Zum Spannungsfeld zwischen staatlicher und privater Wirtschaft am Beispiel der post-sowjetischen Staaten. Vortrag in Rahmen der Ringvorlesung "Konfhkte in der Gegenwart und Zukunft". Marburg, 2006b. Juni.

Урасова А.А.

*Старший преподаватель Пермского
государственного национального
исследовательского университета, г.
Пермь, Россия*

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНЕЙНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Проблема стратегического позиционирования бизнеса является одной из центральных, поскольку с ней сталкивается любая компания. Определиться с конкурентной стратегией необходимо как точки зрения анализа конкурентоспособности, так и с позиции целевых ориентиров, направленных на максимизацию

прибыли.

В этом смысле, теория игр концентрирует внимание на субъектах экономических отношений, абстрагируясь от всей совокупности внешних факторов. Таким образом, в гипертрофированной форме выражены аспекты множественных многоуровневых итераций игроков.

В этой связи, рынок розничной торговли Пермского края, являясь разнообразным с точки зрения его участников, представлен как чисто региональными, так и федеральными розничными сетями. С точки зрения теории игр, представляется целесообразным рассмотреть проблему выбора оптимальной стратегии для компании в условиях конкуренции.

В качестве примера, автору представилось целесообразным рассмотреть региональную торговую розничную сеть «Добрыня» [1], существующую в Пермском крае с 1999 года. Это сеть универсамов, работающая в сфере розничной торговли продовольственными товарами, а также безалкогольными и алкогольными напитками[2].

На сегодняшний день, компания имеет большую кредиторскую задолженность, что дает основание рассматривать в качестве альтернативы действий – продажу бизнеса.

Нужно отметить, что причин для продажи готовых предприятий множество, эта тенденция становится актуальной не только для Пермского края. Готовые фирмы продают компании, которые избавляются от непрофильных активов для того, чтобы сконцентрировать свои усилия на основном направлении. Причиной может быть угроза проигрыша в конкурентной борьбе при нехватке инвестиционных ресурсов или малом масштабе бизнеса, а также в случае, когда технологическое развитие отрасли требует больших финансовых затрат. Бизнес может быть продан в случае возникновения конфликта между партнерами, когда возникает угроза банкротства фирмы или она уже находится в стадии фактического банкротства. Готовый бизнес, предлагаемый к продаже, сложно структурирован, информационно не прозрачен, обладает высокой степенью риска, зависит от тенденций развития рынка в целом.

По оценкам экспертов, общая сумма кредиторской задолженности торговой сети «Добрыня» составляет около 500 млн. рублей [3]. Компании необходимо, с одной стороны, снизить кредиторскую задолженность, с другой стороны, развить розничный и дистрибуционный бизнес. Вместе с тем, необходимо, отказаться от непрофильных, нерентабельных, низко ликвидных активов путем заключения сделок по продаже объектов недвижимости. Так, например, готовится подписание предварительного договора по продаже торгового центра «Добрыня» на ул. Юрша в г. Пермь, а также идут переговоры о продаже логистической базы на ул. Васильева, 8 в г. Пермь.

Таким образом, в условиях роста конкуренции, активного внедрения на рынок Пермского края федеральных розничных сетей («Магнит», «Пятерочка», «Виват» и т.д.), владельцам торговой сети «Добрыня» необходимо занять активную стратегическую позицию, способствующую без потерь адаптироваться в зависимости от поведения других участников рынка.

Представляется целесообразным рассмотреть игру смешанных стратегий, в которой в качестве игроков выступают: 1) торговая розничная сеть «Добрыня» (далее игрок А); 2) конкурирующие торговые сети как некий совокупный игрок (далее игрок В).

В качестве основных стратегий игрока А можно рассмотреть следующие: 1) продажа бизнеса; 2) отказ от продажи бизнеса и уход от кредиторской задолженности; 3) частичная продажа непрофильных, низко ликвидных активов, развитие бизнеса и уход от кредиторской задолженности.

Среди стратегий игрока В можно обозначить: 1) покупка торговой сети «Добрыня»; 2) отказ от покупки, создание дополнительных барьеров конкурентам.

Представляется целесообразным оценить результативность применения игроками предложенных стратегий с помощью платежной матрицы следующим образом.

Таблица 1.

Платежная матрица. Результативность стратегического позиционирования торговой сети «Добрыня»[4]

		Стратегии игрока В	
		В ₁	В ₂
Стратегии игрока А	А ₁	3	-3
	А ₂	-3	-1
	А ₃	4	-2

Таким образом, данная матрица показывает выигрыш игрока А в зависимости от выбранной стратегии и от конкурентной позиции, выбранной игроком В (См.: таблица 2).

В данном случае необходимо решить задачу линейного программирования. В случае если верхняя цена игры равна нижней цене игры – найдено оптимальное решение, которое устраивает обоих игроков, исходя из логики их действий. В данном случае, если игроки пользуются только чистыми стратегиями, оптимальное решение не существует (См.: таблица 2). Следовательно, необходимо найти решение в смешанных стратегиях.

Таблица 2.

Определение верхней и нижней границ игры

		Стратегии игрока В		Минимальный элемент в строке
		В ₁	В ₂	
Стратегии игрока А	А ₁	3	-3	-3
	А ₂	-3	-1	-3
	А ₃	4	-2	-2
Максимальный элемент в столбце		4	-1	

В данном случае цена игры лежит в промежутке от -2 до -1. При этом цена игры является положительной. Применяя симплекс-метод, получим следующие результаты данной игры:

Проигрыш игрока А составит 5/4, выигрыш игрока В составит 5/4. В нашем случае, это цена игры.

При этом, игрок А использует стратегию А₁ на 0%, стратегию А₂ на 75%, стратегию А₃ на 25%. Это означает, что владельцам торговой сети «Добрыня» целесообразно вести конкурентную борьбу, используя стратегии постепенного снижения кредиторской задолженности, избегая продажи бизнеса, стремиться к частичной продаже низко ликвидных и непрофильных активов компании в соотношении 25% на 75% соответственно в зависимости от анализа ситуации.

Игрок В использует стратегию В₁ на 12,5%, стратегию В₂ на 87,5%. Таким образом, конкурентам торговой сети «Добрыня», как показывает анализ, нецелесообразна покупка данной торговой сети, поскольку она несет в себе риск банкротства, или требует существенных финансовых вложений (для ребрендинга, ликвидации кредиторской задолженности).

Литература

1. Сайт торговой розничной сети «Добрыня», [Электронный ресурс] URL: // <http://dobrynia.ru/> (Дата обращения: 11.10.2012).
2. Емельянова Н., Суханов В., Розничная сеть Константина Окунева ищет инвестора №24 (4806) от 10.02.2012, [Электронный ресурс] URL: // <http://www.kommersant.ru/doc/1869809/prin> (Дата обращения: 15.10.2012).
3. Анкудинова Л., Мир с рассрочкой, №14 (379) от 16.04.2012, [Электронный ресурс] URL: // <http://www.business-class.su/company.php?id=88> (Дата обращения: 17.10.2012).
4. Результативность применения стратегий игроков рассчитана по шкале от [-4 до 4] экспертным методом с шагом в 1. Единицы измерения взяты условно.

Чумакова С. Е.

*Ассистент кафедры экономики
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
г. Березники, Россия*

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В настоящей статье обоснована актуальность инновационного развития экономики страны, а также необходимость создания региональных инновационных систем. Более подробно был рассмотрен механизм формирования региональной инновационной системы на примере Пермского края, а также проблемы, сопутствующие данному развитию.

Принятая в ноябре 2008г. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2020 года» определила в качестве основной задачи на предстоящий период переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста, способной обеспечить рост конкурентоспособности российской продукции и услуг на внутреннем и мировых рынках [1].

Переход экономики страны на инновационный путь развития невозможен без формирования конкурентоспособной в глобальном масштабе

национальной инновационной системы (НИС). Она представляет собой совокупность субъектов и институтов, деятельность которых направлена на осуществление инновационной деятельности.

Основной задачей «Национальной инновационной системы» является создание опорных территорий НИС, которые бы отличались оптимальной для инновационного бизнеса институциональной структурой.

Эффективная национальная инновационная система позволит преодолеть отставание России от других стран в области получения и применения знаний и наукоемких продуктов и инновационных процессов [2].

Многими экономистами отмечается, что необходимо более последовательное применение системного подхода в рамках НИС. Создание действенного механизма стимулирования инновационной активности необходимо начинать на региональном уровне, т. е. на уровне субъектов. Таким образом, должна быть сформирована региональная инновационная система (РИС).

Под региональной инновационной системой (РИС) понимают совокупность учреждений и организаций региона, активно взаимодействующих друг с другом в процессе создания и распространения инноваций. РИС органически объединяет все составные части инноваций (наука, образование, система финансирования научных разработок и опытно-конструкторских работ, система коммерциализации и защиты интеллектуальной собственности). В рамках РИС эффективно реализуется вся мощь государственной финансовой поддержки фундаментальных научных исследований, а также возможность осуществления финансирования частными финансовыми и нефинансовыми корпорациями.

В состав региональной инновационной системы целесообразно включить следующие элементы: научно-исследовательские и образовательные учреждения, коммерческие организации, автономные некоммерческие организации, органы государственной власти [3].

Пермский край относится к регионам со средним потенциалом и умеренным риском: занимает 19 место по инвестиционному риску и 7 место по инвестиционному потенциалу среди 88 регионов России.

Экономика региона носит выраженный промышленный характер, значительную долю в которой занимают отрасли, производящие экспортно-ориентированную продукцию: химическое производство, добыча нефти и производство кокса - и нефтепродуктов, металлургическое производство, целлюлозно-бумажное производство. Наблюдаемый в последние годы рост региональной экономики напрямую связан с развитием сектора, ориентированного на мировые рынки [4].

Существуют объективные ограничения по дальнейшему развитию отраслей-лидеров, как внешние, так и внутренние.

Для снижения зависимости экономики региона от мировых сырьевых рынков необходимо направить усилия на повышение уровня диверсификации и конкурентоспособности экономики региона.

Поэтому дальнейшее экономическое процветание Пермского края связывают с развитием региональной науки, технологий и инноваций.

В последние годы Пермский край становится одним из наиболее динамично развивающихся регионов РФ. Одним из основных направлений руководство края провозгласило построение инновационной системы развития. До 2015 года в Пермском крае планируется создание саморазвивающегося механизма инновационной экономики.

Развитие инноваций является условием перехода экономики к качественному экономическому росту и изменению структуры региональной экономики через увеличение доли предприятий с высокотехнологичным производством по сравнению с предприятиями, добывающими или перерабатывающими сырье [6].

Основой формирования региональной инновационной системы (РИС) служит инновационная стратегия региона.

Правительство региона разработало «Инновационную стратегию Пермского края на периоды с 2007 по 2020 годы». Инновационная стратегия предлагает комплекс «пилотных проектов», которые позволяют достичь качественных и количественных изменений институтов общественной и экономической жизни, влияющих на создание и использование в региональной экономике новых знаний, результатов научной деятельности.

«Инновационная стратегия» не является документом прямого действия и для максимально быстрого перехода от стратегического видения инновационной политики в Пермском крае к плану действий требуется разработка и принятие ряда нормативных документов органами государственной власти Пермского края [7].

Следующим шагом в формировании и развитии региональной инновационной системы Пермского края является проект «Инновационный кластер». Основной целью проекта является создание экономики знаний через увеличение доли инновационной продукции в валовом региональном продукте (ВРП) Пермского края.

В качестве приоритетов инновационного развития Пермского края рассматривают:

- life science - это спектр медицинских, биологических, фармацевтических исследований и научных разработок;
- IT-сфера-это все области передачи, хранения и восприятия информации, в т.ч. компьютерные технологии;
- новые материалы (порошковая металлургия);
- авиа - и двигателестроение.

В рамках проекта «Инновационный кластер» будут создаваться новые предприятия, а также будут развиваться традиционные. Основным результатом проекта «Инновационный кластер» должно стать увеличение доли инновационной продукции в валовом региональном продукте (ВРП) Пермского края [4].

Для более эффективного формирования национальной инновационной системы (НИС) субъекты региональной инновационной системы (РИС) объединились в «Ассоциацию инновационных регионов». На сегодняшний день она включает семь субъектов РФ, включая Пермский край [8].

Наука является неотъемлемой частью инновационного развития региона. На федеральном уровне вытесняется привычная мотивация ВУЗов только на подготовку кадров путем принятия соответствующих федеральных законов. Научная база Пермского края представлена тремя крупными инновационными университетами, в которых уже сформировались свои приоритеты в целом ряде отраслей.

Одной из важнейших мер при формировании инновационной среды Пермского края является такой инструмент венчурного финансирования, как Российская Венчурная компания (РВК), ведется также активное сотрудничество с РОСНАНО. По проведенным оценкам зарубежных компаний в Пермском крае имеются инвестиционные проекты, представляющие особый интерес для венчурных фондов [5].

В 2011 г. из федерального бюджета выделено 152 млн. руб. на развитие инновационных структур Пермского края. Пермский край является первым регионом, для взаимодействия с которым «Роснано» утвердил отдельную целевую программу. Совместно с «Роснано» в Пермском крае ведется создание нанотехнологического центра или «фабрики» для выращивания малых инновационных компаний [10].

Стимулирование и поддержка инновационной деятельности в Пермском крае является приоритетной задачей Министерства промышленности, инноваций и науки края. Инновационная деятельность Пермского края осуществляется в рамках следующих региональных законодательных актов:

- Закон Пермского края «О науке и научно-технической политике в Пермском крае» от 02.04.2008г. № 220-ПК;
- Закон Пермского края «Об инновационной деятельности в Пермском крае» от 11.06.2008 г. № 238-ПК;
- Закон Пермского края № 392-ПК от 26.02.2009 "О развитии малого и среднего предпринимательства в Пермском крае" [4].

По различным оценкам в последние годы инновационный рейтинг Пермского края колебался в пределах 3-5-ого мест. Однако, по данным февраля 2012 Пермский край не вошел даже в десятку инновационных регионов России. В лидерах десятки оказались Красноярский край, Томская и Новосибирская области. Для сравнения, в октябре 2011 года Пермский край занимал 8 место в рейтинге [9].

Основным условием эффективного функционирования региональной инновационной системы является возникновение тесного и эффективного взаимодействия между наукой, образованием, финансированием, стратегией правительства и компаний, которое на данный момент отсутствует.

Основная проблема Пермского края как субъекта РИС состоит в том, что, традиционно, наука и образование не рассматриваются как

самостоятельные эффективные отрасли, способные приносить доход. В этих областях уже сформирована модель поведения, которая является неактуальной в новых условиях хозяйствования. Большинство Пермских ученых не задумываются о том, каким образом его исследование или разработка будет продаваться на рынке.

В настоящий момент инновационная система Пермского края функционирует неэффективно: цели и задачи различных участников инновационной деятельности не согласованы, организации инновационной инфраструктуры конкурируют между собой, дублируют функции друг друга, отсутствует информационная и организационная взаимодействие, отсутствует единый центр координации деятельности, не налажен мониторинг инновационных процессов.

На сегодняшний день определить рейтинг инновационности Пермского края достаточно сложно, т.к. отсутствует единая шкала для оценки инновационности территорий. Отсутствует даже единое понятие определения «инновационная продукция». Решением данной проблемы может стать стратегия «Инновационная Россия-2020», в которой будут определены основные понятия, критерии и методики расчета инновационного потенциала региона. Составление данной стратегии предполагает участие всех регионов, придерживающихся инновационного развития.

Региональная инновационная система является важной предпосылкой для успешного функционирования национальной экономики, ее адаптации к условиям международной конкуренции.

Литература

1. Официальный сайт партийного проекта «Национальная инновационная система» <http://www.zubarev.info.nis/>
2. Официальный сайт Ассоциации инновационных регионов России <http://i-regions.nichost.ru/>
3. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации <http://www.mon.gov.ru/>
4. Официальный сайт Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края <http://www.minpromperm.ru/>
5. Официальный сайт издания «Российская газета. Приволжский федеральный округ» <http://www.rg.ru/>
6. Программа Социально-экономического развития Пермского края (2009-2012 годы и на период до 2017 года <http://www.permkrai.ru/>
7. «Инновационная стратегия Пермского края на периоды с 2007 по 2020 годы»
8. Официальный сайт фонда «Петербургская политика» <http://www.fpp.spb.ru>
9. <http://www.lipetsk.ru/>
10. <http://www.womenofrussia.org/>

Сиротина Н. А.
ассистент кафедры экономики
Пермского национально-исследовательского
политехнического университета
Березниковского филиала
г. Березники, Россия

ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Долгосрочное планирование стратегии развития любого региона не может обходиться без анализа и учета природно-ресурсного потенциала, как с точки зрения обеспеченности собственной ресурсной базой, так и с позиции допустимых пределов его использования. Стоит отметить, что чем достовернее информация о величине запасов ресурсов, тем точнее планирование и оценка эффективности их использования. Таким образом, исследование природно-ресурсного потенциала регионов Российской Федерации, в частности Пермского края, является, на сегодняшний день, актуальной задачей.

Природно-ресурсный потенциал – совокупность природных ресурсов региона, которые используются или могут быть использованы в хозяйстве с учетом тенденций НТП [3, с. 15]. Он является определяющим условием развития экономики и социальной сферы, основным фактором размещения производительных сил, основой формирования территориально-производственных комплексов.

Пермский край занимает площадь 160236,5 кв. км., на восточной окраине Русской равнины и западном склоне Среднего и Северного Урала, на стыке двух частей света – Европы и Азии.

В регионе открыто 205 месторождений нефти и газа, восемь месторождений россыпных алмазов. На севере края находятся крупнейшие в Европе залежи калийных солей. Значительны и лесные ресурсы края (лесами покрыто почти 70% территории региона). Регион является одним из ведущих лесопромышленных и заготовительных баз России [2, с. 35].

Также к высокодоходным активам края относятся земли сельскохозяйственного назначения. Эффективность использования земель находится на низком уровне. Стоимость российской земли, по сравнению с показателями европейских стран, ниже, как минимум в 3-5 раз. В агропромышленном комплексе региона имеется ряд проблем. Одна из них – неблагоприятные климатические условия, но это не единственное слабое место в этой отрасли. По данным правительства Пермского края, всего в регионе более 800 тыс. га. сельскохозяйственных земель, используемых не по назначению. 157 тыс. га. из них – невостребованные доли и пустующие земли, которые собственниками никак не используются. Общая площадь земель сельскохозяйственного назначения в Пермском крае - 4 млн. 330 тыс. га. Однако, по данным краевого министерства сельского хозяйства [1, с. 20], по итогам 2011 г. о своем

намерении инвестировать в сельхозотрасль заявили порядка 70 частных компаний.

Благодаря тому, что территория края расположена в бассейне реки Камы, он занимает первое место на Урале по количеству естественных и искусственных водоемов, по водным и гидроэнергетическим ресурсам. На территории Пермского края по состоянию на 01.01.2011 г. выявлено и разведано около 1450 месторождений по 53 видам полезных ископаемых. В недропользовании находится примерно 27 % участков недр от общего количества, в нераспределенном фонде – 78%. На территории региона добывается порядка 2% и перерабатывается около 4% от общего объема добычи и переработки нефти в Российской Федерации.

Ресурсы угля на территории Пермского края сосредоточены в Вишерском, Кизеловском и Чусовском угленосных районах и относятся к старейшим угольным бассейнам. Балансовые запасы угля составляют 400 млн. т. Сложные горно-геологические и технические условия эксплуатации, большие водопритоки, высокие энергетические затраты и низкое качество угля обусловили низкую привлекательность пермского угля в сравнении с добычей в других угольных бассейнах. Промышленная разработка угля в крае окончательно стала неконкурентоспособной после открытия и начала разработки крупных месторождений углеводородов в Западной Сибири.

Степень промышленного освоения торфяных месторождений региона низкая. Добываемый торф используется как высококачественное удобрение в сельском хозяйстве. Также его можно использовать как топливо (для близлежащих предприятий в целях экономии издержек по доставке топлива), в производстве фильтрующих материалов, строительстве и так далее.

В Пермском крае располагается единственное разрабатываемое в настоящее время в России Верхнекамское месторождение калийно-магниевых и натриевых солей [1, с.18].

Таким образом, регион обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, который в свою очередь является основополагающим фактором, обеспечивающим возможности развития региональной экономики.

Законодательную базу природно-ресурсного потенциала региона обеспечивают исполнительные органы государственной власти Пермского края, входящие в состав функционально-целевого блока "Управление ресурсами" [2, с. 4].

Нерациональное использование природных ресурсов, заниженная цена природных благ приводят к неэффективному использованию ресурсного потенциала края. Территория Пермского края относится к «старым» нефтегазодобывающим районам, основная часть годовой добычи нефтяной промышленности (71%) приходится на объекты, находящиеся на 3-4 стадиях разработки, характеризующихся падающей добычей и растущими затратами на ее поддержание. Также в регионе низкое освоение расчетной лесосеки (около 39%), нерациональное использование сырья, так, например, отходы лесозаготовки - листва, ветки, опил – вообще не используются.

В настоящее время наблюдается нерациональное использование земель, которое выражается в их истощении и загрязнении. Негативное воздействие различных природно-антропогенных факторов и явлений на сельскохозяйственное производство проявляются в нанесении сельскому хозяйству ущерба.

Причины этого могут быть следующие:

- отсутствие комплексной экономической оценки природно-ресурсного потенциала территории, плата за пользование природными ресурсами введена не по всем видам ресурсов и построена на различных методиках;

- несбалансированная макроэкономическая и инвестиционная политика в области использования природного потенциала, приводящая к экстенсивному использованию природных ресурсов, диспропорциям в развитии добывающих, перерабатывающих комплексов, их инфраструктуры;

- несовершенство законодательства и неразвитость рыночных механизмов в сфере использования природно-ресурсного потенциала края;

- неотрегулированность отношений собственности на природные ресурсы;

- низкий технический уровень производств по добыче и переработке отдельных видов природных ресурсов;

- недоучет ассимиляционного потенциала природной среды как экономической ценности при определении альтернатив развития страны и регионов.

В этой связи возрастает роль правительства края в регулировании использования природных ресурсов регионов, исходя из стратегических целей развития. Государственная политика в сфере воспроизводства, использования и охраны природных ресурсов должна исходить из необходимости развития сырьевой базы экономики по пути ее наращивания, качественного улучшения и комплексного использования. Для эффективного восстановления и сохранения имеющегося потенциала возобновляемых природных ресурсов необходимо создать соответствующие механизмы экономического стимулирования и государственной поддержки проведения традиционных воспроизводственных и защитных работ. При воспроизводстве потенциала невозобновляемых природных ресурсов наряду с поддержанием оптимальных объемов геологоразведочных работ, возмещение использованных естественных запасов минерального сырья должно обеспечиваться путем расширения масштабов работ по искусственному получению (синтезу). Это, в первую очередь, относится к редким кристаллам и минералам (пьезооптический кварц, искусственные алмазы, кристаллы для лазерной техники и т.д.), имеющим высокую ценность и используемым в радиоэлектронной, оптической и других отраслях точного приборостроения и машиностроения.

В настоящее время на законодательном уровне достаточно активно обсуждаются вопросы дальнейшего совершенствования системы государственного управления природно-ресурсным потенциалом края и

повищення інвестиційної привлекателності геологічного вивчення надр і виробництва мінерально-сировинної бази. В якому напрямку буде розвиватися природно-ресурсний потенціал краю, покаже найближче час.

Література

1. Програма соціально-економічного розвитку Пермського краю на 2009-2012 рр. і на період до 2017 рр.
2. Офіційний сайт міністерства природних ресурсів Пермського краю <http://www.priroda.permkrai.ru>
3. Бобылев С. Н., Ходжаев А. Ш. Економіка природопольовання - М: ИНФРА-М, 2010. – 501с.

Мозговий А.А.

*к.геогр.н., старший науковий співробітник
Інституту географії НАН України,
м. Київ, Україна*

ОСОБЛИВОСТІ УРБАНІЗАЦІЇ В УКРАЇНІ НА ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Урбанізація як планетарний процес, що має свою тривалу історію та внутрішні закономірності розвитку, вийшла нині на новий щабель – етап глобальної трансформації способу життя. Віднедавна більшість населення нашої планети – понад 3,5 млрд. осіб – мешкає в містах. Ця непересічна в історії людства подія сталася 2008 р. Хоча сучасна людська цивілізація зародилася і завжди була міською за своєю суттю, питома вага міського населення ніколи не була такою значною і міські поселення ще ніколи не відігравали настільки визначальної ролі в розвитку глобального суспільства. Ще однією показною подією в цьому контексті стало історичне перевищення числа міст над селянами в Китаї, що сталося 2011 р.

Це не лише цікаві статистичні факти. Як відомо, кількісні зміни раніше, чи пізніше призводять до якісного «стрибка». І в нас є підстави стверджувати, що саме нині людство перебуває на порозі таких якісних змін в своєму розвитку: вектори двох провідних планетарних процесів – глобалізації та урбанізації – збіглися і справляють кумулятивний ефект, певну синергію, на розвиток цивілізації. Прояви цих процесів мають найрізноманітніший, часто неоднозначний і суперечливий характер. Однак, можна стверджувати, що урбанізація не в меншій мірі, ніж глобалізація прискорює світову економічну, політичну і культурну інтеграцію та уніфікацію.

Отже, ми є свідками того, як відбувається глобальна трансформація способу життя землян: все більше й більше контрастує рівень життя містян, порівняно з мешканцями руральних спільнот; під впливом процесів глобалізації та урбанізації стрімко змінюється якість життя мешканців міст, часто це відбувається не в напрямі їх поліпшення; під впливом урбаністичних соціально-психологічних умов все менше спільних рис лишається в стилі життя мешканців міст та сіл. Чим більше поляризуються сільський та міський способи

життя, тим більш привабливим стає місто як місце проживання й трудової діяльності. Як наслідок, серед мешканців нашої планети стають все більш поширеними індивідуальні та групові форми життя і діяльності, що є адаптованими до міського середовища.

Усі ці процеси і явища викликали своєчасну реакцію світової політичної еліти та наукової громадськості. Так, підсумковий документ Конференції ООН зі сталого розвитку «Майбутнє, якого ми хочемо» (20-22 червня 2012 р., м. Ріо-де-Жанейро, Бразилія) в його розділі «Рамочна програма дій та наступні заходи» містить окремий підрозділ «Сталі міста та населені пункти» (пп. 134-137). В документі наголошено на «необхідності застосування цілісного підходу до урбанізації та розвитку населених пунктів» [1].

Україна є високоурбанізованою країною, хоча за офіційними даними в міських поселеннях нашої країни мешкає 68,77 % населення (на 01.01.2012 р.) [3], цей показник не відображає реальних наслідків урбанізації, т.я. спирається на формальну ознаку реєстрації. За експертними оцінками, рівень урбанізованості України давно вже сягнув 75%, тобто фактично наша держава за цим показником перебуває серед числа найбільш урбанізованих націй. Природно, що і всі проблеми й негативні наслідки урбанізації мають гострий прояв в Україні.

З позицій сучасної географічної науки, на соціально-економічний розвиток конкретного поселення істотний вплив справляє його позиція і статус в системі розселення. Не менш істотним чинником, що в значній мірі детермінує розвиток міста, є суспільно-географічне положення, тобто просторові відношення щодо сировинних, енергетичних, водних та інших ресурсів, транспортних шляхів сполучення, що формує систему зовнішніх чинників соціально-економічного розвитку міста в конкретних суспільно-історичних умовах.

Складне ціле може вдало функціонувати тільки у випадку, якщо воно має системний устрій. А місто за своєю сутністю не може не бути системою. Воно складається з різних за організацією та призначенням елементів, котрі доповнюють один одного, знаходяться у постійному взаємозв'язку та взаємозалежності. Складовим частинам міста притаманні домірність, ієрархічність, що визначена їх функціями, обсяг охопленості зв'язками. Всі функціональні частини міста об'єднані спільністю ресурсної бази, яку має міська територія, спільністю міста. Всі вони формують міське середовище.

До найважливіших передумов, що сприяють або стримують подальший розвиток міста належать також фактори внутрішнього характеру – власні ресурси розвитку поселення, найважливішими видами яких є: територіальні, трудові, водні, комунікаційні, рекреаційні ресурси та ін. Кожному поселенню притаманний власний рівень їхнього використання, що значно впливає на потенціал перспективного розвитку.

Найсуттєвішим для цілей цього дослідження є розуміння того, що бурхливі процеси життя населення, виробництва та переміщення товарів, капіталу та інформації, котрі ні на мить не припиняються у містах, спричиняють без-

перервну трансформацію функціональної структури міста – функціональний розвиток, тому що функціональне розмаїття і строкатість призводять до розвитку.

Таким чином, функціональний розвиток – це перманентна трансформація функціональної структури міста, що спричинена інтенсивними процесами життєдіяльності населення, розвитком виробництва та переміщенням товарів, капіталу та інформації.

Потенціал міста – сукупність можливостей для розвитку – використовується різними видами діяльності. Це неминуче призводить до зіткнення інтересів сил, що споживають один обмежений ресурс. Так, наприклад, виникають протиріччя між старими виробництвами, що вже облаштувались у місті, і новими, що прагнуть знайти собі місце; різні прошарки населення висувають, відповідно, і різні вимоги до організації життєдіяльності і міського простору, прагнучи сформувати міське середовище у відповідності до своїх смаків та уявлень.

Поселенська мережа України характеризується нині значними відмінностями та контрастністю рівнів соціально-економічного розвитку, неузгодженістю низки законодавчих та нормативно-правових актів з містобудівним законодавством і невизначеною загальнодержавною стратегією розвитку поселенської мережі.

Існуюча ієрархія поселень, котра є результатом чинного в Україні адміністративно-територіального устрою, не відбиває об'єктивно існуючі структурно-функціональні рівні в системах розселення й не відповідає фактичним наслідкам урбанізаційних процесів в нашій країні. Змагальність серед міських поселень й «гонитва» за адміністративно вищим рівнем підпорядкування, що спостерігається нині, є яскравою ілюстрацією і похідною цього стану територіального управління.

Нинішня стадія урбанізації в Україні характеризується стрімким, нерегульованим й неконтрольованим поширенням міського способу життя на прилеглі території, виходом міського середовища за інертні адміністративні й статистичні міські межі, експансією міської забудови та комунікацій на сільську місцевість, функціональною реструктуризацією приміських зон, що призводить до формування таких ареальних форм територіальної організації міського розселення як урбанізовані території.

Триває процес надмірної концентрації населення та виробництва у великих містах, у той час як розвиток більшості середніх і малих міст, селищ та сіл уповільнений і є неефективним.

На тлі скорочення середньої людності поселень різних категорій спостерігається тенденція збільшення загальної площі територій населених пунктів. При цьому землі використовуються нераціонально. Значні площі зайняті під складування відходів виробництва, під сміттєзвалища тощо. Здебільшого, неефективно використовуються землі, відведені під об'єкти промисловості, транспорту, енергетики, а також землі рекреаційного призначення. Через недостатність коштів державного та місцевих бюджетів майже припинено роз-

роблення і коригування генеральних планів населених пунктів, іншої містобудівної документації, яка є основою для вирішення питань щодо забезпечення раціонального використання території.

Недосконалість промислових технологій, систем землекористування, невідповідність потребам виробництва екологічної інфраструктури, систем вилучення, переробки і знешкодження відходів, відсутність зворотного водоспоживання на промислових підприємствах, зношення інженерної інфраструктури призводить до значного забруднення атмосферного повітря, водних і земельних ресурсів, погіршення загального санітарно-гігієнічного стану.

Отже, оптимізація урбанізаційних процесів в Україні може відбуватися лише при поєднанні активної державної регіональної політики та ефективної міської політики, як її невід'ємної та провідної складової. У свою чергу, реалізація державної міської політики має розглядатись як складова стратегії сталого збалансованого розвитку країни на тривалий час. Крім того, у рамках державної міської політики має передбачатись розробка, за якнайширшої участі фахівців-географів, конкретних механізмів та шляхів реалізації ефективної моделі сталого збалансованого розвитку міст України.

Література

1. Будущее, которого мы хотим. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 66/288 [Электронный ресурс]. – NY: UN Distr.: General. – 11.09.2012. – 68 с. – Режим доступа до документа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement>
2. Про концепцію сталого розвитку населених пунктів: Постанова Верховної Ради України // Офіційний вісник України. – К., 2000. – №1. – С. 29–40.
3. Чисельність наявного населення України на 1 січня 2012 року / Державна служба статистики України. – К.: ІВЦ Державна служба статистики України. – 112 с.

Дозморов В.А.

Преподаватель,

Пермский техникум профессиональных технологий и дизайна

г. Пермь, Россия

СТРАХОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПЕРМИ)

Вы когда-нибудь слышали что-нибудь о «банковской» культуре, «торговой» или «инвестиционной»? Имеют, правда, право на жизнь и вполне привычны слуху «культура обслуживания» и «производственная культура», но их почему-то для страхования оказалось недостаточно, и родился некий мутант — «страховая культура». При ближайшем рассмотрении за его причудливой внешностью большинство видит просто привычку или, вернее, отсутствие привычки страховать, т.е. вещь вполне понятную и для страховщика не обидную. Ведь в большинстве случаев в отсутствии так называемой страховой культуры обвиняются потенциальные покупатели страховых услуг [1].

Цель: проанализировать уровень развития страховой культуры среди жителей города Перми.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. изучить подходы к определению понятия «Страховая культура».
2. проанализировать уровень развития страховой культуры среди жителей города Перми.
3. сформулировать пути решения проблем, связанных с формированием страховой культуры населения города Перми.

Объект исследования: страховая культура. Предмет: развитие страховой культуры населения города Перми.

Гипотеза: страховая культура населения города Перми находится на низком уровне развития, что является главной проблемой современного страхового рынка.

Четкого определения понятия «Страховая культура» нет. Некоторые авторы пытаются дать свое понимание данному определению [2, с. 24]. На основе этих суждений была сделана попытка сформулировать собственное определение страховой культуры. Страховая культура – определенная форма психологического восприятия, т.е. уровень осознания населением необходимости страхования как способа обеспечения гарантии возмещения ущерба при наступлении различных непредвиденных обстоятельств, осведомленность населения о методах функционирования страховых институтов, готовность населения приобрести необходимые страховые продукты.

Для того, чтобы определить уровень развития страховой культуры населения города Перми в 2012 году был проведен опрос. В опросе приняло участие 120 человек. 34 % - женщины, 66 % - мужчины. Возраст, участвовавших в опросе: 16 – 20 лет: 20 %, 20 – 30 лет: 30 %, 30 – 40 лет: 26 %, 40 – 55 лет: 17 %, более 55 лет: 7 %.

Все участники опроса (100 %) оказались застрахованы в обязательной форме (ОМС, ОСАГО) и только 40 % в добровольной форме. Положительное отношение к страховым организациям высказали 23 % опрошенных, отрицательное – 26 %, нейтральное – 51 %.

В ходе исследования была так же выявлена оценка качества предоставляемых страховых услуг в городе Перми по критериям:

1. надежность (определяет способность фирмы выполнить обещанную услугу точно и аккуратно) – 36 %.
2. доступность (характеризует возможность получения клиентом услуги без длительного ожидания) – 17 %.
3. безопасность (оценивает, не подвергает ли данная услуга клиента опасности или риску, не является ли сомнительной) – 28 %.
4. вежливость (насколько учтивы и любезны сотрудники компании, насколько они внимательны к своим клиентам) – 19 %.

Проведенный опрос показал, что большая часть населения не пользуется продуктами добровольного страхования, поскольку относится к страховым организациям с недоверием. Можно утверждать о том, что уровень развития страховой культуры населения в городе Перми низкий. Следовательно, гипотеза подтвердилась.

Таким образом, по результатам исследования были предложены пути решения проблемы, связанной с развитием страховой культуры населения города Перми. Одним из факторов развития страховой культуры населения можно назвать государственный фактор. Это и государственное регулирование и мероприятия, вводимые на рынок страхования государством. Поэтому следует создавать особую систему в области формирования страховой культуры среди населения [3, с. 43].

Конечно, злоупотреблять принудительными методами на страховом рынке не стоит. Поэтому функция государства в развитии страховой культуры должна сводиться не к введению новых обязательных видов страхования, а скорее к просветительской деятельности и тесному сотрудничеству с профессиональными союзами страховщиков, к поддержанию постоянного диалога с представителями страхового сообщества.

Литература

1. Гаджиев Р. «Страховая культура» населения и развитие частного страхования. // [www.insur-info.ru / press / 4118/](http://www.insur-info.ru/press/4118/)
2. Дзюба А.А. К вопросу о формировании страховой культуры населения г. Перми. // Материалы седьмой научно-практической конференции студентов КГАОУ СПО «Пермский техникум профессиональных технологий и дизайна», 1 марта 2012 г. – Пермь, 2012. – 49 с.
3. Малолетнев А.М. Российский рынок розничного страхования. // Организация продаж страховых продуктов, 2008, № 3.

Дьячкова А.А.

*студентка II курса магистратуры
Оренбургского государственного университета
г. Оренбург, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ: СУЩНОСТЬ И ГЕОГРАФИЯ

Социальный туризм – разновидность любых видов туризма, субсидируемая из средств, выделяемых на социальные нужды, в целях создания условия для путешествий школьникам, молодежи, пенсионерам, инвалидам, ветеранам войны и труда и иным гражданам, которым государство, государственные и негосударственные фонды, иные благотворительные организации и фонды оказывают социальную поддержку, как наименее обеспеченной части населения при использовании их права на отдых. [1]

Исторически социальный туризм был ориентирован в первую очередь к рабочим и был связан с рабочим движением конца XIX - начала XX вв.

Потребность в туризме как в рекреационно-познавательной деятельности в свободное время носила объективный характер для индустриального городского пролетариата. Проблема свободного времени рабочих была одной из приоритетных для рабочих организаций и профсоюзов. Серьезным препятствием для вовлечения в туризм широких масс населения были материальная необеспеченность и отсутствие оплачиваемых отпусков. Практически до 1930-х гг. ни в одной стране мира не существовало законодательства об отпусках для лиц наемного труда или государственных служащих. Более благоприятные предпосылки для становления социального туризма существовали в Англии, где довольно рано сложилась устойчивая традиция отпусков («holidays»). [2, с.56]

В конце XIX - начале XX вв. в целом ряде европейских стран возникла группа рабочих союзов, которые ставили своей целью просветительскую деятельность среди рабочих и полезную организацию их свободного времени.

Самый пик развития социального туризма в нашей стране приходится на 1930-е и 1960-е годы, когда функционировало большое число туристических клубов и секций по всей стране. Для студентов и работающих молодых людей было доступно во время очередного отпуска отправиться в любой уголок страны.

Сегодня социальный туризм в ряде цивилизованных стран развивается в виде «ассоциативного туризма», организаторами которого являются профессиональные союзы туристских компаний и ассоциации социального туризма. Основной задачей социального туризма стала организация дешевых поездок для людей с низкими доходами.

Большое внимание «доступному» культурно-познавательному туризму уделяется в таких странах как: Испания, Финляндия, Франция, Австрия. Интересно отметить, что в высокоразвитых странах, таких, как США и Германия, социальный туризм как вид дотируемого туризма отсутствует. [5]

В Западной Европе развитию социального туризма традиционно уделяется серьезное внимание как фактору экономического развития, социальной стабильности общества, оздоровления нации. [3, с.78]

В настоящее время по линии социального туризма в Российской Федерации действует Российская Ассоциация Социального Туризма (РАСТ), которая является правопреемником Российского республиканского совета по туризму и экскурсиям. Ассоциация учреждена в 1990 г. туристско-экскурсионными объединениями и фирмами практически всех регионов Российской Федерации. [4, с.58]

Сегодня в России развивается система социального страхования, участвующая в развитии внутреннего туризма. Из бюджетных источников по статье «здравоохранение», внебюджетных – «социальное страхование» и «медицинское страхование» гражданам оплачиваются путевки в санатории и пансионаты. Сохранились и развиваются ведомственные дома отдыха, туристские базы. На рисунке 1 представлено количество организаций,

осуществляющих туристическое обслуживание школьников, студентов и пожилых граждан в рамках социального туризма.

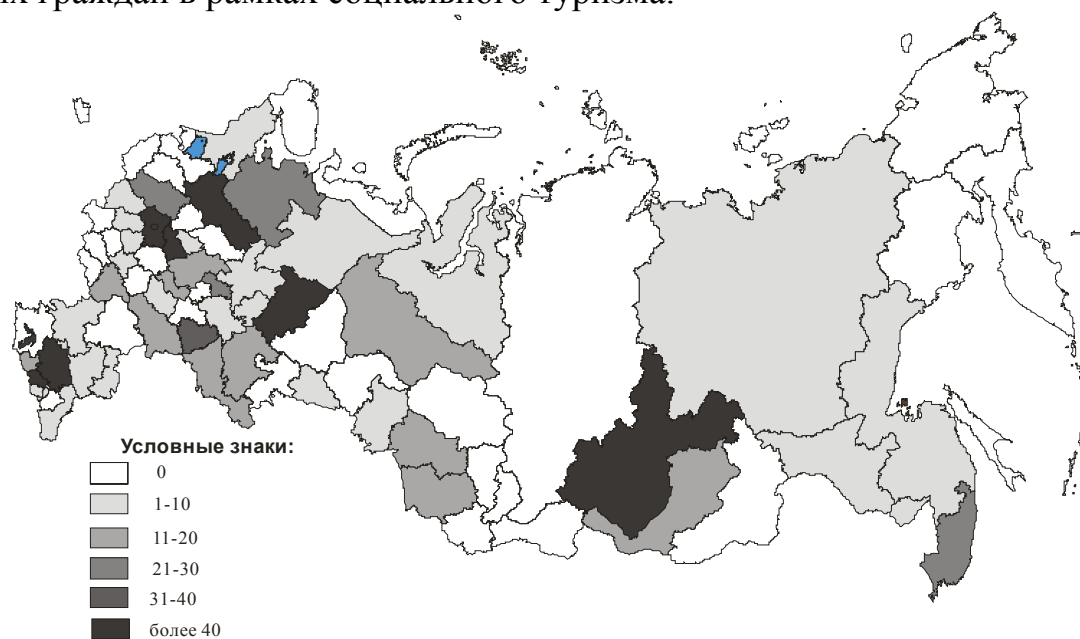

Рисунок 1 - Количество организаций, осуществляющих туристическое обслуживание школьников, студентов и пожилых граждан в рамках социального туризма
Картосхема составлена автором на основе статистических данных [1]

В Российской Федерации к настоящему времени профсоюзы утратили свои былые позиции в части развития социального туризма в нашей стране, а Национальная туристская администрация (Ростуризм) на протяжении многих лет, вплоть до 2008 г., демонстрировала свою несостоятельность в решении этой проблемы. Таким образом, попытки реформирования советской распределительной системы социального туризма в новых условиях не привели к положительным результатам. До сих пор подавляющая часть населения страны, несмотря на законодательно продекларированный приоритет государственной поддержки социальному туризму, не имеет доступа к благам туризма. По разным оценкам в настоящее время реально пользуется возможностями социального туризма не более 5% населения, а более 38 миллионов пенсионеров практически не имеют доступа к туристским благам.[1]

С целью изучения осведомленности, перспектив социального туризма и заинтересованности в нем населения Оренбургской области, нами был проведен соцопрос. В соцопросе принимали участие 78 человек, из них 25% студенты, 60% – работающие от 18 до 40 лет, 12% – работающие старше 40 лет, 3% пенсионеры старше 60 лет. Анкетирование было проведено преимущественно среди городских жителей (76% опрошенных).

В ходе соцопроса выяснилось, что 79% опрошенных не пользовались услугами социального туризма, а 1% даже не имеют понятия, что это за вид туризма, 3% кто пользовался услугами социального туризма остались недовольны, по причине низкого уровня обслуживания. Только 30% опрошиваемых ответили положительно на то, что социальный туризм в

полной мере отражает количество и качество предоставляемых услуг. На вопрос о целесообразности изучения потребностей и возможностей в сфере развития и продвижения социального туризма, положительно ответили 98%. 99% опрошенных хотели бы пользоваться привилегиями социального туризма.

В Оренбургской области имеются ресурсы для развития социального туризма, но это развитие возможно пока только через государственное регулирование, поставив во главу угла общедоступность туризма как внутри области, так и внутри страны.

Литература

1. Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) [Электронный ресурс]: Социальный туризм – Режим доступа: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140836/>
2. Квартальнов, В.А. Туризм: история и современность. [Текст] В 4-х томах. – Т. 2: Социальный туризм. / В.А. Квартальнов – М.: Финансы и статистика, 1998.
3. Дмитриевский, Ю. Д. Туристские районы мира [Текст]: Учеб. пособие / Ю. Д. Дмитриевский. – Смоленск.: СГУ, 2000, 103 с.
4. Никоноров, С.М. Социально-экономическая модель развития региона через экологический туризм / С.Н. Никоноров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. - 2008. - № 4. - С. 58-63
5. Travel.ru [Электронный ресурс]: информационный сервер о туризме и путешествиях.- М., 2002-2011.– Режим доступа: URL:<http://www.travel.ru>

Чурикова Р.Ф.

магистрант II курса

Оренбургский государственный университет

г. Оренбург, Россия

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ТУРИЗМА В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Спрос на туристские услуги определяет возникновение обособленных сегментов туристского рынка, например, таких как охотничий туризм.

Российская Федерация в целом и Оренбургская область в частности обладают огромными запасами ресурсов для развития охотничьего туризма. В работах отечественных специалистов в достаточной мере проанализированы вопросы изучения этой услуги в качестве объекта экономических исследований. Отдельные вопросы, связанные с формированием услуг охотничьего туризма рассматривались в публикациях сотрудников ВНИИ охоты и звероводства, Вятской государственной сельскохозяйственной и Иркутской государственной сельскохозяйственной академий, а так же в публикациях периодических изданий на охотничье-рыболовную тематику: «Сафари», «Охота и охотничье хозяйство», «Рыболовный туризм» [1,2].

Возрастающее значение охотничьего туризма и недостаточная исследованность организационно-экономических, территориальных проблем его развития как в России в целом, так и Оренбургской области в частности, определили выбор темы исследования.

Актуальность исследования определена необходимостью развития охотничьего туризма, как эффективного механизма улучшения ведения охотничьего хозяйства в регионах страны.

Охотничий туризм – это особый вид туризма. Также считается, что это вид путешествия, который совершается с целью охоты на диких животных и птиц.

Многие авторы смешивали два разных понятия – охотничий туризм и трофейная охота. Главной целью трофейной охоты, является полная удовлетворенность охотника-трофейщика, в желании добыть нужный трофей. Однако охотничий тур состоит не только из трофейной охоты, но еще и из целого ряда услуг, которые необходимы для удовлетворения потребностей (проживание, питание, сопровождение, транспортировка и т.д.). Вообще, охотничий туризм зарождается там, где помимо охоты есть путешествие за пределы обычной среды. Если такого путешествия нет, то тогда следует говорить о трофейной охоте.

Россия обладает, пожалуй, самими огромными ресурсами, как для развития внутреннего охотничьего туризма, так и для встречи иностранных путешественников. У нашей страны есть для этого все необходимое и огромная территория, и богатое историческое, а так же культурное наследие, и в отдельных регионах нетронутая, дикая природа.

По мнению многих ученых наиболее перспективными территориями являются регионы, находящиеся в нескольких природных зонах одновременно. Что позволяет расширить перечень предлагаемых охотничьих трофеев за счет богатого биоразнообразия этих регионов.

Наша область, так же как и вся Россия располагает огромными ресурсами для развития охотничьего туризма.

Одним из основных результатов работы явилось проведенное нами рекреационное районирование территории Оренбургской области для целей охотничьего туризма и построение карты с выделением приоритетных районов для целей охотничьего туризма в Оренбургской области [3,4].

Так же нами было проведено анкетирование среди жителей Оренбургской области для того чтобы подтвердить актуальность нашего исследования.

В анкетировании приняло участие 80 человек (50 муж. и 30 жен.), мужчин целенаправленно опрашивалось больше так как этот вид туризма в основном рассчитан для них.

В результате проведенного опроса были получены следующие результаты:

- изучаемое нами явление вызывало интерес у разного контингента людей, как по возрасту, так и по профессиональному статусу;
- явление все же не достаточно известное, о чем говорит 20% опрошенных людей ничего не слышавших о термине «охотничий туризм»;

– из тех людей кто что-либо слышал об этом понятии, в основном знают о заграничном «охотничьем туризме» более 50% респондентов, это еще раз подтверждает, что в России это явление не достаточно известно;

– однако 100% респондентов хотели бы посетить охотничий тур и считают этот вид туризма необходимым для общества;

– так же 100% опрошенных считают нашу область привлекательной для развития в ней этого вида туризма при этом большинство считают привлекательными все ее части;

– для выбора туристической путевки 80% респондентов выделили из СМИ Интернет-ресурсы.

Полученные данные подтверждают актуальность нашего исследования, и служат ориентиром в каких направлениях необходимо продолжать нашу работу.

Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Оренбургской области (грант № 12-11-56000)

Литература

1. Охота и охотничьи хозяйства мира [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ohotnoe.ru>
2. Охотничий и рыболовный журнал «Сафари» [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.safari-magazine.ru>
3. Статистические данные ГУ «Оренбургохотводбиоресурс» о численности охотничьих видов животных в общедоступных охотничьих угодьях за 2010 год
4. Чибилев, А.А. Атлас природного наследия Оренбургской области / А.А. Чибилев. – Оренбург: Институт степи УрО РАН, ИПК «Газпромпечат» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2006. – 60 с.

Бурданова С.А.

Аспирант ГОУ ВПО ИГПИ им.П.П. Ершова

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО ПРИИШИМЬЯ

Политические и экономические преобразования Российской Федерации, значительно повлияли на этнодемографические реалии.

Географическое исследование этнодемографических проблем (особенностей динамики и воспроизводства этносов, народов) развито чрезвычайно слабо. Недооценка национальных различий, длительное время преобладавшей в науке и хозяйственной практике, а также вытекающим из этого отсутствием необходимых для анализа статистических материалов. Региональные этнодемографические проблемы изучены лишь в самом поверхностном виде. Между тем на различных территориальных уровнях важны и особенности демографического развития национальностей, и этническая структура населения районов, и межэтнические демографические взаимодействия.

Причина недооценки этнодемографии регионов заключается в постулировании многие годы следующего тезиса, цитируемого по одному из

наиболее обстоятельных этнодемографических исследований: В.И. Козлов утверждает, что сама потребность выбора национальностной принадлежности детей в межнациональных браках уменьшилась и это положение «сложилось в результате достижения фактического равноправия национальностей»[1, с.94].

Реальная практика показала несоответствие такого вывода фактической ситуации, а недостаточная изученность этнодемографических проблем ограничивает в настоящее время возможности проведения регионально-социально-экономической политики, учитывающей эти проблемы, затрудняют совершенствование административно-территориального устройства регионов.

Исследование посвящено изучению этнического состава территории Приишимья и разработка рекомендаций для практического использования качественных показателей этноса в хозяйственной деятельности.

В качестве территории исследования было выбрано Тюменское Приишимье. Он включает в свой состав территории города Ишима и Ишимского, Абатского, Бердюжского Казанского, Сладковского, Викуловского и Сорокинского административных районов.

Причиной этнодемографических изменений структуры населения являются различные темпы роста у разных этносов, зависящие от трех основных факторов – демографического (естественное движение), миграционного (механическое движение) и этнической идентификации.

Обратим внимание на механическое движение населения. Как свидетельствуют данные Всероссийской переписи населения 2010 года, в Тюменской области (без учета ХМАО-Югры и ЯНАО), так и в 2002-м, проживали представители более 140 национальностей [2]. Учитывая, что в стране 194 этноса.

В национальном составе Приишимья преобладающее большинство **русских** – 83,8% от общей численности населения, от общего количества указавших свою национальную принадлежность. За годы прошедшие после переписи в 2002 году численность русского населения выросла на – 2,7 %.

Второе место по численности занимают татары - 8,1%, как в 2002 году так и в 2010 году.

Третье место по численности занимают украинцы - 1,3%. Около одного процента - казахи. Не многочисленны немцы (0,9%), чувашаи и азербайджанцы (по 0,7%), армяне (0,6%), белорусы (0,4), таджики, башкиры и узбеки (по 0,2%). Доля же представителей остальных национальностей, напомним, не превысила 0,1%.

Международная миграция сдерживает убыль населения и является поставщиком трудовых ресурсов на территории. Стоит отметить, что иммигранты из стран Таджикистана, Казахстана и Узбекистана характеризуются низким уровнем грамотности (рис.1) .

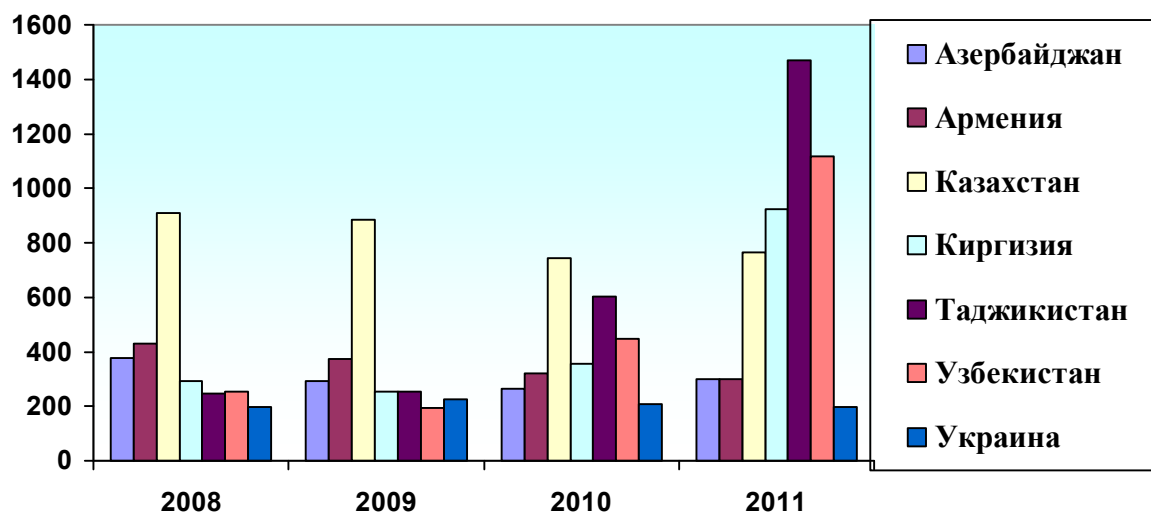

Рис. Миграционный прирост населения юга Тюменской области. (ед.)

Этнокультурную неоднородность Приишимья как фактор экономического развития долгое время если не игнорировали, то до крайности упрощали. А ведь именно национальная культура, конечно, наряду с другими факторами, создает у работника устойчивые поведенческие стереотипы и играет особую роль в формировании человеческого капитала[3]. Учитывая это факт, автор предлагает созданию небольших промышленных предприятия и учреждения нового обслуживания в сельской местности, поскольку это упрощает решение жилищной проблемы

Анализируя этнические особенности проживающих на территории Приишимья народов видно, что в ходе истории каждый народ испытал на себе влияние политических, экономических факторов и т.д. Что повлияло на появление негативных сторон (алкоголизм, безрассудство). Но не нужно забывать, что в каждом народе генетически заложен его положительные качества. Например, для русских характерно широкая душа, для татар – трудолюбие, для украинца – прагматичность. Именно эти качества будут точками роста в демографических и социально-экономических программах развития села. Например, при рассмотрении вопроса о размещении мини завода по переработке сельхоз продукции в одном из районов Приишимья нужно учитывать не только сырьевую базу, транспортную доступность, энергоресурс, но и потенциал рабочей силы с учетом национальных особенностей.

Автор предпологает при разработке программ социально-экономического развития территории учитывать этнический фактор.

Литература

1. Федоров Г.М. Геодемографическая обстановка. Л.: Издательство Ленингр. Ун-та, 1985. 170с.
2. Демографический ежегодник (2007-2011): Стат. сб. в 4-х частях. Ч.4./Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2011. –288с.
3. Этнические факторы сельского хозяйства Нефедова Т.Г. Социальная география сельского хозяйства // Региональные исследования. 2006. № 4.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

В последнее время особую значимость приобрела проблема усиления конкурентоспособности российских вертикально-интегрированных нефтегазовых корпораций. Характерная особенность современного состояния нефтегазового комплекса России, однотипность технологии и производства, заставляющая менеджеров искать конкурентные преимущества в других факторах производства, важнейшим из которых является работник. Актуальность данной темы связана с увеличением производительности и качества труда на нефтегазовом предприятии.

Организация труда, в общем случае – это методы наиболее рационального соединения рабочей силы со средствами производства, обеспечивающими рост производительности труда и способствующие сохранению здоровья работников.

В настоящее время крупнейшие компании нефтегазового комплекса увеличивают производительность и качество труда следующими методами (рисунок 1).

Все вышеперечисленное способствует увеличению возможностей специалистов и работников компаний.

Рассмотрим основные системы поддержки и мотивации сотрудников в различных компаниях:

1. ОАО «Газпром трансгаз Томск»

«Социальные проблемы и условия работы газовиков имеют приоритетное значение для руководства предприятия. Для создания хороших условий работы газовиков в любых погодных условиях на трассе, приобретены комфортабельные вагончики, современная спецодежда.

Реализуется жилищная программа, благодаря которой 150 человек улучшили свои условия. Большое внимание уделяется системе подготовки кадров. Существует программа подготовки кадров, благодаря которой знающие, образованные профессионалы могут реализовать свой личностный потенциал. Для подготовки кадров по рабочим специальностям и переподготовке рабочих, специалистов, в 2006 году открыт учебный центр Газпром трансгаз Томска. Специально для обучения современным технологиям сварочного дела открыт сварочный полигон».

2. ОАО «Томскнефть»

ОАО «Томскнефть» ВНК традиционно уделяет большое внимание развитию персонала. Особенностью системы образовательной политики Общества являются непрерывность и планомерность. Общество начинает работать с молодежью со школьной скамьи и продолжает развивать и оценивать работников на протяжении всех работников в Обществе. Именно такое системный подход позволяет обеспечить приток высокообразованной, имеющей хорошую профессиональную подготовку молодежи и стимулировать постоянное развитие сотрудников общества, независимо от занимаемой должности». В ОАО «Томскнефть» ВНК существуют два направления развития персонала: управленческое обучение и профессионально-техническое обучение.

3. ОАО «Лукойл»

Сотрудники Компании являются основой потенциала ОАО "ЛУКОЙЛ". «На сегодняшний день наш персонал насчитывает около 150 тыс. специалистов, ведущих деятельность в более чем 60 регионах России и 30 странах мира на четырех континентах. Учитывая то, что именно профессионализм работников и удовлетворение трудом положены в основу процветания Компании, в мае 2003 года была принята Политика управления персоналом ОАО "ЛУКОЙЛ", которая является основополагающим документом в области управления кадрами и опирается на фундаментальные принципы деятельности и миссии ОАО "ЛУКОЙЛ" – стать одним из лидеров среди крупнейших энергетических компаний мира. Политика управления персоналом - это политика единой интегрированной компании, имеющей сильную и устойчивую корпоративную культуру и стройную систему корпоративных ценностей. Основой Политики управления персоналом является построение системы, предполагающей создания конкретных мер:

- по мотивации каждого работника к достижению целей, обусловленных стратегией компании;
- по определению критериев по оценке степени достижения результатов;
- по вознаграждению и поощрению сотрудников.

Также ОАО «Лукойл» имеет свою систему работу с молодыми работниками и специалистами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что крупные нефтегазовые компании имеют четкую стратегию в отношении своих работников и заинтересованы в развитии их производственного потенциала.

Список использованной литературы

1. Пучков А. А. Организация труда вахтовым методом на нефтегазодобывающих предприятиях Западной Сибири.//Вестник Томского государственного университета.– 2007.–№296.–С.219-222;
2. Шарф И. В. Основы экономической деятельности предприятий НГК/Электронные лекции;
3. Шайдуллина А.Р. Региональный опыт подготовки кадров для нефтедобывающей отрасли в системе «ССУЗ-ВУЗ-Производство»//Казанский Педагогический журнал.–2009.–№1.–С. 23-31;
4. По материалам официального сайта <http://tomsktransgaz.ru/social/>
5. По материалам официального сайта <http://www.tomskneft.ru/personal/>

Кривко С.Р.

директор филиала ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса» в г. Смоленске, канд. тех. наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЙ РЕГИОН КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект нашего исследования составляют проблемные регионы. В отечественной экономической литературе выделяется несколько типов проблемных регионов.

Трейвиш А.И. и Нефедова Т.Г. использовали такие критерии, как сильный спад промышленного производства; темпы относительного обнищания (опережение доходов ценами); сальдо миграции населения; высокая безработица. В результате были выделены два типа территорий: 1) кризисные (включая три подтипа): зона вооруженных территориальных конфликтов на Северном Кавказе; «нищающие окраины» (этнические, северные, кавказские, а также просто периферийные регионы), которые выделяются сильным удорожанием жизни и оттоком населения; районы классической депрессии с сильным спадом производства и безработицей; 2) относительно благополучные: аграрно-индустриальные к западу и к югу от Москвы и полоса от Краснодара до Саратова; нефтегазовые и крупнопромышленные районы; теряющие население, но (парадоксальным образом) благополучные по другим показателям сибирские регионы от Кузбасса до Якутии.

Специальное исследование провел Файбусович Э.Л.. На первом этапе им проводилось ранжирование регионов по ряду показателей (1) экономический (потребление электроэнергии); 2) социально-экономическое благополучие населения (отношение средней начисленной заработной платы к стоимости минимального набора продуктов питания; 3) доля безработного и экономически неактивного населения; 4) общая смертность; 5) динамика численности населения; 6) душевая обеспеченность учреждениями социальной инфраструктуры; 7) индекс строительства жилья на одного жителя в квадратных метрах общей площади; число зарегистрированных преступлений на 100 тыс.

жителей)), что позволило охарактеризовать в баллах уровень проблемности каждого региона.

На втором этапе по итогам ранжирования строилась типология для определения качественных изменений в регионе. Были выделены три основных типа проблемных территорий:

I тип – регионы старого освоения в европейской части России. Некоторые из них и раньше отличались низким уровнем экономического развития (например, Псковская область). Отдельные территории попали в категорию проблемных, поскольку в наибольшей мере пострадали от кризиса последнего десятилетия XX века (в частности, Ивановская область). Эти регионы существенно отстают по большинству позиций. Особенно кризисной выглядит геодемографическая ситуация.

II тип, включающий Кавказский (и Калмыкию) и Южно-Сибирский подтипы. Это – национально-территориальные образования с высокой долей титульного населения. В связи с особенностями геодемографической обстановки они характеризуются крайним дефицитом рабочих мест, аграрным перенаселением. Эти регионы и прежде отличались низким уровнем развития. К данному типу можно отнести и Коми-Пермяцкий автономный округ при всей его пространственной изолированности от компактно расположенных регионов выделенных подтипов. Общность проблематики для данного округа определяется более всего высокой долей титульного населения и невыгодным транспортно-географическим положением.

III тип – регионы нового освоения с экстремальными природными условиями, часто сочетающимися с неудобным экономико-географическим положением. Изменившиеся за последнее десятилетие условия производства в связи с сокращением спроса на продукцию ставших неконкурентоспособными регионообразующих отраслей привели к катастрофическому уменьшению здесь числа рабочих мест. Возникло «индустриальное» перенаселение, механический прирост предшествующих десятилетий сменился мощным оттоком населения. Экстремальность природных условий, отдаленность от главной полосы расселения делают невозможным развитие на этих территориях каких-либо замещающих производств, поэтому миграция населения отсюда носит характер бегства. Однако большинство показателей (кроме механической убыли населения) пока остаются на удовлетворительном уровне. К этому типу примыкает Читинская область, но во многом она близка к регионам второго типа. Основное ядро составляют Мурманская, Архангельская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ и все регионы Дальневосточного федерального округа, кроме Приморского края.

Автор типологии отмечает, что при всех различиях указанных регионов пути решения проблем в них лежат в сфере экономики, и, прежде всего, связаны с привлечением инвестиций для создания достойно оплачиваемых рабочих мест. Что касается демографических проблем, то их острота может снизиться в результате длительных процессов, способных оптимизировать возрастную структуру населения за счет притока трудоспособного населения

в регионы первого типа и снятия демографического давления путем выезда населения из регионов второго типа. К сожалению, на мобильность населения в последнем случае отрицательно влияют его этноконфессиональные особенности. Следовательно, регионы обоих типов по объективным условиям еще долго будут проблемными, дотационными. В этом отношении оптимизм внушает омоложение регионов первого типа за счет притока населения с Севера, из ближнего зарубежья, а в регионах второго типа – близящееся завершение демографического перехода (чрезмерный естественный прирост сегодня отмечается только в Ингушетии).

Гранберг А.Г. выделяют два основных подхода к классификации проблемных регионов. Первый подход предполагает разграничение регионов по степени остроты (кризисности) важнейших проблем. К кризисным регионам он относит территории, подвергшиеся разрушительному воздействию природных или техногенных катастроф, регионы широкомасштабных общественно-политических конфликтов, вызывающих разрушение накопленного экономического потенциала и значительные размеры вынужденной эмиграции населения, регионы, в которых глубина экономического кризиса может вызвать необратимые социальные и политические деформации.

В основе второго подхода лежит типологизация по основополагающим проблемам развития региона. Регионы могут иметь проблемы экономического, демографического, этнического, геополитического характера или же другие проблемы и их сочетания. С точки зрения региональной экономической политики главными типами проблемных регионов, по мнению А.Г. Гранберга, являются отсталые (слаборазвитые) и депрессивные.

К типу отсталых проблемных регионов он относит регионы, имеющие традиционно низкий уровень жизни по сравнению с основной массой регионов страны. Значительная часть регионов данной группы находится в состоянии длительного застоя. Для них характерны низкая интенсивность хозяйственной деятельности, малодиверсифицированная отраслевая структура промышленности, слабый научно-технический потенциал, малоразвитая социальная сфера. В ряде регионов, относимых к группе отсталых, социально-экономическая ситуация отягощается политическими, этническими, криминальными, экологическими проблемами. Понятие отсталости (слаборазвитости) региона является относительным. Оно имеет смысл только в контексте общей социально-экономической ситуации в России, т.е. в сравнении с другими регионами страны.

Депрессивные регионы, по мнению А.Г. Гранберга, принципиально отличаются от отсталых тем, что при более низких, чем в среднем по стране, современных социально-экономических показателях в прошлом эти регионы были развитыми, а по некоторым производствам занимали ведущие места в стране. Как правило, эти регионы имели достаточно высокий уровень накопленного производственно-технического потенциала, значительную долю

промышленного производства в структуре хозяйства, относительно высокий уровень квалификации кадров.

С точки зрения продолжительности депрессивного состояния Гранберг А.Г. различает две группы регионов: 1) дореформенные депрессивные регионы, регресс которых начался в дореформенный период, а в процессе рыночных реформ их положение еще более ухудшилось; 2) новые депрессивные регионы, которые в дореформенный период имели относительно высокий уровень развития, но в настоящее время находятся в состоянии кризиса и не имеют необходимых условий для выхода из него.

Таким образом, резюмируя вышеизложенного, к числу характерных признаков депрессивности автор относит:

1. Сравнительно большую глубину и интенсивность кризисных явлений и деструктивных процессов в экономике даже на общем фоне переживаемого ныне кризиса.

2. Устойчивость кризисных процессов во времени, связанную как с влиянием макроэкономических факторов, так и с отсутствием или недостаточностью внутренних стимулов к саморазвитию, действенных внутренних резервов обеспечения устойчивости экономического роста даже при условии достижения макроэкономической стабилизации в стране в целом.

3. Обусловленность кризисных явлений стагнацией традиционных, профилирующих отраслей народного хозяйства данного депрессивного региона, составляющих основу его хозяйственной специализации.

4. Ярко выраженную локализацию явлений депрессивности, как правило, на ограниченной территории (города, административного района, части области, края, республики и т.д.).

5. Системный характер последствий депрессивного состояния экономики, проявляющийся, в частности, в резком снижении уровня и качества жизни населения, росте безработицы, ухудшении экологической обстановки, нарастании негативных демографических процессов.

Депрессивность региональной экономики в целом может характеризоваться как устойчивое (связанное с действием макроэкономических факторов и с отсутствием или недостаточностью внутренних стимулов к саморазвитию) кризисное состояние экономики определенной территории, проявляющееся сравнительно большей глубиной и интенсивностью деструктивных экономических и социальных процессов, обусловленных стагнацией традиционно ведущих отраслей хозяйства, вызванной доминирующим воздействием резкого нарушения воспроизводственных процессов.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Следующая типология субъектов РФ, представленная авторским коллективом, получена на основе качественного анализа в соответствии с трехмерной классификацией регионов по показателям:

1) экономического потенциала по данным за 1997–1999 гг. (отношение темпов роста ВРП и ВВП России (%); уровень безработицы (на конец года; в % от экономически активного населения); доля топливной промышленности в объеме промышленного производства региона (%);

2) уровня жизни населения по данным за 1995–1999 гг. (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (%); отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму (%); отношение среднедушевых расходов к прожиточному минимуму (%));

3) инвестиционной активности за весь период с 1995 по 1999 год (отношение инвестиций в основной капитал к ВРП; относительные темпы роста инвестиций в основной капитал по сравнению со среднероссийским уровнем; отношение иностранных инвестиций к ВРП).

В результате было выделено семь типов регионов РФ с однородными (либо сближающимися) значениями показателей, характеризующих экономическую ситуацию и экономическую деятельность в регионе:

1. «Производственники-потребители». Регионы характеризуются сравнительно высоким (или повышающимся) уровнем жизни населения, однако инвестиционная активность в них низка. Название «производственники» выбрано условно, поскольку к данной группе могут относиться регионы с преобладанием в региональной экономике как промышленного производства, так и сельского хозяйства. Другими словами, регионы живут за счет потребления существующего капитала, не делая инвестиций для экономического роста в будущем. Фактически к данному типу относятся регионы, основу экономики которых создают крупные металлургические предприятия (Красноярский край, Липецкая область), либо широко диверсифицированное машиностроение с большой долей ВПК (Иркутская, Нижегородская, Самарская области).

2. «Нефтяники-потребители». Здесь представлены в достаточной степени богатые регионы, экономическая активность и богатство которых основаны на производстве продукции топливного комплекса. Объем инвестиций в этих регионах мал, и их экономическое положение полностью зависит от колебаний спроса и цен на топливное сырье.

К данному типу относятся регионы, основу которых создают нефтедобывающие (Республики Башкортостан и Коми, Оренбургская и Пермская области), нефтеперерабатывающие (Республика Башкортостан, Оренбургская,

Пермская и Ярославская области) и угледобывающие предприятия (Республика Коми, Кемеровская область).

3. «Бедные потребители». Данный тип представлен преимущественно бедными регионами с низким (или снижающимся) уровнем жизни населения, не обладающими богатыми запасами природных ресурсов.

Ключевыми факторами, сдерживающими инвестиционные процессы в регионах, являются отсутствие мощной экономической базы и собственных ресурсов. Фактически, данный тип включает регионы, находящиеся в наиболее трудном экономическом положении, перспективы восстановления экономики которых остаются крайне неопределенными.

К числу таких субъектов РФ относятся ряд национальных республик (Алтай, Бурятия, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия-Алания, Тыва, Чувашия), регионов Сибири и Дальнего Востока (Алтайский и Приморский края, Амурская, Камчатская, Курганская, Магаданская, Новосибирская и Читинская области), аграрных регионов Европейской части России (Ставропольский край, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Пензенская, Рязанская, Смоленская и Тамбовская области), а также узкоспециализированных регионов (Ивановская область – легкая промышленность, Кировская область – лесная и деревообрабатывающая промышленность).

4. «Богатые инвесторы». С экономической и социальной точки зрения – это наиболее благополучные регионы. Нужно отметить, что только два из пяти отнесенных к данному типу регионов имеют высокую топливную составляющую в ВРП – Татарстан и Тюменская область. Два других региона (Белгородская и Новгородская области) добились роста уровня жизни и экономического потенциала в первую очередь за счет развития на их территории новых производств (преимущественно с участием иностранного капитала). Москва относится к данному типу, поскольку ее экономическое положение определяется столичными функциями и ее ролью финансового центра России. Важной отличительной чертой рассматриваемого типа является высокая (или растущая) инвестиционная активность за счет как иностранных, так и внутренних инвестиций, что создает потенциал для их устойчивого экономического положения в будущем.

5. «Бедные инвесторы». В состав данного типа вошли следующие регионы РФ: Астраханская, Костромская, Ленинградская, Омская, Орловская и Сахалинская области, республики Адыгея, Кабардино-Балкария и Удмуртия, г. Санкт-Петербург (факт принадлежности к данному типу требует отдельного изучения; СПб – второй по величине город и финансовый центр России с высоко развитой промышленностью). Экономический потенциал в большинстве регионов достаточно высок, однако это не способствует повышению уровня жизни населения. Тем не менее, сделанные инвестиции позволяют надеяться на улучшение ситуации.

6. «Шатающиеся». Регионы данного типа характеризуются крайне неустойчивой ситуацией в социальной и экономической сфере: уровень жизни населения, инвестиционная активность и экономический потенциал меняют-

ся в них от года к году. К их числу относятся: Владимирская, Вологодская, Московская, Тверская, Томская и Челябинская области, Краснодарский край и Республика Саха (Якутия). Явные тенденции в сторону улучшения или ухудшения ситуации отсутствуют.

Средние значения всех характеристик несколько хуже, чем для России в целом, исключение составляет отношение инвестиций в основной капитал к ВРП. Важно отметить, что значительную часть составляют регионы с достаточно развитой обрабатывающей промышленностью, с высокой долей ВПК – Владимирская, Московская, Томская и Челябинская области. В то же время к рассматриваемому типу регионов относятся несколько субъектов РФ, в которых весьма успешно действуют крупнейшие металлургические и добывающие предприятия: Вологодская область («Северсталь»), Республика Саха (Якутия) («Алроса») и Челябинская область (ОАО «ММК»).

7. «Депрессивные». К числу таких субъектов относятся: республики Дагестан, Калмыкия, Карачаево-Черкесия и Хакасия, Хабаровский край, Архангельская, Волгоградская, Саратовская и Калининградская области.

Регионы характеризуются крайне неустойчивой ситуацией в экономической сфере: инвестиционная активность и экономический потенциал меняются в них от года к году. Однако данную группу регионов объединяет преобладание устойчиво низкого (или снижающегося) уровня жизни населения. Основное отличие данного типа региона от двух других типов «бедных» регионов заключается именно в том, что их нельзя отнести ни к числу «потребителей», ни к числу «инвесторов». Таким образом, регионы определены авторами как депрессивные, поскольку они до настоящего времени не выбрали свой путь экономического развития – консервация слаборазвитой внутренней экономической базы либо привлечение инвестиций в расчете на рост в будущем.

Эта классификация подробная и оригинальная, но попадание в одну группу различных типов территорий вызывает сомнение в адекватности ее объективной реальности случайно избранных признаков классификации.

Обобщая все вышеизложенное, следует отметить, что усиление социально-экономической неоднородности регионов представляет серьезную угрозу не только социально-экономическому развитию России, но и территориальной целостности Российской Федерации, ее экономической и национальной безопасности. Преодоление этих разрушительных процессов возможно посредством сбалансированного пространственного развития регионов Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Направление «ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ»	3
Арташкина Т.А. Связи с общественностью как инструмент информационных войн в культуре	3
Долгих А.Г. Некоторые аспекты философского анализа современной системы образования	11
Рахлеева Н.Н. Прошлое этносов в истории технократического государства	14
Комарова Л.А. Счастье и страдание: философский аспект.....	21
Старовойтова Е.Н. Использование философской категории «развитие» для анализа особенностей динамики моды на одежду.....	28
Щербаков А.В. Возрождение российской духовности: митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителир (Нечаев).....	35
Мозгова Т.А. Культурно-антропологічні трансформації сучасної людини у глобалізованому світі (на прикладі сучасної Японії).....	40
Алифанова Н.В. Невербальные средства общения.....	45
Никитич Л.А. Философия и литература	48
Чумаков В.А. Взгляд гуманиста на проблемы современности.....	57
Савва Е.В. «Политика согражданства» в этнической сфере в современной России: отсутствие перспективы?.....	61
Игнатенко В.А. Формы деятельности избирательной комиссии Краснодарского края по повышению электоральной активности молодежи..	65
Бабенкова Ю.Е., Рукавицына Е.А. Человек как субъект общества и истории: философские и культурологические аспекты.....	68
Костарева А.А. Концепция метемпсихоза в античной философии.....	70
Сайранова У.Ш. Досуговые практики в Англии Викторианской эпохи: гендреный аспект.....	78
Нунуев С.-Х.М. Политизация религии в современном мире: проблемы совершенствования понятийного аппарата анализа	83
Секция «КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»	87
Земенко В.И. Культурная политика Китая: традиции и новации.....	87
Направление «ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»	91
Карзенкова Е.П. Новелла «Эфемериды кохання» Василя Бережного как отражение коммуникативно-речевой категории любовь.....	91
Анісімова Н.П. Історичний дискурс творчості поетичного покоління 80-х років ХХ ст.	98
Колінько О.П. «Модель ліричного світовідчуття» в унікальній конструкції модерністської новели.....	105
Спиридонов А.В. Номинативная функция окказионализмов в произведениях Василия Аксёнова	113
Чайка Л.В. Семантичні деформації у вербальному конфлікті	119

Харишин Д.Г. Образи ідеальної людини у публіцистичній творчості Лу Сі-ня	125
Коломієць Н.В. «Ментальність» як концептуальне поле китайської мови....	129
Голева Е.О. Фактори розвитку язика.....	133
Айданова Ю.Ф. Проблемы перевода этноспецифического художественного текста.....	135
Направление «ИСТОРИЯ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО»	140
Блохина Е.А. Дворцы и музеи в культурном ландшафте российской провинции	140
Соловьева Е.А. Денежное обеспечение нижних чинов российской армии в Симбирской губернии во второй половине XIX в.	146
Курна О.С. Трансформація музейної сфери: від традиційного музею до відкритого	150
Сагалаков Н.У. Музейная педагогика в общеобразовательной школе: опыт и перспективы	153
Целовальникова И.И. Использование труда военнопленных и беженцев в промышленном и сельскохозяйственном производстве Симбирской губернии в годы Первой мировой войны	160
Направление «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, СЕРВИС И ТУРИЗМ»	169
Березянко Т.В. Інституціональні проблеми ділового середовища України...	169
Урасова А.А. Возможности линейного программирования в исследовании социально-экономических процессов	176
Чумакова С.Е. Формирование региональной инновационной системы Пермского края.....	179
Сиротина Н.А. Природно-ресурсный потенциал в экономической системе региона (на примере Пермского края).....	184
Мозговий А.А. Особливості урбанізації в Україні на початку ХХІ століття..	187
Дозморов В.А. Страховая культура населения и пути ее развития (на примере города Перми)	190
Дьячкова А.А. Социальный туризм: сущность и география.....	192
Чурикова Р.Ф. Географические аспекты развития охотничьего туризма в Оренбургской области.....	195
Бурданова С.А. Этнодемографические особенности населения Тюменского Приишимья.....	197
Ермолаева А.В. Модернизация системы организации труда в нефтегазовой отрасли.....	200
Кривко С.Р. Проблемный регион как объект экономического исследования..	202
Кривко С.Р. Типологизация и систематизация проблемных регионов Российской Федерации	206

Научное издание

**ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: СОВРЕМЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

**Часть 1. Философия и культурология,
филология, лингвистика, современные иностранные языки,
история и музейное дело, политология,
экономические науки, социально-экономическая география,
сервис и туризм**

Материалы заочной всероссийской с международным участием научно-
практической конференции
(25–30 декабря 2012 г.)

*Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка К.В. Патырбаевой
Дизайн обложки А.В. Патырбаевой (e-mail: autumnforce@mail.ru)*

Подписано в печать 27.12.2012 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,32.
Тираж 100 экз. Заказ № 1.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского
университета
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО Учебный центр «Информатика»
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

